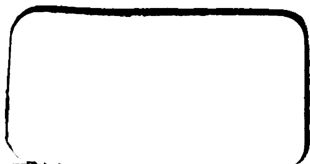

INCHES
CAT. NO. 73035 STUDENTS RULE
cenco
CENTRAL SCIENTIFIC COMPAN

8450

Запорожская Старина.

ПѢСНИ и ДУМЫ

о

лицахъ и событіяхъ до Богдана Хмельницкаго.

[illegible]

[illegible]

ЗАПОРОЖСКАЯ СТАРИНА.

ЧАСТЬ I.

Głucho wszędzie, ciemno wszędzie!
Mickiewicz.

Такъ вѣчной памяти бувало
У насъ въ Гетьманьщинѣ колись.
Котляревскій.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1833.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ пять экземпляровъ. Москва. Мая 19 дня 1833.

Цензоръ Двигубскій.

Издавая въ свѣтъ мое собраніе Запорожскихъ пѣсень и думъ, я имѣю въ виду оказать услугу, хотя и маловажную, не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину Запорожскую, — бытъ, нравы, обычаи, подвиги этого народа воиновъ, который своею храбростію и смѣлостію, своимъ вліяніемъ на весь юго-востокъ Европы и даже малую Азію особенно въ XVII столѣтіи, своимъ страннымъ составомъ, и образомъ жизни, и характеромъ,

будучи отличенъ отъ всего, его окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ памяти потомства. Лѣтописи Украинскія повѣствуютъ только о подвигахъ сего народа, касаясь очень рѣдко до внутренней жизни его, и самыя даже подвиги описываютъ иногда кратко, иногда невѣрно, сбивчиво, часто противорѣча одна другой. Еще менѣе заслуживаютъ вниманія лѣтописи Польскія; еще менѣе — лѣтописи Молдавскія, наконецъ Русскія лѣтописи почти ничего не говорятъ о Запорожцахъ. Эта бѣдность исторіи Запорожцевъ въ источникахъ письменныхъ, заставляетъ наблюдателя искать другихъ источниковъ, — и онъ находитъ для своихъ

изслѣдованій богатый, неисчерпаемый рудникъ въ преданіяхъ народныхъ.

Сіи преданія сохраняются въ памяти бандуристовъ, потомковъ тѣхъ бандуристовъ, кои подобно Скальдамъ Скандинавіи сопровождали храбрыхъ вольниковъ Запорожскихъ во всѣ ихъ походы, подобно Скальдамъ возбуждали ихъ къ битвѣ своими пѣснями, подобно Скальдамъ сохраняли для потомства въ пѣсняхъ и думахъ своихъ подвиги храбрыхъ,

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

И доселѣ на Украинѣ есть какъ-бы особенный цѣхъ стари-

ковъ, кои то, подъ названіемъ и ремесломъ нищихъ, то подъ названіемъ и ремесломъ музыкантовъ, бродятъ изъ села въ село, и тѣшатъ народъ своей игрою на бандурѣ, (*) своими печальными напѣвами пѣсень и думъ старинныхъ, своими расказами про былое.

Въ памяти сихъ стариковъ, живетъ старина Запорожская, и въ семъ отношеніи сіи старики важнѣе всякихъ лѣтописей. Хотя

(*) Инструментъ въ родѣ гитары о 12-ти и даже о 28 струнахъ. *Нечаевъ* упоминаетъ о *пандурѣ*, похожемъ на цитру и употребляемомъ Горцами. См. Поляр. Звѣзду на 1825, стр. 235.

преданія о старинѣ, ими расказываемыя, и подлежатъ строгой критикѣ, но тѣмъ не менѣе почти необходимы для всякаго, кто желаетъ знать исторію Запорожцевъ и даже остальной Украины. Что касается до событій, до внѣшней исторіи народа, какъ называютъ Нѣмцы, то въ сихъ преданіяхъ могутъ быть ошибки въ мелочахъ, — въ именахъ собственныхъ, въ послѣдовательности произшествій. Этого рода преданія можно повѣрить лѣтописями, еще лучше свѣрить ихъ между собою; ибо ни ложь ни ошибка не можетъ быть общею, одинъ бандуристъ скажетъ такъ, другой иначе; критика поможетъ отличить истину отъ вы-

мысла. Другой родъ преданій бандуристовъ—о бытѣ, нравахъ, обычаяхъ Запорожцевъ, т. е. о всемъ, что касается до внутренней исторіи. Эти преданія рѣшительно драгоцѣнны, ибо единственны въ своемъ родѣ и по содержанію, и по обширности.—Главная отрасль преданій бандуристовъ того и другаго рода суть пѣсни и думы.

И кто можетъ слушать безъ соучастія эти пѣсни и думы, въ которыхъ старина Запорожская отразилась такими вѣрными, живописными очерками,—старина, исполненная жизни хотя и грубой, но величественной, поэтической! Въ пѣсняхъ и думахъ Запорожскихъ вы не найдете ни чопорнаго слад-

согласія, ни изнѣженности чувствъ, ни роскоши выраженій. Нѣтъ! въ нихъ все дико, подобно дубровамъ и степямъ, воспринявшимъ ихъ на лоно свое при рожденіи, — все порывисто подобно полету урагана степнаго, подъ глухія завыванья котораго онѣ взлелѣяны,—все бурно, подобно минувшей жизни Запорожья. Нѣжное чувство нерѣдко пробивается сквозь грубую оболочку оныхъ, но какъ кипучая волна Ненасытенецкой пучины Пекла среди холода зимняго сквозь прозрачную кору льда, ее покрывающую,—пробивается, и застываетъ на оной. То пѣсни юноши, коего сердце, почерствѣвши для умильнаго чувства любви, суровое,

непреклонное, радуется одною радостію побѣды и добычи, — питается однимъ желаніемъ битвъ, — юноши, который, неравнодушно взирая на погибель своихъ сподвижниковъ, съ отчаяніемъ отмщевая за смерть ихъ врагамъ, равнодушно ждетъ собственной своей участи, равнодушно, съ надеждою жить въ памяти потомства: эти пѣсни дышатъ отвагой, самонадѣянностію.— То думы старца: убѣленная лѣтами голова его покоится на изголовьи могилы, готовой принять его въ свои нѣдра; его надежды исчезли будто дымъ сновидѣній; но его душѣ осталась еще одна услада, — то воспоминанія минувшаго, то звуки бандуры, ихъ возбужда-

ющіе; и взоры его, прежде пылавшіе буйнымъ пламенемъ воинственности, теперь померкшіе, испепелившіеся, блистаютъ слезой печали о мінувшемъ; и голосъ его, уже увядшій, тихій, едва внятный, оживляется, мужаетъ, повторяя въ унылыхъ напѣвахъ преданія своего времени, своего поколѣнія: въ думахъ нѣтъ той непринужденности, той свободы чувства, которая горитъ въ пѣсняхъ; въ нихъ смѣнила ее старческая вялость, нестройность чувства, хотя и глубокаго, и самобытнаго.—Въ пѣсняхъ выразилась лирика и драматика народной поэзіи Запорожцевъ; въ думахъ — мрачный, холод-[illegible]ій эпизмъ.

Таковъ общій характеръ думъ и пѣсней Запорожскихъ, кои, будучи любопытны для всякаго литератора — беллетристика, важны для историка и этнографа. Подчиненныя музыкѣ, будучи выткерживаемы слово въ слово, или почти такъ, онѣ подлежали меньшему вліянію времени, правильнѣе сохранили свое содержаніе, и кромѣ своего содержанія любопытны какъ произведенія народныя, носящія на себѣ отпечатокъ вкуса, мнѣній, наклонностей народа: онѣ суть памятники не только о старинѣ, но и старины. Разсматривая пѣсни и думы Запорожскія со стороны ихъ народности, находимъ, что многія изъ нихъ очень древни, что

доказываетъ и образъ повѣствованія, и языкъ: относительно образа повѣствованія должно замѣтить, что во многихъ думахъ говорится о повѣствуемыхъ событіяхъ какъ о недавнопрошедшихъ, или даже и настоящихъ; языкъ многихъ изъ нихъ, какъ замѣтилъ уже и К. Цертелевъ, устарѣлъ и для самыхъ Украинцевъ, между тѣмъ какъ языкъ народа необразованнаго, т. е. не имѣющаго своей письменной литературы, измѣняется чрезвычайно слабо и медленно.

Пѣсни и думы Запорожскія по предмету можно раздѣлить вообще на два рода: первый родъ заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы, собственно историческія, т. е. имѣ-

ющія предметомъ повѣствованіе о событіяхъ и лицахъ историческихъ; второй родъ можно назвать этнографическимъ, онъ заключаетъ въ себѣ пѣсни походныя, разгульныя, сатирическія, — думы нравоучительныя, религіозныя, и пр. Первый родъ важенъ преимущественно для внѣшней исторіи Запорожцевъ, второй для исторіи внутренней. Сіе раздѣленіе употребилъ я и въ настоящемъ изданіи. Сіе первое собраніе заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы объ историческихъ лицахъ и событіяхъ до Богдана Хмѣльницкаго.

Остается мнѣ сказать о средствахъ, коими я пользовался для сего изданія. До сего времени пѣ-

сень и думъ Запорожскихъ издано было очень мало; К. Цертелевъ издалъ семь думъ и одну пѣсню, Максимовичъ — около двадцати пѣсень; всего неболѣе 40 пьесъ, между коими только пятая часть историческихъ. Эта малоизвѣстность памятниковъ поэзіи Запорожской и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ пользѣ оныхъ для исторіи Запорожцевъ — побудили меня заняться собираніемъ оныхъ, и наконецъ я при помощи многихъ особъ, почтившихъ занятія мои своимъ содѣйствіемъ, послѣ семилѣтняго труда, успѣлъ собрать довольно значительное количество какъ думъ и пѣсней, такъ и другаго рода преданій. Не все собрано самимъ мною;

большая часть доставлена другими. Я старался съ своей стороны повѣрить самъ лично все доставленное, исправить ошибки, находившіяся въ различныхъ спискахъ, свѣрить списки, выбрать изъ нихъ лучшее, — наконецъ сдѣлать собраніе свое сколько возможно полнѣйшимъ и правильнѣйшимъ. Не думаю, чтобы въ сей первой тетради были всѣ пѣсни и думы, относящіяся къ историческимъ событіямъ и лицамъ до Богдана Хмельницкаго: можетъ быть здѣсь нѣтъ и половины, и того болѣе; покрайней мѣрѣ я сдѣлалъ все что могъ; впрочемъ, предоставляя другимъ сдѣлать лучше, я не отказываюсь отъ продолженія сего труда, и все, что

вновь соберу, буду издавать въ Дополненіяхъ. Въ сей тетради помѣщены подлинники пѣсень и думъ, и варіанты. Не прилагаю словаря, надѣясь современемъ издать полный словарь Украинско-Запорожскаго нарѣчія.

Наконецъ, — я употребилъ для пѣсней и думъ Запорожскихъ свое правописаніе, и потому нахожу нужнымъ представить главныя основанія онаго.

До сего времени появилось очень много мнѣній и правилъ относительно правописанія для языка Украинскаго; но большая часть сподвижниковъ на семъ поприщѣ отличались или любовію къ чумацкой грубости выговора, или чопор-

ностію и многообразіемъ своихъ правилъ. Болѣе другихъ любопытны мнѣнія Максимовича, изложенныя въ Предисловіи къ его собранію Малороссійскихъ пѣсень. Видно, Максимовичъ вѣрно подслушалъ мѣстные выговоры; но его правописаніе, будучи совершенно противно общему мнѣнію и употребленію, заведенному издавна, и притомъ неполно выражено въ правилахъ, не можетъ быть употребляемо вездѣ и всегда. Надобно было сохранить правильность выговора, не отдаляясь отъ общественнаго употребленія, — и между тѣмъ, для пользы самаго же языка не оставить безъ вниманія этимологію. Я нарочно пересматри-

валъ всѣ лѣтописи, бумаги, письма, — словомъ все, что попадалось мнѣ подъ руки писаннаго на Украинскомъ языкѣ; прислушивался къ различнымъ мнѣніямъ; и наконецъ, сообразивши все, вывелъ для себя свои правила правописанія Украинскаго. Я почитаю ихъ самими лучшими; но, будучи подверженъ возможности ошибаться, отдаюсь на судъ и толки знатоковъ. Можетъ быть въ моихъ правилахъ найдутся ошибки, недомолвки, перемолвки и т. п. Можетъ быть—а чего не можетъ быть? — Можетъ быть вся связь моихъ правилъ есть одна огромная ошибка. Впрочемъ я вовсе не думаю о самолюбивомъ защищеніи себя и своего; мнѣ да-

же гораздо пріятнѣе будетъ встрѣтить противниковъ съ доказательствами неосновательности и неправильности моихъ мнѣній, нежели защитниковъ съ похвалами: только отъ первыхъ могу ожидать истиннаго сужденія. И такъ:

1. Согласныя буквы я пишу всегда слѣдуя выговору народному, исключая буквъ ф и хв: Украинцы выговариваютъ ф какъ хв, а хв какъ ф.

2. Полугласныя буквы также пишутся по выговору, исключая одинъ случай, когда должно показать корень, напр. въ словѣ військо (войско) й не выговаривается, но его должно писать, ибо не видно будетъ происхожденія слова; ь въ семъ

словѣ хотя и не нуженъ по происхожденію, но его требуетъ выговоръ.

3. *Гласныя буквы.* Между ними различить должно твердыя отъ мягкихъ:

Твердыя: а, е, и, ы, о, у.
Мягкія: я, е́, і́, и́, у́. ё, ю.

Твердыя: а, о, у, — выговариваются и употребляются какъ и въ Русскомъ языкѣ; е, употребляясь также какъ въ Русскомъ языкѣ, выговаривается твердо, какъ Русское э, или Французское è; и, ы,— употребляются тамъ же гдѣ и по Русски, но выговариваются иначе, обѣ какъ Польское или Богемское у, т. е. не много мягче Русскаго

ы, имѣя срединный звукъ между Русскимъ ы и э.

Мягкія вообще выговариваются какъ и по Русски, съ тою разницею, что предъ каждою изъ нихъ слышится полугласная ь; напр: люди — какъ льюди; ѣхать, по Укр. йхати, выговар. ьихати. Буквы: я, е, ю, — употребляются тамъ-же, гдѣ по Русски; буквы: є ї, — тамъ гдѣ твердыя е, и — выговариваются мягко; і, ї, — гдѣ коренная буква измѣнилась въ звукъ мягкаго и.

Изъ твердыхъ гласныхъ буквъ слѣдующія: е, і, и, ы — выговариваютъ мягко, если предъ ними стоитъ другая гласная буква.

Вотъ все, что я считалъ нуж-

нымъ объяснить предварительно моимъ читателямъ.

Предаю на судъ благосклонности трудъ мой, и не премину воспользоваться совѣтами, если только буду ими удостоенъ.

И. С.

Варваровка на Днѣпрѣ.
1833 года Апрѣля 2.

ПѢСНИ.

1.

Надгробная пѣснь Свирговскому.

I.

Ой у городî у Черкасî
    Сурьмы засурьмили;
Якъ тûй Ляшськи Комиссары
    До Гетьмана приходили.

II.

Ой у городî у Черкасî
    Бубны заорали,
Якъ тûй Ляшськи Комиссары
    До Гетьмана прибували.

III.

Ой, Панъ пышный, Панъ Свирговській,
А ще другій, Панъ Зборовській,

IV.

А ще претій, Морозенко,
А четвертый, Пань Горленко.

V.

Що изъ Волохами Турокъ дерешься,
А изъ Татарами Волохъ бьешься.

VI.

Та Волошськи земли руйнуюшь,
Плиндруюшь, ще й не милуюшь.

VII.

Ой, зайржали кони, кони,
Та пйдъ гору йдучи;
Заголосили бусурманы
Та до Килін идучи.

VIII.

Опшъ якъ Панъ Свирговській
До Килін прибувавъ,
Усйхъ Козакйвъ собиравъ,
Та на Радй прохавъ.

IX.

Спайшъ орликомъ лѣшавъ,
Явороньокомъ гнувся:
Де-сь що я, мои милѣ брашья,
Та й сподѣнуся.

X.

Сподѣнувся Панъ Свирговськiй
У сырiй могилѣ,
Якъ Козаки бѣля ёго
Та загомонили.

XI.

Плакала стара баба Грыциха
Мовь перепелиха, мовь перепелиха;

XII.

Молода сестра сонъ-траву ирвала,
Старую пытала, старую пытала:

XIII.

—Чи той сонъ-трава Козацькая сила?
Чи той сонъ-трава Козацька могила?

XIV.

—Ой, шой сонъ-трава, голубонько,
Зростився у полî,
Та піймала шу траву недоля,
Та дала моїй донî.

XV.

Ой, доня-жъ, доня, моя доня,
Годî сумовати;
Що нашого молодого Ивана
У могилî шукати,

XVI.

У глîбокiй у могилî,
Бîля города, бîля Килiи.

XVII.

Не шо батенько сына прощавъ,
Шаблю та зброю дававъ;

XVIII.

А шо мати сына выпровожала,
Що слîзьми опрощенье давала,

XIX.

Що слі̂зьми опрощенье давала,
Що на горе собі̂ его выгодовала.

2.

Вторая надгробная пѣснь Свиргову ском у.

I.

Якъ того Пана Йвана,
Що Свировського Гетьмана,

II.

Та якъ бусурманы піймали,
То голову ёму рубали,

III.

Ой голову ёму рубали,
Та на бунчукъ вîипали.

IV.

Та у сурьмы выйгравали,
Зъ його глумовали.

V.

А изъ низу хмара спягала,
Що воровйвъ ключа набйгала,

VI.

По Украиий шуманы клала:
А Украина сумовала.

VII.

Ой Украина сумовала,
Свого Гетьмана оплакала.

VIII.

Тодй буйны вйтры завывали.
— Де-жъ вы нашого Гетьмана сводйвали?

IX.

Тодй кречеты налйтали.
—Де-жъ вы нашого Гетьмана жалковали?

X.

Тодй орлы загомонили.
—Де-жъ вы нашого Гетьмана зхоронили?

XI.

Тодй жавороньки повилися.
— Де-жъ вы изъ нашимъ Гетьманомъ
проспилися.

XII.

— У глйбокій, умогилй,
Бйля города бйля Килій,
На Турецькій линіи.

3.

Убіеніе Серпяги.

I.

Ой у городй у Львовй
Зашумйли вербы.
Козакъ бурлакъ вбитый лежитъ
Серпяга та мертвый.

II.

Ой у городй у Львовй
Задзвонили дзвоны.

Козакъ бурлакъ вбишый лежитъ.
Правлять похоронм.

III.

А у городѣ у Каневѣ
Та й заголосили,
Що Серпягу у могилу
Тихо положили.

IV.

Ой Серпягу положили,
Та и заховали;
Та поминъ ша по Украинѣ
Поминъ вѣдправляли.

4.

Надгробная пѣснь Серплегѣ.

I.

Ой и сила, сила, сила
Силу подолѣла,

Серпяговй та у Львовй
Сподйла могила.

II.

Сподйла могила,
Якъ Волохамъ любо.
Пришинали та Серпягу
До сухого дуба.

III.

Ой Волохи, ой Волохи!
Зъ чёго-жъ ёго звали?
Що Козакамъ Запорожьцамъ
Та зраду дали.

IV.

Та зраду дали
Господарю своему.
Ой Гетьману Серпяговй
Добро було й дома.

V.

Поминайте-жъ лихомъ
Господаря свого.

Чи вîнъ добрый, чи вîнъ злюка,
Ой, що вамъ до того.

VI.

Хочь вîнъ добрый, хочъ и злюка,
Абы не падлюка.
Прицинайте та Сермягу
До сухого сука.

VII.

Що Сермяга то Сермяга
Брата Жаха мае,
Та вîдъ брата, та вîдъ Жаха
Помичъ сподîвае.

5.

Сожженіе Магилева.

I.

Ой у городî Могилевî
Дымомъ потягнуло,

Якъ що військо Запорожське
Зъ гармашъ ша ревнуло.

II.

Ой у городѣ Могилевѣ
Та сшалося пусшо,
Якъ повіяли Козаки
Зъ самопалівъ густо.

III.

Ой у городѣ Могилевѣ
Орлы ша гадюки;
Ляшськимъ шѣломъ годуюшься,
Ляшську шѣлу радуюшься.

IV.

Ой у городѣ Могилевѣ
Що пни ша колоды;
Прилучилося, бачь, лихо,
Ляшській породѣ.

V.

Не шакое йще-бъ лихо,
Якъ шая позора,

Що ходишь ша по бѣлу свѣшу
Зъ двора ша до двора.

VI.

Не шакъ шая позора,
Якъ Козакамъ корада,
Що, Кравчину шануючи,
Ляхамъ далась зрада.

VII.

Далась Ляхамъ зрада
Изъ самого рана
Вѣдъ Гетьмана Наливайка;
Шановлого Пана.

❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧❧

6.

Убіеніе Наливайка.

I.

Славна сшала ша Кравчина
Якъ на Польщу сшала,

Вовкулакамъ Кашоликамъ

Мошючи зраду здала.

II.

Тую зраду, шую зраду,

Що въ мурй въ шемницй

Зъ Наливайка позычала

Якъ зъ бйдной вдовицы.

III.

Вдовинъ сыну, вдовинъ сыну!

Е ще въ шебе брашья;

А въ брашйвъ швоихъ Козакйвъ

Богацько завзяшья.

IV.

Сходилися всй Козаки,

Раду положили,

Та на Радй на Полякйвъ

Походъ присудили.

V.

Росходилися Козаки

Изъ своей Рады,

Выбирали съ нйдъ камйньйвъ
Великіи клады.

VI.

Клады продавали;
Самопалы куповали;
Куповали самопалы,
Въ походъ выступали.

VII.

А по переду всйхъ Голый
Соколомъ лйтае;
На конику вороному
Жахомъ выгравае.

VIII.

Привершали Козаченьки
По рану до Случи,
Та зъ гармашы густовали
Каѳоликйвъ звучи.

IX.

А Ляхи й почули
Увъ оѳвйтъ ревнули.

Бодай-же имъ тяжко й важко
Що вони ревнули.

X.

Що вони ревнули,
Бîду провîщали;
А Козаки Гайдомаки
Думали й гадали.

XI.

Думали, й гадали;
Думали й гадали;
Тяжко, важко за Гетьманомъ
Своимъ шумовали.

XII.

А въ Варшавî та на Радî
Та судьи судили;
Та въ волу спалити
Наливайка присудили.

XIII.

Присудили Наливайка
Та Ляхи спалити,

Присудили Козаченьки
Ляхамъ вйдомсшишш.

7.

Отступникъ Тетеренко.

I:

Ой по горй вйшеръ вые,
Вые, завывае;
А въ долинй храбре вйсько
Въ походъ высшупае.

II.

Въ походъ высшупае
Та на бусурмана;
Коней знаряжае,
Молишь Ашамана:

III.

Пане Ашамане,
Хоробрый Тешерю!

рмана! —
ъ пошеря.

оря,
бъ подрашься:
Каневымъ
осшавашься. —

ie,
кенцû жнушь;
гу
шь.

чёго.
и хмельный,
ый!

чёго:
)

Везушь м
Сын

— Ванько м
Що-жъ
— Вже-жъ не
Везуш

А въ Варшав
Судьи с
Привезушь на
У яму

У яму засадя
Хлûбця
Воды не даду
Винця

А дадушь нам
Йжъ, х

Везушь изъ Тешерею
Сына молодого.

VIII.

— Башько мій сшарый,
Що-жъ шо буде зъ нами?
— Вже-жъ не що, що Ляхи
Везушь до Варшавы.

IX.

А въ Варшавй ша на Радй
Судьи собй рядяшь;
Привезушь насъ до Варшавы
У яму засадяшь.

X.

У яму засадяшь;
Хлйбця не дадушь,
Воды не дадушь,
Винця не дадушь.

XI.

А дадушь намъ сыру землю:
Йжъ, хочъ подавися;

Тûлькû на свûтъ Божій
Дивись, не дивися. —

XII.

Ой по горû вûтеръ вîе;
А все поле — гуцъ, гуцъ.
А Тетерю та изъ сыномъ
У Варшаву везуть.

XIII.

А на рûчкû на Вислянкû
Судять, рядять та Поляки:
Чи Тетерю вбити,
Чи у яму засадити.

XIV.

Засадили Тетерю
Изъ сыномъ у яму;
Та й зрядились та продати
Ёго бусурману.

XV.

Ой по горû вûтеръ вîе,
А въ Бендерахъ дымно;

Тамъ Тетеря та изъ сыномъ
Бье Полякивъ дивно.

XVI.

Ой по горѝ вѝтеръ вѝе,
Вѝе до Керману;
Тамъ Тетеря та изъ сыномъ
Бье вже й бусурмана.

XVII.

Ой по горѝ вѝтеръ вѝе,
А все поле — чкивъ, чкивъ:
Тамъ Тетеря та изъ сыномъ
Частуе Ляхѝвъ.

XVIII.

Частуе, частуе,
Та й не начастуе;
Бо Тетеря вже й безъ сына
Ходить, та сумуе.

XIX.

Сумуе, сумуе,
Та й не перестане:

— Прощай сынку, сердце мое,
Серденько кохане. —

XX.

А рыбалка по бережку
Якъ ластйвка вьешься;
А батенько та по сынку
Тяжко, тяжко рвешься.

XXI.

Плачь, плачь, Тетерю,
По коханймъ сынку!
— Вже изъ Польщи, изъ Варшавы,
Не вернешся, сынку!

XXII.

Ой не дай-же, Боже;
У Польщй умерти!
Нихто не посумуе
О твоїй смерти.

XXIII.

Тйлькй-жъ воронъ, воронъ
Прилетить до тебе,

Та й сядить на шебе,
Та поклюе шебе.

XXIV.

Ой поклюе шебе,
Та й перестане.
Прилешишь зозуленька
Та плакаши стане.

XXV.

Тîлькî жъ воронъ ша зозуля
Й будушь шебе знаши;
Тîлькî-жъ одна зозуленька
Й буде сумоваши.

XXVI.

Жаль, жаль шебе, сынку,
Коханый жовнîру,
Що промîнявъ свою вîру
На чужую вîру.

8.

Убіеніе Тетеренка.

I.

Славна стала, славна стала
Та Чигринська-Рада;
Що всîей Украйний
Далася порада.

II.

Славна стала, славна стала
Та Чигринська сîча;
Що побито Католикîвъ
Зъ Подолья, зъ Порîччья.

III.

Славна стала, славна стала
Та Чигринська хмара;
Що Кравчина Католикамъ
Похмîлье задала.

IV.

Не шакого похмûлья,
Якъ Козакамъ звесилья;
Не шакои порады
Якъ Полякамъ примирья.

V.

Тûльки що й горе, що Тешеренко
Зъ Ляхами здружився;
Руйновашп церкву Божу
Та й не устыдився.

VI.

Сшали глумы, сшали глумы,
Сшали й поговоры:
То Козаки ша зходились
У Раду по волû.

VII.

А у Радû присудили
Тешеренкаськашп,
А пûймавши Тешеренковû
Голову здûймашп.

VIII.

Якъ на шее обізвався
Случай тій мошорный;
Каже: — я єго піймаю,
Голову зрубаю.

IX.

Та й усіхъ васъ, Гайдамаківъ,
Проситися мушу;
Подаруйте Случаеві
Шельмованьця душу. —

X.

Пійшовъ Случай та блукати,
Тетеренка шукати;
Ось и ставъ вінъ до Варшавы
Конемъ привертати.

XI.

Отъ якъ ставъ вінъ до Варшавы
Конемъ привертати,
Ставъ зъ Ляхами Тетеренко
Зъ ліса выхожати.

XII.

— Здоровъ, здоровъ, Тешеренко!
Якъ чуи маешъ жиши?
Приказали Гайдомаки
Тебе наловиши. —

XIII.

Тодй сшали на Случая
Ляхи наступаши,
А Случай сшавъ Гайдомакйвъ
Биши та рубаши.

XIV.

Усйхъ побивъ, усйхъ зрубивъ;
Тешеренка повязавъ,
До коняки привязавъ,
Та й заполовавъ.

XV.

Случай, Случай половуе;
А Тешеренко бьешься,
Молишь, молишь Случаевй..
— Лихо — ка — минешься. —

XVI.

Минулося лихо,
Якъ степы минули;
Та до Сîчи до великои
Хушко привернули.

9.

Подвиги Лободы.

I.

Ой у городî у Батуринî
Дзвоны задзвонили:
То Козаки Гайдомаки
У Радî радили.

II.

Ой у Радî ша радили,
Якъ на Польщу спаши,
Та на Радî присудили
Вкраину єднаши.

III.

Отъ и вийшли Гайдомаки,
Хочь тысяча й двйсти̂,
Та богацько та за ними
Зведеться корысти!

IV.

А по переду Панъ Сулима
Атаманъ Кошовій.
Чёго-жъ жаху завдавати,
Що вйнъ чёрнобровій?

V.

Панъ Сулима, Панъ Сулима
Козакйвъ збирае,
Та й усймъ тимъ Гайдомакамъ
Отъ такъ промовляе:

VI.

— Товарищи Гайдомаки,
Чините мою волю!
Що намъ треба вйдплатити
Вкраинську недолю.

VII.

Хочъ насъ, Паны Гайдомаки,
И тысяча й двѝсти̂;
Та богацько та за нами
Зведеться корысти.

VIII.

Ой богацько та корысти
Зведеться за нами,
Коли схочете побиться
Бучно изъ Ляхами. —

IX.

Якъ на шее обѝзвався
Лободѝвськiй Чура;
До Козакѝвъ укланяе,
Отъ такъ промовляе:

X.

— Ой Панове Гайдомаки,
Добро себе майте,
Що за мого Пана Йвана
Ляхамъ вѝдомщайте.

5

XI.

Ой мій Пане, Пане Йване,
Де-сь що шы зобгався,
Що на Ляхи̂въ сшавъ завперише,
Та й не сподîвався.

XII.

Ой мій Пане, Пане Йване;
Наливайки̂въ друже,
Що задавъ зъ нимъ зраду Ляхамъ,
Задавъ, ша й байдуже.

XIII.

Ой мій Пане, Пане Йване,
Де-сь що шы сподîвся,
Що у мурî у шемницî
Ляхамъ знадобився.

XIV.

Ой Панове Гайдомаки
Пана Йвана вспомянише,
Та за мого Пана Йвана
Ляхамъ вîдомсшише.

XV.

Коли хочеше Украйну
До себе ёднаши,
То вамъ треба Пана Ивана
Добромъ поминаши.

XVI.

Якъ Вкраину тіи Ляхи
До себе ёднали;
Тодî наши зъ Паномъ Йваномъ
Въ походъ выступали.

XVII.

Якъ Вкраину тîи Ляхи
До себе ёднали,
Тодî наши зъ Паномъ Йваномъ
Ляхîвъ воёвали.

XVIII.

Ой и Ляхîвъ воёвали,
Якъ по Бугу спали;
Та Гетьмана Потоцькаго
Двîчи заганяли.

XIX.

Ой и Ляхи̂въ воёвали,
Якъ по Пруту стали;
Того було що й Цоцору
Добре плиндровали.

XX.

Добро було, добро було,
Та сталася й зрада.
Що забито Пана Йвана
У неди̂лю зрана. . . .

10.

Походъ Сагайдачнаго.

I.

Ой на гори̂ та женци̂ жнутъ,
А по̀ пи̂дъ горою,
По пи̂дъ зеленою
Козаки йдутъ.

II.

По переду Дорошенко
Веде свое військо,
Веде Запорожсько
Хорошенько.

III.

По середині Панъ Хоружій.
Пйдъ нимъ кониченько,
Пйдъ нимъ вороненькій,
Сильный й дужій.

IV.

А по заду Сагайдачный,
Що проміняв жінку
На тютюнъ та люльку
Необачный.

V.

— Ой вернися, Сагайдачный;
Возьми свой жінку,
Покинь мою люльку,
Необачный. —

VI.

— Минî зъ жинкой не возиться;
А тютюнъ та люлька
У дорозî Козаковî
Знадобиться.

VII.

Гей, хто въ лîсî, озовися,
Та выкрешемъ огню,
Та запалимъ люльки.
Не журися!

11.

Подвиги Савы Чалаго.

I.

Ой бувъ у Сîчî старый Козакъ,
Прозванiемъ Чалый.
Выгодовавъ сына Саву
Козакамъ на славу.

II.

Ой не схошйвъ ша Панъ Сава
Козакамъ служиши:
Вйнъ пйшовъ до Ляшинькйвъ
Славы залучиши.

III.

Вйнъ пйшовъ до Ляшинькйвъ
Службы вйдправляши,
Изъ Ляхами православну
Церковь руйноваши.

IV.

Ой и бувъ Сава, ша йвъ сало
Та все палиницй;
Не кохавъ Сава молодыхъ дйвчашъ;
Та все малодицй.

V.

Не кохавъ Сава Панйвъ Козакйвъ
Та все Католики.
Загубивъ Сава, прошесавъ Сава
Свою вйру на вйки.

VI.

Опять и збиралися Запорожьцѣ;
Всѣ у Раду схожали;
За походы туды-сюды
Про мѣжъ себе рахували.

VII.

Усѣ прійшли, усѣ прійшли;
Одного нема.
— Ой чёмъ-же тебе, батьку Чалый,
У Радѣ нема? —

VIII.

— Ой, чёго-жъ та минѣ, Панове,
У Раду ходити?
Що хочете мого сына Саву
На вѣки згубити.

IX.

Хочъ вѣнъ ставъ собѣ до Ляхивъ,
Та вже-жъ, сынку милый,
Чёмъ ты ставъ та до насъ
Такій ставъ спесивій? —

X.

— Ой, спесивій, не спесивій —
Паны кажушь — Сава;
Та не добра, журâвочка
Сшала ёго слава.

XI.

Що не шілько що Панъ Сава
Церковь ша руйнуе:
Изъ бісами сшавъ за право
Й барзо знахорюе.

XII.

Якъ на ше обізвешься Голый,
Каже: — добре знаю;
Я шого Пана Саву
У руки піймаю.

XIII.

Ошъ и сшали ша Панове,
Раду розсучили;
Коней посідлали,
Въ походъ высшупали.

XIV.

Ой пье Сава въ Немирові
Въ Ляхівъ на обіді,
Та й не думае й не віда
О своїй горьковій біді.

XV.

Ой пье Сава, й гуляе,
Ляхомъ вырубае;
А до ёго що до Савы
Гонець пріïзжае.

XVI.

— А що ты тутъ, Хомку?
Чи все гараздъ дома? —
— Протоптана, Пане, стежка
До вашого двору.

XVII.

Та все гараздъ, та все гараздъ,
Усе хорошенько:
Споглядають Гайдомаки
Зъ за горы частенько. —

XVIII.

— Отъ-що лихо! выглядають!
Я-жъ и́хъ не боюся.
Хиба-жъ нема въ мене війська?
Я не забарюся.

XIX.

Подай хлопку, подай, Хомку,
Свого вороного;
Собі̂ сі̂длай, собі̂ чухрай
Старо̂го гни̂дого. —

XX.

Поі̂хавъ Сава въ Немирова
На ворони̂мъ коню;
А, прії̂хавши, гадае
Та про свою долю.

XXI.

— Ой, ты-жъ, доле — каже Сава —
Щербатая доле! —
Пытаеться челядоньки:
— Чи все гараздъ дома? —

XXII.

— Гараздъ, гараздъ, Пане Саво;
Ще лучше зъ шобою,
Якъ шебе ша побачимо
Та на воронûмъ коню.

XXIII.

Гараздъ, гараздъ, Пане Саво,
Усе хорошенько.
Выглядаюшь изъ за горы
Козаки часшенько. —

XXIV.

Ой сûвъ Сава въ концû сшола,
Все лисшоньки пише;
А Савиха молодая
Дûшину колыше.

XXV.

Сава лисшы пише,
Сава думку дбае.
— Ошъ вже Сава, ша Панъ Сава
Гадку замышляе. —

XXVI.

— Та пійди, хлопку, до пивницû
Та вшочи горûлки.
Нехай-же мы напьемося
За здравіе жûнки.

XXVII.

Та пійди, хлопку, до пивницû,
Та й ушочи пива.
Нехай-же мы напьемося
За здравіе сына.

XXVIII.

Та пійди, хлопку, до пивницû,
Та й ушочи меду. . .
Чёму-сь мині штрудно, нудно. . .
Головки но зведу. —

XXIX.

Сидишь Сава въ концû штола,
Все листы читае;
А Савиха молодая
Все дума й гадае.

XXX.

Сидишь Сава въ конці стола,
Хлопця вызывае;
А Савиха молодая
Плаче, та рыдае.

XXXI.

Та й не всп̂ивъ-же хлопець
Зъ стины ключи зняти;
Стався Йгнатъ Голый съ Кравчиною
Вороты ломати.

XXXII.

Якъ в̂идсуне та Панъ Сава
В̂иконьце в̂идъ р̂инку;
А вже тіи Гайдомаки
Блукаютъ по с̂инку.

XXXIII.

— Та здоровъ, здоровъ; Пане Саво,
Якъ ты себе маешь?
Що зъ далека гостей маешь
Ч̂имъ ихъ привiтаешь?

XXXIV.

Ой чи медомъ, ой чи пивомъ,
Чи горѣлкою?
Та прощайся-жъ зъ своимъ сыномъ
Та изъ жинкою. —

XXXV.

— Ой и чимъ минѣ васъ, Панове,
Чимъ васъ привиташи?
Даровавъ минѣ Господь сына,
Буду въ кумы браши. —

XXXVI.

— Ой мы не шого до шебе прійшли,
Що-бъ въ шебе кумоваши;
А мы зъ шого до шебе прійшли,
Що-бъ шебе розсчиташи.

XXXVII.

Ой веди-жъ насъ, Пане Саво,
У нову комору;
Та оштдавай намъ, Пане Саво,
Козацькую зброю.

XXXVIII.

Та ощдавай намъ, Пане Саво,
Сукни, ѐдамашки,
Що шы нажи̂въ, вражій сыну,
Зъ Козацькои ласки.

XXXIX.

Ой мы не шого до шебе прійшли,
Що-бъ въ шебе кумоваши;
А мы въ шого до шебе прійшли,
Що-бъ головку изняши.

XL.

Ой було-бъ шобі̂, Пане Саво,
Гардъ не руйноваши,
Коли шы хоши̂въ Запорожьці̂въ
У кумы собі̂ браши. —

XLI.

Ой кинувсь ша Панъ Саво
За свою ясну зброю;
Та пі̂дняли шри Гайдомаки
На шри списы въ гору.

XLII.

Шатаешься, мотаешься,
Изъ жінкою прощаешься.

XLIII.

— Ой и дайте-жъ мині, Панове,
Изъ жінкою попрощатися;
Ой дайте-жъ мині, Панове,
Изъ силою собратися. —

XLIV.

Ой не всидівъ же на Панъ Сава
На коника впасти:
У кайданы заковали,
Стали на візъ класти.

XLV.

— Ой, Панове Запорожці,
Хиба-жъ то вамъ слава,
Що въ кайданы на залізный
Лежить у васъ Сава?

XLVI.

Якъ бы вы ёго объ волю
'Зъ кайданîвъ пустили,
Славу-бъ собî найбîльшую
Отъ-симъ залучили.

XLVII.

Якъ бы вы ёго объ волю
Мîжъ себе приняли;
Славу-бъ собî найбîльшую
Отъ-симъ даровали. —

XLVIII.

Шатаеться, мотаеться,
Изъ жîнкою прощаеться,
На всî чётыре стороны
Панамъ покланяеться.

XVIX.

Ой и дали волю Савî
Въ походъ выступали,
Та богатырю Савî
Барзо дьяковали.

L.

Що не вспйвъ-же та Панъ Сава
Свого коника стрясти,
Та й ставъ Ляхйвъ, та й ставъ Ляхйвъ,
Якъ снопики класти.

LI.

Ой не вспйвъ-же та Панъ Сава
На коника сйсти;
Було Ляхйвъ сорокъ тысячъ —
Зосталося двйстй.

LII.

Ой якъ гляне та Панъ Сава
На правую руку:
— Ой выскочи, коню, коню,
Та зъ Ляцького труну!

LIII.

Ой якъ гляне та Панъ Сава
На правое плече, —
Позадъ ёго, попередъ ёго
Кровавая рйчка тече.

12.

Надгробная пѣснь Чураю.

I.

Орлику, сизїй орлику,
Молодый Чураю!
Ой забили жъ тебе Ляхи
Та у своїмъ краю.

II.

Що забили тебе Ляхи
Изъ твоимъ Гетьманомъ,
Изъ твоимъ Гетьманомъ,
Що Паномъ Стефаномъ.

III.

Орлику, сизїй орлику!
Орлûвъ братûвъ маешь.
Що старыи й молодыи —
Самъ úхъ добре знаешь —

IV.

Що старыи й молодыи
Всй въ тебе вдалися,
Вйдомстити та за тебе
Усй поклялися.

V.

Що старыи й молодыи
Усй голинныи;
А въ ихъ кони вороныи —
Швыдкіи, быстрыи;

VI.

Швыдкіи, быстрыи,
Якъ орлы лйтаютъ,
На Ляшськіи городы
Хмарой набйгаютъ.

VII.

А въ ихъ списы булатныи
Зъ довгими кйнцями,
Всй гострй якъ голочки,
Зъ довгими клюгами.

VIII.

А въ и́хъ шабли булатныи,
На оби̂двы боки,
Ляхамъ зраду сыплять
По вси̂ вични̂ роки.

ДУМЫ.

1.

Дары Баторія. Смерть Богданка.

То не вѣтеръ буйный по степахъ вые, завывае; то не Ханъ Татарській на Украину військо свое насылае, що-бъ воно Украину, рôдну-мати нашу, безневинно плиндровало, жôнокъ та дôвокъ та добро наше у полонъ брало й забирало; коней та овець; усю Божюю скотину у свои джерела заганяло, Козацькî холивы розбивало й розоряло; — то голинній Богданко усîхъ Козакôвъ у Громаду созывае, у сîхъ Козакôвъ, и служивыхъ и прос-

ныхъ, и сосйдивъ, и пйдсосйдкйвъ, и Хоружжихъ и прочихъ иныхъ старшихъ, усйхъ хоробрыхъ Сотникйвъ и Полковникйвъ у купу сзывае, скликае, до Громады зобирае; а самъ по середи ній выхожае, шаблюкою блискае, святымъ мйстамъ три поклоны покладае, а на чёшыре стороны по одному поклону, та Козакамъ одинъ поклонъ, та ще Сотникамъ та Полковникамъ поклонъ; до Бога молитву читае, а до Козакйвъ до всіеи Громады такъ промовляе:

— То не вйтеръ буйный по степахъ вые, завывае; то не Ханъ Татарській на Украину військо свое насылае, що-бъ воно Украину, рйдну маши нашу, безневинно плиндровало, жйнокъ та дйвокъ та добро наше у полонъ брало забирало, коней та овець,

усю Божюю скошину у свои джерела заганяло, Козацькû холивы розбивало й роззоряло; що Король Польщи намъ и вамъ подарокъ высылае великій даръ даруе, насъ и васъ шануючи и поважаючи. Хоче вûнъ, що-бъ вы, брашця, хоробрыи Козаки шоварищи, за ёго, Короля Польщи, Бога молили; ша ёму, Королю Польщи, якъ Боговû, що живе высоко на небû, по вûрû й по правдû служили, Ляхûвъ бы не били, а зъ ними якъ зъ рûдными брашами жили, на Москалûвъ бы нападали,Ташарûвъ-бы побивали й воёвали; а за сее вашему Гешьмановû, голинному Богданковû, ша и вамъ изъ нимъ великій даръ даруе, а шой великій подарокъ даръ: булава золоша, ша хоругва зъ сшрûбла, ша бунчукъ зъ жеребця. Та йще шой Король Польщи пише, приписуе:—Хай-

же, ка, твои Козаки товарищи служать мині вірою й правдою, якъ великому тому Богові, що живе высоко на небі; а якъ не будуть служить мині вірою й правдою, то я имъ тоді другій подарокъ подарую: хоробою ихъ порадую, хоробою тяжкою та важкою.—

А Козаки тое й зачували, до свого Атамана такъ промовляли:

— Отъ-се-жъ намъ Король Польщи великій подарокъ — даръ дарує, а не послужимъ мы ёму вірою й правдою, то й хоробою, бачъ, якою-сь насъ порадує. Якою-жъ бы то хоробою? Чи не слободою? Та якъ-бы вже оттою хоробою що слободою, то усімъ-бы намъ, товарищамъ Козакамъ, иншихъ дарівъ и не треба. Служили-бъ ёму, Королю Польщи, по вірі й по правді, якъ Богові, що живе высоко

на небй; и Ляхивъ бы не били, и въ ними якъ зъ рйдными брашами жали, на Москалйвъ-бы нападали, и Ташарву-бы воёвали; и во вйки бъ вйчныи не зломъ а добромъ ша молитвою свого Пана великого, Короля Польщи именишого, якъ Бога-бъ шановали. —

Ошъ-сее казавши, ша й замовчали. Тодй Гешьманъ голинній Богданко до Писаря свого Хомы Безродного, ша до Курйнныхъ прохаючи пйдступае; и одного й другого барзо выпышуе, сповйдуе; й ше й друге, шакъ и шакъ выкладуе; походъ пйдъ Турка Козакамъ обйщуе, ша велику здобыченьку на походй великому.

Такъ и шакъ. Козаки Громаду розкладали, велику пораду мали, у походъ выступали; Турка рубали, плиндровали; ша шушъ-же й Гешьмана свого на

полѝ пѝдъ горою, пѝдъ густою ракиттою, убитого знахожали, глѝбоку могилу копали, на могилѝ курганъ насыпали, бѝля кургана-могилы коня Турецького Гетьманського зоставляли, похоронъ Гетьмановѝ правили, одправляли. Тутъ ёму и во вѝкъ лежати. Добычу свою побравши, до дому вертались, Боговѝ молились, Спасителю хрестились, добромъ дѝлились.

Вони добромъ, — а мы чаронькой.

2.

Татарскій походъ Серпяги.

Ой по Чёрному та по глѝбокому моречку, по широкому та далекому Дунаечку, злая буря выхожае, высту-

пае, Козакйвъ до земли чуждои провождае; а изъ низу буйный вйтеръ вїе, повйвае; а по Чёрному моречку супротивная филя успавае, та по Чёрному морю волкомъ сїромаьцемъ лае й гукае.

Собралися Козаки товарищи всї хоробрыи Запорожьцї про тую бурю мирковати, тихои погодоньки по надъ синимъ моремъ Дунаемъ пїджидати. Одну годину пїджидали, другу пїджидали; а злая буря все бїльшъ выступала, та й ни трошке по Чёрному морю глйбокому, по Дунаечку далекому та широкому тая буря не унимала, а все злїйшъ громомъ по небу тарахтала, а блиськавка мїжъ хмарами лыскала. Отъ-тодї Гетьманъ Ивасенько Серпяга Козакйвъ товарищйвъ до себе пїдзывае, до Козакйвъ товарищйвъ такъ и такъ промовляе:

— Ой вы, Панове, рідныи мои брашця, хоробрыи мои шоварищи, Козаки Запорожьці! Слухомъ николи не слухано, ша й видомъ николи не видано, що-бъ шакая буря злая на Козакйвъ шакъ міцно выступала й усшавала, що-бъ шакимъ громомъ блиськавкою шарахшала й лыскала, ша що-бъ вы, Панове Козаки шоварищи, ось-шакъ довго довгенько сшояли, шихои погодоньки біля моря Дуная пійджидали.

А Козаки шое й зачували, ша й усі мовчки замовчали. . .

— Коли-жъ мы шои бусурманьщины лякалися? Коли-жъ шаки мы війдъ неи де-не-бушь ховалися? А шеперечка не шо що-бъ бусурманьщины, а шо не шо бури налякалися, шихои погодоньки пійджидаючи, ша на злую й лихую бурю жалуючи, изо всімъ надірвалися.

А Козаки шое й зачували, ша й усй мовчки замовчали; барзо, барзо рахували, ничёго не промовляли, одинъ одного споглядали, въ походъ выступали.

Опть-се-жъ идушь вони день, не день, не два й не шри й не чёшыре; а злая буря лихая ша по Чёрному моречку, по далекому Дунаечку, барзо унимала; ша й супрошивная фиаля у свои домовины, у ковбанюги бйжала, ша й шамъ пропадала. А Козаки Боговй молишвы посылали, по шри поклоны покладали, вйдпочинье мали. А пйсля всй Козаки въ походъ выступали, изъ своимъ хоробрымъ Гешьманомъ, Серпягою Йваномъ, шяжко не-Христа розбивали; думали й гадали. Тай й пйдъ городомъ Керманомъ изъ бусурманськимъ Салшаномъ примирье мали; у его худобу усю вйшнимали, усйхъ Шашаръ буря-

кйвъ розбивали, й плюндровали. Тихою погодонькой, зъ гарною добыченькой до дому привертали.

3.

Битва Чигринская.

Ой у нашій у славній Вкраинѣ бували коли-сь престрашныи злыгодни, бездольнѣ годины; бували й моры й військовѣ чвары. Нихто Вкраинцѣвъ не ратовавъ; нихто за нихъ Боговѣ молитвъ не посылавъ; тѣлькѣ святый Богъ нашихъ не забувавъ, на великии зусилья на вѣтповѣтьи державъ. Тѣлькѣ Богъ святый знавъ, що вѣнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ, якъ невзгодины на Украинську землю посылавъ. Отъ-же й пройшли, изойшли злыи не-

годины не мае никого, що-бъ насъ подолйли. Тйлькй Богъ святый знавъ, що вйнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ.

Не день и не два Ляхи Украину плюндровали, ни на часйночку вйдпочинья не мали, коней на взаводахъ день и нйчь держали, до Гетьмана Наливайка дорогу верстали. А Гетьманъ хоробрый Наливайко, що вйнъ думае, гадае? Що вйнъ за долю товарищйвъ своихъ замышляе? Тйлькй Богъ святый знае, що ёму на помйщь помогае.

Изъ за горы хмара выступае, выступае, выхожае, до Чигрина громомъ выгрймляе, на Украинську землю блискавицею лыскае. То Поляки черезъ три рйки три переходы мали, та й бйля третьёго перехода станомъ стали, пустили коней на попасанье, сами собй дали на три годины опочиванье.

А що Гетьманъ Наливайко думае, гадае? Що вôнъ на невзгоду Ляхôвъ замышляе? Тôлькô Богъ що святый знае, що ёму на помôчь помогае.—То не хмары по небу громомъ святымъ выгрôмляють, що не святыхъ вони до Бога провожають; — що Ляхи у бубны вдаряють, усе вôйсько свое до купы у Громаду скликають, що-бы йшли усô до Громады на послушанье, слухати Гетьмана Жолковського оповôданье. Отъ-що й прійшли усô, рядомъ стали; усô рядомъ стали, та й замовчали, Гетьманську оповôдь слухати зачали; а, послухавши, коней сôдлали, черезъ бôлу рôку переходъ великій мали: мосты мостили, гребли гатили, коли забивали, горзину та дряницю клали, черезъ бôлу рôку переходъ великій мали. А, перешедши, огороды та шанцô

робили, увъ окрûгъ гармашы становили, а по передъ гармашами три хресты у землю вколотили. А що первый хрестъ, то Сомино висить; Сомино висить, барзо голосить; — а що другій хрестъ, то Богунъ висить; Богунъ висить, шаблюкой лепотить; — а що третій хрестъ, то порожній стоить; усûхъ нашихъ Козакûвъ до себе пûджидае, Козакûвъ оглядае. Хто первый пûдойде, того гармата убье; хто другій добûжить, того самопалъ цапне; хто третій пûдскочить, той хреститься буде, й молиться стане; що хрестъ зъ осоки, то ёго надбане. А Козаки глядûли, увъ очи вбачали, промûжъ себе бурковали; три хоругвы на забаченье Ляхамъ становили, на хоругвахъ уговоръ-ряду писали:

— Вѣрному православному Хрестьянсьшву миромъ миръ; а Ляхамъ ворогамъ пекельный пиръ. Кого хресшъ, на шого й хресшъ. —

Ошъ-се-жъ и пiйшли Ляхи на чёшыре поля, що на чёшыре поля, а на пяше на Подолье; а Козаки Ляхiвъ на всѣ сшороны, по всѣмъ хресшамъ колошили; Ляхи опрощенья просили, ша не допросились. Не шаковськи Козаки, що-бъ напасшь забули.

Не шаковськи й Ляхи, що-бъ прощенье дали.

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ковала. Що вона ковала, шо вона про мiжъ свяшыхъ чувала; що вона ковала шому буши й сшаши, якъ сшанушь бѣсы правыхъ й неправыхъ єднаши, души забираши, у пекло до купы складаши.

Вӥдъ шого й сёго Боже намъ поможе. Про ше вӥнъ и знае, що вӥнъ думае, гадае; що Павловӥ Наливайковӥ ша на помӥчь помогае. Не намъ за шее раховаши. Наше дӥло Боговӥ молишься, Спасителю хреститься.

Iисусе Христе, сыне Божiй, помилуй насъ, помилуй насъ, помулуй насъ!

Миромъ миръ мiру Хрестьянському, а намъ усӥмъ души й шӥла здравiе и спасенiе. Аминь.

****

4.

Смерть Өедора Безроднаго.

По надъ Сагою Днӥпровою, молодый Козакъ обӥдъ обӥдае; не думае, не гадае, що на его молодого, ще й на Чуру малого бӥда настигае.

То не вербы луговыи зашумѣли, якъ безбожнiи Ушкалы налѣтѣли, Ѳедора Безрѣдного, Атамана Курѣнного, пострѣляли, порубали, тѣлькѣ Чуры не пiймали. То малый Чура до Козака прибувае, раны ёму глубокiи промывае. То Козакъ ёму промовляе:

— Чуро мiй, Чуро, вѣрный слуго! Пiйди ты степомъ по надъ Днѣпромъ; послухай ты, Чуро, — чи то гуси кричать, чи лебеди ячать, чи Ушкалы гудуть, чи, може, Козаки Днѣпромъ идуть. Коли гуси кричать, або лебеди ячать, то ты зжени, коли Ушкалы гудуть, мене схорони; коли-жъ Козаки йдуть, то обьяви: нехай вони чёвны до берега привертають, мене Козака Ѳедора Безрѣдного навѣщають. —

То Чура малый по берегу пробѣ-

гавъ, Козакôвъ зобачавъ, шапкою махавъ, словами промовлявъ:

— Панове, молодцû, добре вы дбайше, чёвны привершайше, до Ашамана Курѣнного поспѣшайше. —

То Козаки шее зачували, до берега привершали, Ашамана навѣщали. Тодû Козакъ Чуру выхваляе, словами промовляе:

— Чуро мїй, Чуро, вѣрный слуго! Коли шы будешъ вѣрно пробувашы, будушь шебе Козаки поважашы. —

То шее промовлявъ, опрощенье со всѣми бравъ, милосердному Богу душу ошдавъ. Тодû Козаки шаблями суходûлъ копали, шапками, приполами персшь выймали, Ѳедора Безрûдного ховали, въ семипяднû пищали гремали, у суремки жалобно выгвалляли.

То ще добре Козацька голова зна-ла; що безъ війська Козацького не вми-рала.

5.

Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.

Ой шодî що не сивî шуманы вспа-вали, що зъ города Азова шри браша зъ шяжкои неволи Турецькои вшîкали. То брашы сшаршî рîднî, обîдва кîн-нî, а наймеьшій брашъ пішій піхо-шою за кîнными брашами уганяе, на сырî корîнья, на бîлî камîнья нîжки свои Козацькîи посîвае, кровью слîды заливае, до кîнныхъ брашîвъ уганяе, за сшремена хвашае, дрîбными слезами обливае; словами промовляе:

— Браты мои старшî, рîдненькiи! Прошу я васъ, хочъ трîшке надождите, конй своя Козацькiи попасите, мене, найменьшого брата мижъ себе на коня возьмите, до города Хрестьянського хочъ мало пîдвезите, не хай-же я буду знати, куды въ городы Хрестьянськи до отця до матки дохожати! Прошу я васъ, браты мои старшîй, хоча мене на коней возьмите, хочъ минî зъ плечъ голову здîймите, въ чистому полî тîло Козацьке схороните, птыцî й звîрю на поталу не пуеснте.

То старшîй братъ тое зачувае, до найменьшого брата словами примовляе:

— Брате нашъ, найменьшîй, рîдненькiй! Рука наша не здîйметься, сердце не зосмîлиться. Булатна шабля не йме тебе, найменьшого брата рубати, луч-

ше будемо, брате, шернами та байраками гуляти, будемо тобі верховіття у шернівъ стинати, будемо тобі на признаки на шляху покидати. —

То бігли ті браты не день, не два, не три й не чётыре, а найменьшого пішого брата на Азовському степу покидали; а якъ стали съ шернівъ, въ байраківъ выбігати, и того й сёго найменьшому брату на признаки покидати. То середульшій братъ старшому брату словами промовляе:

— Брате мій старшій, рідненькій, прошу я тебе: тутъ травы зелені, воды здорові, очереты удобні! Станьмо хочъ мало не много коні свои попасімо, своего пішого брата хочъ трохе надождімо, на коней возьмімо, въ городы Хрестьянськи хочъ мало надвезімо. Нехай-же нашъ найменьшій

брашъ буде знаши, куды въ городы Хресшьянськи до ошця до машки дохожаши.

То сшаршій брашъ до середульшого браша словами промовляе:

— Брашe мій середульшій ріднeнькій! якъ будемо свого браша пішого наджидаши, що буде за нами зъ города Азова велика погонь угапяши, буде насъ кінныхъ брашівъ доганяши, буде насъ на шри шшуки рубаши; або буде насъ въ гіршу неволю живьемъ завершаши, а нашого найменьшого пішого браша буде въ шернахъ, въ байракахъ на спочинкахъ минаши, — що мы свого браша пішого незвеземо, и сами зъ Азовськои Турецькои неволи не вшечемо. —

То шой середульшій брашъ добре дбае, одинъ на собі каптанъ мае, ша въ підъ шого жовті ша чёрні кишы

выдирае, свому найменьшому брашові по шляху покидае. Тоді бігъ шой найменьшій брашъ не день, не два, не шри й не чётыре, — сшавъ въ шернівъ, зъ байраківъ выбігаши, сшавъ жовші ша чёрні кишыці зъ підъ каншана знахожаши. Въ руки хвашае, дрібными слезами обливае, словами промовляе:

— Ой не дурно моихъ брашівъ кишыці по шляху валяюшься! Певно, моихъ брашівъ обоихъ на свіші не мае! Певно, за ними зъ города Азова погонь уганяла, моихъ кінныхъ брашівъ доганяла, на шри шшуки рубала; або ихъ ще въ гіршу неволю живьемъ заверша̀ла; а мене пішого у шернахъ ша байракахъ на спочинку минала. Коли-бъ мині Богъ помігъ хоча ихъ шіло не живое у сшепу знахожаши, могъ-бы я ихъ шіло Козацьке у сшепу поховаши,

птицû й звûрю на поталу не подати. Ой, годи-жъ минû за кûнными братами утанляти; часъ минû Козацькимъ ногамъ пильгу дати. —

Що одно безводье, а друге безхлûбье, а третье буйный вûтеръ въ полû повûвае, бûдного Козака зъ ногъ валяе. Ставъ тодû найменьшiй братъ пûшiй свою Козацьку голову склоняти! Стали тодû сизокрылû орлы налûтати, на чёрныи кудри наступати, зъ лоба очи выдирати. То вûнъ добре дбае, до сизокрылûхъ орлûвъ словами промовляе:

— Ой вы, орлû сизокрылû, вы, гости не любû й не милû! Изождите хочъ мало не много; якъ буде душа зъ тûломъ разлучатися, тодû будете налûтати, зъ лоба очи выдирати. —

Тодѣ ще й дрѣбна птицяналѣтала, коло жовтои кости шѣло обдирала. Ще й зозули налѣтали, у головахъ сѣдали, якъ рѣднѣ сестры куковали, Ще й вовки сѣроманнѣ нахожали, жовту кость по балкахъ, по шернахъ розношали, жалобненько квилили, проквиляли. То-жъ вони усѣ Козацькій похоронъ одправляли.

Стали кѣннѣ браты до городѣвъ Хрестьянськихъ дохожати, стала къ ихъ сердцямъ велика туга налягати. То середульшій братъ до старшого брата словами промовляе:

— Братику мій старшій рѣдненькій! Не дурно къ нашимъ сердцямъ велика туга налягае: певно нашого брата меньшого на свѣти не мае. Якъ будемо, брате до свого отця й до матери дохожати; якъ будуть вони нас-

пыташи, що що, брате рідный, ста-
немо казати?

То старшій братъ до середуль-
шого промовляе:

— Скажемо: мы не въ одного Пана
въ неволѣ бували, ночнои поры зъ не-
воли втѣкали, ёго сонного будили, не
збудили; та тамъ ёго у неволѣ й зо-
ставили.

То середульшій братъ тое зачу-
вае, до старшого брата словами про-
мовляе:

—Якъ не будемъ отцю й матери прав-
ды казати: то буде насъ отцевська й
материнська молитва карати. —

Тодѣ старшѣ браты у лѣсы Са-
марськи зайзжали, по надъ рѣчкою Са-
марью опочивку собѣ мали, коней по-
пасали. Въ той часъ безбожныи бу-
сурманы набѣгали, та й тѣхъ двухъ

браш̂ивъ піймали, у кайданы заковали, на стену розъйзжали; а пйсля шйло Козацьке карбовали, у чистому полй роскидали, головы на сабли вздіймали, ша глумовали.

Опъ-же шо, Панове, хоча й легли, полегли головы шрехъ брашйвъ; ша слава йхъ не помре мйжъ Царями, мйжъ Панами, мйжъ православными Хрестіянами.

Дай, Боже, міру Царському, міру Хресшьянському, всймъ здравіе на многа лйша. Аминь.

6.

Походъ на Поляковъ.

Ой пійшли Козаки на чёшыре поля, що на чёшыре поля, а на пяше на

подолье. Що одним полемъ пійшовъ Самко Мушкетъ, а за Паномъ Хоружимъ мало мало не три тысячи, усѣ хоробрыи товарищи Запорожьцѣ. На коникахъ выгравають, шабельками блискають, у бубны вдаряють, Боговѣ молитвы посылають, хресты покладають. А Самко Мушкетъ то вѣнъ на коню та й не выгравае, коня удержуе, до себе пригягуе; думае, гадае. Та що-бъ сто чортѣвъ лихомъ вбили ту ёго думу, що гаданье. Самко Мушкетъ думае, словами промовляе:

— А що якъ наше Козачество мовъ у пеклѣ Ляхи спалять, та зъ нашихъ костей Козацькихъ молодецькихъ пиръ собѣ на похмѣлье зварять. А що якъ наши головы Козацькѣ молодецьки по степу полю полягуть, та ще й рѣдною кровію вмыються, поперерасколо-

шыми шаблями покрыюшься. Пропаде мовъ порошина зъ дула шая Козацькая слава, що по всёму свйшу дыбомъ сшала, що по всёму свйшу сшепомъ розлягласъ, просшяглась, ша по всёму свйшу луговымъ гомономъ роздалась, Туречиный ша Ташарщины добромъ лихомъ знаши далась, ша й Ляхамъ ворогамъ на списъ вйддалась.

Закряче воронъ сшепомъ лйшючи;
Заплаче зозуля сшепомъ скачучи;
Закуркуюшь кречешы сизй,
Загадаюшься орлики хижй,
Та все усе по своихъ брашахъ
По буйныхъ шоварищахъ Козакахъ.

Чи шо йхъ сгарбомъ занесло, чи шо йхъ у Пеклй пошонуло, що не видко чубашыхъ не шо й по сшепахъ, не шо й по лугахъ, не шо й по Ташарськихъ

землахъ, не що й по Турецькихъ горахъ, не що й по Чорнйхъ моряхъ, не що й по Ляшськихъ поляхъ. Закряче воронъ, загруе, зашумуе, та й полетишь у чужу землю. Анъ ба! Кâстки лежать, шаблюки сторчать; кâстки хрустять, шаблюки поперерасколоны бряжчать. А чёрна, сива сорока зоскалилась та й басуе. А що головы Козацьки, що мовъ швець Семенъ шкуру загубивъ а що чубы, мовъ чёртяка джгуты поробивъ. У крови усâ та позасыхали. Отъ що й славы набрали. —

Ой пîйшли Козаки на чётыре шляхи, то на чётыре шляхи, а на пяте на Подолье. Що однимъ полемъ та пîйшовъ Самко Мушкетъ, а другимъ полемъ Стецько Кукуруза. Сизою гулубкою голову свою буйную до долу закинувъ. А за нимъ йдуть мало мало не

шри шысячи, усѣ хоробрыи шоварищи Запорожьцы, на кониках выгравающь, шабельками блиськающь, у бубны ударяющь, Боговѣ молишвы посылающь, хресшы покладающь, до Сшецька Кукурузы ось шакъ промовляющь.

— Чи шы живъ, чи здоровъ Пане Сшефане? Чи шы вмеръ, що швою головоньку дубомъ до долу пришибло? Рахуванье не въ поминанье. Коли-жъ не-бушь шреба ша по насъ поминки робиши. Що по насъ, Пане, сшарѣ бабы сшанушь у полѣ свисшѣши; а по шобѣ, Пане, молодыи дѣвчаша зачнушь голосиши. Та ше все однако, що Акимъ що Якѣвъ. Ось якъ присшанемо до нашаго яра, шо хочъ и середь лѣшечка зашумишь, загуде не-дай-свѣша-чвара. Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля ковала, сшепомъ скачучи, лугомъ лѣшючи;

що вона ковала, то правду казала. Налйтатъ орлы хижін, станутъ жалковати; а вороны налйтать, та й станутъ здобычи ждати й пйджидати. То якъ налйтать отъ.тй зозули, — то насъ незабули. Що Жидъ, а що дйдъ, а що й Запорожській Козакъ. —

Ой пійшли Козаки на чётыре шляхи, що на чётыре шляхи, а на пяте на Подолье. Що однимъ полемъ пійшовъ, то пійшовъ Самко Мушкетъ; а другимъ полемъ, то пійшовъ Стецько Кукуруза, а третьимъ полемъ то пійшовъ Карпо Пйвтора-Кожуха; на коныку выгравае, пйсьню спйвае. А за нимъ йдуть мало мало не три тысячи, усй хоробрыи товарищи Запорожьцй, на коникахъ выгравають, шабельками блиськаютъ, у бубны вдаряютъ, Бовй молитву посылаютъ. А Карпо Панъ

Гетьманъ на конику выгравае, пѣсьню спѣвае:

Пресучая та журьба!
Вона мене изсушила.
Вона мене молодого
Изъ нѣгъ навалила.
А я тїй журьбѣ
Та й не пѣддаюся.
Ой пїйду я до шинкарки
Горѣлки напьюся.
Ой хто хоче меду пити
Ходѣмъ до Жидѣвки,
А въ Жидѣвки чёрнѣ брѣвки,
Высоки пѣдкивки,
Й юпочка рябенька,
Й сама молоденька;
Та якая-жъ хорошая,
Яка чопорненька.
Шинкарочка моя
Насыпь минѣ меду й вина,

Та щобъ моя головонька
Веселенька була.
— Коли ты жёнатый,
То иды до дому;
А якъ не жёнатый,
То ночуй зо мною. —
Ой є въ мене й жiнка
Й дiточокъ двое,
Та не пригоршаються,
Серденько мое. —

ЗАМѢТКИ.

(I)

Къ Пѣснямъ.

1.

Доставлена мнѣ въ неполномъ спискѣ Н. В. Росковшенковой. Списокъ, по которому сія пѣсня здѣсь напечатана сдѣланъ мною самимъ со словъ Бандуриста. Въ первомъ спискѣ не доставало куплетовъ: I, VII, VIII, IX, XI и XII.

Эта пѣсня замѣчательна разнообразіемъ размѣровъ, что меня и заставляетъ предполагать, что она состоитъ изъ отрывковъ различныхъ пѣсней. Кромѣ размѣровъ доказательствомъ сему

предположенію можетъ быть и различіе голосовъ, на которые она поется; именно — куплеты: I, II, VII, VIII, IX, X, XIV, XV, — поются однимъ голосомъ; куплеты: III, IV, V, VI, XVII, XVIII, XVIII, XIX, — другимъ голосомъ; наконецъ XI. XII, XIII — третьимъ.

Въ Украинскихъ пѣсняхъ употребительны пять главныхъ размѣровъ. Каждый куплетъ въ пѣсняхъ перваго размѣра состоитъ изъ четырехъ стиховъ, изъ коихъ 2-й и 4-й риѳмуются. Стихъ сего рода пѣсень имѣетъ всегда два ударенія, и никогда болѣе двухъ. Образъ расположенія удареній чрезвычайно разнообразенъ, и, кажется, не подлежитъ ни какимъ правиламъ.

Примѣръ:

Сизи́мъ о́рликомъ лі́та́въ,
Яворо́нькомъ гну́вся:

— Де-сь що я', мои милі́ бра́шья,
Та́ й споді́нуся.

Куплеты вшораго размѣра пѣсень, каждый сосшоишъ изъ двухъ риѳмующихся сшиховъ, и всякій сшихъ имѣешъ не менѣе двухъ и не болѣе шрехъ ударений.

Примѣръ :

А ще шре́шій, Морозе́нко
А чешвершый, Панъ Горле́нко.

Сіи два рода пѣсенныхъ размѣровъ сушь самые упошребишельнѣйшіе на Украинѣ. — Пѣсни шрешьяго размѣра шакже раздѣлены на двусшишные куплешы; но въ каждомъ сшихѣ по чешыре ударенія.

Примѣръ :

Молода́ сесшра́ сонъ-шраву́ ирва́ла
Сшару́ю пыша́ла, сшару́ю пыша́ла.

Въ пѣсняхъ четвертаго размѣра куплеты также какъ и въ пѣсняхъ перваго размѣра состоятъ изъ четырехъ стиховъ съ тою разницею, что здѣсь риѳмуются въ каждомъ стихѣ: 1-й и 4й, а иногда и 2-й и 3-й. Первый стихъ имѣетъ два ударенія, а 2-й, 3-й и 4-й по одному.

Примѣръ:

Гей, хто въ лѣ̂сѣ̂, озови́ся,
Та вы́крешемъ огню,
Та запа́лимъ люльки.
Не жури́ся.

Пѣсни пятаго размѣра не раздѣляются на куплеты: каждый стихъ повторяется два или три раза, и рѣдко риѳмуется съ другимъ стихомъ. Почти всегда послѣ каждаго стиха слѣдуетъ припѣвъ, который иногда съ нимъ риѳмуется.

Примѣръ:

Чи ты не чуешь, моя галочко, (2)
(*Припѣвъ*) Ой моя галочко.

О сихъ размѣрахъ будетъ подробнѣе сказано въ собраніи женскихъ Украинскихъ пѣсень, которое я приготовляю къ печати. Замѣчу мимоходомъ, что Украинскіе размѣры пѣсенные принадлежатъ не однимъ Украинцамъ, но и многимъ другимъ Славянскимъ племенамъ: укажу на Поляковъ, Богемцевъ и Словаковъ; и особенно сказать это можно о первомъ размѣрѣ, на который сложена большая часть Украинскихъ пѣсень, почти половина извѣстныхъ свѣту Богемскихъ, и почти всѣ Словацкія. См. Словацкія пѣсни моего изданія. Харьковъ. 1832. Малороссійскія пѣсни изданія Максимовича.

2.

Списана со словъ Бандуриста. Другихъ списковъ не имѣю.

3.

Имѣю два списка сей пѣсни. Оба сдѣланы мною со словъ Бандуристовъ. По другому списку пѣсня сія начинается такъ:

I.

Ой зъ города изъ Полтавы
Выѣзжали Козаки.
Усѣхъ було три таборы,
Та всѣ три ѐднаки:

III.

У первому таборѣ
Усѣ лейстровыи,
У другому таборѣ
Усѣ Хоружіи;
У третьему таборѣ
Усѣ куреннныи.

III.

Ой ѣхали жъ три дни
Й три ночи покуты,
Ой на третью та у ранцѣ
Треба въ Мержѣ бути.
А у городѣ у Львовѣ — и пр.

Нѣкоторымъ читателямъ покажется, можетъ быть, страннымъ, что второй куплетъ сего списка состоитъ изъ шести стиховъ. Надобно замѣтить, что при пѣніи пѣсень перваго размѣра два послѣднихъ стиха каждаго куплета повторяются обыкновенно два раза. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ прибавляются два лишнихъ стиха, кои поются вмѣсто повторенія двухъ предъидущихъ. Прибавленія такого рода бываютъ тогда когда смыслъ предположенный не умѣщается въ четырехъ стихахъ куплета.

4.

Списокъ здѣсь помѣщенный здѣланъ мною самимъ со словъ Бандуриста. Другой списокъ, полученный мною отъ Г. Дьячкова, состоитъ только изъ двухъ куплетовъ: V и VI. Вмѣсто *Серпяга* стоитъ въ семъ спискѣ *Серпяжина.*

5. 6.

Списаны мною самимъ со словъ Бандуристовъ. Я не отмѣчаю разницы, находящейся между списками сихъ пѣсень, находящимися въ моемъ собраніи; ибо сія разница касается только до выраженій, и еще чаще до словъ, а не до самаго дѣла или смысла.

7.

Доставлена И. Лисавицкимъ. Я выпустилъ первый куплетъ, потому

что онъ принадлежитъ совершенно другой пѣснѣ:

Ой на свйтѣ жити лихо,
Такій свйтъ удався;
Що недолѣ Козачина
Де-сь що сподобався.

Максимовичъ замѣтилъ мнѣ, что конецъ сей пѣсни, т: е. куплеты XXII—XXVI, имѣетъ сходство съ концемъ пѣсни помѣщенной въ его собраніи Малорос. пѣсиь, подъ N XII, стр. 17.

8.

Списана мною со словъ Бандуриста. Во второмъ куплетѣ вмѣсто: *Поличья*, какъ сказалъ мнѣ Бандуристъ, я употребилъ: *Порйчья*: ибо первое слово кажется не имѣетъ никакого значенія, а вѣроятно употребляется по ошибкѣ.

9.

Списана со словъ Бандуриста.

10.

Выписана изъ Собранія Малороссскихъ пѣсенъ Максимовича. стр. 18 — 19.

11.

Имѣю подъ руками четыре списка сей пѣсни: одинъ доставленъ Ѳ. С. Евецкимъ; другой помѣщенъ въ Собраніи Малороссійскихъ пѣсень Г. Максимовича, стр. 33 — 37; два послѣднихъ сдѣланы мною со словъ Бандуристовъ. Всякой изъ нихъ былъ не полонъ, и потому я рѣшился совокупить сіи списки во едино. Думаю, что не погрѣшилъ противу истины.

Списокъ, доставленный Г. Евецкимъ состоитъ изъ куплетовъ: IV, XIV, XXIV, XXIX, XVI, XVII, XVIII,

XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XLI; XLII, XXVI, XXVII, XXVIII, XIX, L, LI, LIII, LIII.

Списокъ Максимовича: XIX, XIX, XX — XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXVI, XXVII, XXVIII; далѣе слѣдуетъ:

Тйлькй-жъ шая челядонька
На порогъ ступае:
Ажъ Микишка Пану Савй
Чёломъ отдавае.

Потомъ: XXXIII, XXX; за этимъ:

— Ой давъ-бы вамъ меду й вина,
Не хочете пити;
Ой вы мене молодого,
Хочете згубити.

Потомъ: XXXVII; XXXVIII; наконецъ:

Ой кинеться та Панъ Сава
До ясного меча. —
Его взяли на три списы

Изъ правого плеча.
Ой кинувся ша Панъ Сава
До ясной зброи. . .
Его взяли ша пйдняли
На шри списы въ горй.
Ошъ-се-жъ шобй, Пане Саво,
Сукий, 6дамашки,
Що шы нажив, вражій сыну,
Зъ Козацькои ласки.
А Савиха молодая
Въ вйкно ушйкала,
На молоду челядоньку
Спильна поглядала.
Хапай, хапай, челядонько
Малую дйшину;
Будешъ жипи й пановаши,
Коли я не згину.
Не боишься Козаченько
Ни грому, ни шучи:

Хорошенько въ кобзу грае
До Савихи йдучи.

Сихъ послѣднихъ пяти куплетовъ не находится въ прочихъ трехъ спискахъ.

Третій списокъ состоитъ изъ куплетовъ: I, II, III, V, XIV, XV, XVI, XVII, XIX, XXIV, XXIX, XXX, XXXII, XXXVIII, XXXVIII, XXXVIII, XL, XLIII, XLIV, XLV, XLVI, XLVII, XAVIII, XLIX.

Четвертый списокъ: I, II, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XX, XXI, XXIV, XXVII, XXVIII, XXX, XXXI, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXIX, XLI, XLIII, XLIV, XLV, XLIII, XLIX, L, LI.

12.

Доставлена И. В. Росковшенко.

вымъ въ спискѣ неполномъ; я добавилъ его другимъ спискомъ.

(II)

Къ Думамъ.

1.

Списана мною со словъ Бандуриста.

2.

Имѣю два списка сей Думы: оба сдѣланы самимъ мною со словъ Бандуриста. Оба разнятся между собою только въ словахъ, исключая только одно мѣсто, которое находится въ одномъ изъ списковъ, а въ другомъ выпущено:

— Се вже страмъ жйноцькій Козакâвъ подолâвъ. Хто-жъ ёго мâжъ насъ выгодовавъ? Хто-жъ его намъ передавъ? Якъ мы изъ Сулимою пâдъ Бакирь ходили, що й тодâ хмары та чвары насъ

до Турка водили; водили та й до самого Турка провождали. То ни одинъ изъ насъ про хмару та чвару не раховавъ, усякъ на Бога живйтъ свій покладавъ; не за хмару та чвару Богу молитвы посылавъ; — Турка побити моливъ, Турка піймати прохавъ, — у Турка добычу взяти добыченьку Бога моливъ, та за сее по три поклоны кожному святому покладавъ, Матери Божіей та Христу Ісусу Спасителю по девяти поклонйвъ. Отъ тодй наши й воёвали, на увесь свйтъ Божій свою славу розсылали, Ляхамъ себе увъ обиду не давали; тйлько Литвинамъ свои шаблюки казали, що Литвины не минуючи втйкали. Отъ тодй наши й воёвали. Якъ вовки сйроманьцй по балкахъ та по байракахъ блукали, въ городищь Татаръ мовъ курчатъ изъ хле-

вовъ выганяли; та ни про що й не дбали. Опть-тоди наши й воёвали. Якъ були наши пйдъ Сосницею, або пйдъ Микишиною, та якъ зъ самопалйвъ одинъ разъ зевнули, то Ляхи якъ быки ревнули; а якъ двйчи пустили, то въ рйкахъ та въ озерцяхъ топилися. Тамъ вони, католики, на вйкъ и втопали. Опть-тоди наши й воёвали. —

Я пропустилъ здѣсь это мѣсто потому, что оно находится въ другой думѣ, которая будетъ помѣщена въ четвертой книжкѣ: тамъ мѣсто сіе имѣетъ связь съ предъидущимъ, и потому, какъ мнѣ кажется, должно остаться за тою думою. Въ думѣ-жъ о Сернягѣ прибавляется оно, вѣроятно, по ошибкѣ.

3.

Списана мною со словъ Бандуриста.

4.

Выписана безъ измѣненія изъ Собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсней, Князя Цертелева. С.П.Б. 1819. 48 — 50.

5.

Выписана изъ Украинскаго Альманаха. 1831. стр: 124 — 131. Списокъ сообщенъ мнѣ А. Г. Шпигоцкимъ; я предпочелъ его другому, находящемуся въ Собраніи Стар. Мал. пѣсней Князя Цертелева. 21 — 25. Впрочемъ различіе между обоими списками очень не значительно.

6.

Списана мною самимъ со словъ Бандуриста. Для меня замѣчательна сія дума смѣшеніемъ рифмованной прозы, какая обыкновенно употребляется въ Запорожскихъ думахъ, съ пѣсенными

стихами, но все не приличными важной думѣ, по мнѣнію Бандуристовъ. Эта дума представляетъ мнѣ почти единственный примѣръ подобнаго смѣшенія; впрочемъ, можетъ быть, стихи, въ ней заключающіяся, вставлены въ послѣдствіи. Пѣсня, которою дума оканчивается, поется и отдѣльно. Имѣю три списка сей пѣсни: одинъ доставленъ Г. Хиждеу, другой О. Ст. Евецкимъ, третій Ив. Вас. Росковшенковымъ.

Причина, — почему я пишу думы не стихами, какъ это сдѣлали Максимовичъ и К. Цертелевъ, а прозою, — будетъ для всякаго понятна, кто вникнетъ въ составъ слога думъ. Дума — не пѣсня, хотя и поется подобно пѣснѣ, подъ звуки бандуры; риѳмы въ думѣ не составляютъ необходимости,

а сушь шолько роскошь, служащая къ большему украшенію выраженій, и придающая слогу болѣе плавносши и благозвучія. Чѣмъ болѣе риѳмъ, чѣмъ чаще риѳмы, шѣмъ лучше слогъ думы: шаково шребованіе вкуса народнаго, шаково правило народной піиттики. Не шакъ въ пѣснѣ, гдѣ и самыя риѳмы подчинены правиламъ размѣра и упошребленія, гдѣ риѳмы необходимы. — Впрочемъ думы не произошли ли опгъ пѣсень? Кшо пѣлъ какую нибудь пѣсню, не зная оной шведро, — шошъ по необходимосши прибавлялъ къ оной свои собсшвенныя слова и выраженія, подъ ладъ своихъ словъ и выраженій измѣнялъ голосъ; пѣсенная правильносшь мало по малу шерялась, и наконецъ совсѣмъ исчезла. Не могли-ли шакимъ образомъ появишься думы? — Время и

обычай могли утвердить самобытность этого рода поэтических произведеній народной Поэзіи Украинской.

NB. Большая часть списков пѣсень и думъ, здѣсь помѣщенныхъ, собраны мною въ Павлоградскомъ уѣздѣ Екатеринославской Губерніи, при помощи тамошней помѣщицы Екатерины Романовны Подольской, урожденной Шидловской, которой за ревностное участіе, ею принятое въ трудѣ моемъ, приношу мою глубочайшую благодарность. Очень многимъ обязанъ и Өедору Степановичу Евецкому, который, превосходно зная Украинскій языкъ, по дружбѣ ко мнѣ, изъяснялъ мнѣ многія непонятныя выраженія, и снабжалъ мѣстными преданіями.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢТКИ:

ЗАПОРОЖСКАЯ СТАРИНА.

ЧАСТЬ I.

— II —

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ пять экземпляровъ, Москва. Августа 28 дня 1833.

Цензоръ Дашгубскій.

Запорожская Старина.

Сказанія Лѣтописцевъ

и

Преданія

о лицахъ и событіяхъ, бывшихъ

въ Украинѣ и Запорожьѣ

до смерти

Стефана Баторія.

Исторія Украины бѣдна источниками Лѣтописными; однако сія бѣдность заключается не въ маломъ количествѣ и не въ краткости Лѣтописей, но въ качествѣ оныхъ.

Пусть тотъ, который имѣетъ порядочный запасъ Украинскихъ Лѣтописей разсмотритъ прилежно Исторію Малой Россіи, составленную Бантышемъ-Каменскимъ, — пусть сравнитъ онъ сказанія сего перваго Историка Украины со сказаніями Лѣтописей, — и онъ вѣрно останется пораженнымъ отъ изумленія. — Почему Историкъ пользо-

вался лѣтописями такъ самопроизвольно; почему вѣрилъ имъ, когда хотѣлъ, — не довѣрялъ, когда хотѣлъ; почему предпочиталъ одну другой, и между тѣмъ болѣе или менѣе пользовался всѣми? — Подобные вопросы невольно представятъ уму его; и трудъ Бантыша-Каменскаго, неоцѣнимый, незабвенный, достойный благодарности соотечественниковъ, можетъ подвергнуться порицанію. Но справедливо-ли будетъ оно? — Никогда. Если историкъ встрѣчаетъ противорѣчія или не сообразности въ матеріалахъ, коими пользуется, — не долженъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ ли онъ слѣдовать законамъ вѣроятностей? вѣрить тому, что до-

стойно вѣры, и не вѣрить, если покажется невѣроятнымъ, и слѣдовательно предпочитать одно сказаніе другому, и между тѣмъ болѣе или менѣе пользоваться всѣми? Бантышъ-Каменскій вписывалъ въ свою Исторію все, что находилъ достойнымъ вѣры, — опускалъ, что казалось несообразнымъ, и не могъ поступить иначе! Таково качество Лѣтописей Украинскихъ. Ихъ много; между ними есть и пространныя; но если выбросить изо всѣхъ всѣ противурѣчія и несообразности, коихъ объяснить не возможно ни какимъ трудомъ, ни съ какими познаніями, — то останется очень не большое количество сказаній. Вотъ почему

я назвалъ Исторію Украины бѣдною относительно источниковъ лѣтописныхъ.

Вотъ почему предпочелъ многимъ пространнѣйшимъ небольшую Лѣтопись, здѣсь помѣщенную. За неподложность оной можно ручаться: она блуждаетъ по Украинѣ въ безчисленныхъ спискахъ. Я выбралъ изъ нихъ тотъ, который казался мнѣ лучше. Не представляю варіантовъ; ибо они заняли бы слишкомъ много мѣста, и едва ли къ чему и кому были годны.

За Лѣтописью слѣдуютъ Замѣчанія, думаю, что онѣ будутъ любопытны, хотя нѣкоторымъ читателямъ. Прошу извиненія въ краткости и недомолвкахъ: всего

въ одной книжкѣ помѣстить было невозможно; что не объяснено здѣсь, объяснится при удобныхъ случаяхъ въ послѣдующихъ книжкахъ. Источники, коими пользовался я при составленіи Замѣчаній суть:

I. Печатныя книги:

— Исторія Малой Россіи Бантыша-Каменскаго (И. М. Р.); второе изданіе.

— Краткая Лѣтопись, изданная Рубаномъ.

— Исторія Государства Россійскаго; (И. Г. Р.) второе изданіе.

— Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ Успенскаго: второе изданіе.

— Описаніе Украины, Боплана; Русскій переводъ. (О. У.)

— Исторія Государства Польскаго, Бандтке; Русскій переводъ.

— Historya narodu Polskiego, przez Naruszewicza. (H. N. P.)

— Geschichte der Ukraine — Энгеля. (G. d. U.)

— Geschichte der Moldau und Walachey — его-же (G. d. M.)

II. Рукописи:

— Исторія Руссовъ, Георгія Конисскаго.

— Краткій Лѣтописецъ Малой Россіи Рогалевскаго.

— Пространная повѣсть о томъ, что случилось въ Украинѣ до смерти Гетмана Хмельницкаго.

— Записки Шафонскаго.

— Лѣтопись о проименованіи Козаковъ и дѣлахъ ихъ.

— *Меморіалъ о Запорожскихъ Гетманахъ.*

— *Топографическое описаніе Харьковскаго Намѣстничества.*

III. Преданія — частію собиралъ самъ отъ Бандуристовъ и простаго народа, также отъ оставшихся въ живыхъ Запорожцевъ; частію получалъ отъ другихъ. Долгомъ почитаю въ семъ случаѣ свидѣтельствовать мою благодарность Екатерины Романовнѣ Подольской (урожденной Шидловской), Оресту Степановичу Евецкому и Өедору Степановичу Евецкому. Ручаюсь за справедливость всѣхъ; ибо онѣ почти всѣ повѣрены мною на мѣстѣ. Впрочемъ желаю, чтобы мною повѣренное было повѣре-

но и еще кѣмъ нибудь: критика въ семъ случаѣ важнѣе нежели гдѣ индѣ.

Я исчислилъ только главные источники; прочихъ книгъ и рукописей, коими пользовался рѣдко, или послучаю выписками, а не вполнѣ, я не отмѣчалъ, впрочемъ онѣ означены въ самыхъ Замѣчаніяхъ.

Въ концѣ книжки помѣщено начало Сказанія о Гетманахъ Запорожскихъ.

Всю сію книжку прошу покорно щитать не болѣе, какъ примѣчаніями къ No 1 Запорожской Старины, т. е. къ Пѣснямъ и Думамъ, тамъ помѣщеннымъ,—и въ особенности къ двумъ пѣснямъ о Свир-

говскомъ, двумъ пѣснямъ о Серпя-гѣ, и двумъ Думамъ о Богданкѣ и Серпягѣ (см. въ No 1 — 1, 2, 3, 4, 13 и 14).

И. С.

Варваровка на Днѣпрѣ
1833, Іюня 2.

Сказанія, откуду Козаки Запорожане, и чѣмъ славни.

I.

Не требе есть много глаголати, откуду раздѣленіе Царствъ и Домовъ паденіе, яже глаголетъ Апостолъ, яко отъ похотей бываютъ брани, и отъ сихъ раздѣляются Царства, и превращаются Домы. Всякое же раздѣлившееся Царство запустѣетъ чесому избытіе видимъ.

Егда Монарха и Самодержецъ всея Русскія земли, страхъ многимъ Царствамъ, Равноапостольный Князь Владиміръ, временное Царство остави, и къ вѣчному пойде, раздѣлившеся Цар-

ство его на двѣнадесять Княженій; тогда завистью врага человѣко-убійцы искони Владиміровѣ сынове братіею суще возстали на себе, хотяще единъ другого Княженіемъ обладати, изгнавше собѣ чуждіи по роду на многое время: сего ради вскорѣ попущеніемъ Божіимъ на Русскую землю Батый найде; и плѣнивъ ю, и церкви Божіи и красоту ихъ опроверже, и соравни со землею, яко по развапенным стѣнамъ древіе возрасте, и суть житіе гадомъ и звѣромъ. Но не довлѣло сего за грѣхи Россійскому роду.

Возста еще Гедеминъ Витенесовичъ Великій Князь Литовскій, Седьмисыновецъ; и пришедъ на Кіевъ, побѣди Князей Русскихъ; и прилуча Кіевъ своей области, постави намѣстника своего Князя Гольшанскаго. И отъ

шого времени Литва Россійскимъ заобладаша престоломъ (1) даже до умерътвія благовѣрнаго Князя Симеона, иже по раззореніи Батыевомъ пусту лѣтъ двѣсти и тридесять стоящу святую небеси подобную церковь Печерскую обнови великимъ иждивеніемъ имѣнія своего.

А по его смерти року 1471 Король Польскій Казимиръ четвертый Княженіе Кіевское во Воеводство премѣни. Тако Богу ради грѣхъ человѣческихъ попустившу, яко во уничиженіе пріиде Россійскій скипетръ, и отъ Царства во Княженіе, и отъ Княженія во Воеводство премѣнися.

II.

Пріемше убо во область свою Поляки Кіевъ и всю Украинскую страну изволи въ работѣ имѣти живущихъ

людей; а иже бяху отъ сихъ воинского чина во бранныхъ дѣлѣхъ упражняхуся, а не работнымъ промысломъ живяще (2) около рѣки Днѣпра ниже пороговъ во пустыхъ мѣстахъ и въ дикихъ лугахъ и рѣчными рыбными и звѣриными ловы (3). А нарицахуся Козаками, яко глаголятъ, отъ древнего рода своего Козарска. Аще убо Веспасіянъ Коховскій и отъ козъ дикихъ Козаковъ нарицаетъ, яко тѣмъ скоростію добравѣ соравняются, и ловомъ тѣхъ упражняхуся найпаче; но не прилично отъ козъ Козаковъ нарицати. Приличнѣе Стриковскій нарицаетъ Козаковъ отъ древнего и славного ихъ Вождя Козака. Александеръ же Гванинъ отъ свободы нарицаетъ Козаками, занеже яко продкове ихъ не отъ нужды коей, но по доброй волѣ, охотне, и безъ

найму на брань хождаху (4), тако и нынѣ Козаки храбрости своей не сокрывающе, ко брани охочи, видятъ бо вси на око, яко Нѣмцы, Поляки и Турки берутъ наемъ многій и между собою только біющеся показуютъ храбрость, сопротивнымъ же скоро даютъ прещи; и мужество ихъ вси видятъ, ибо сподъ Лядского ига малою силою отъемлыпися, на многихъ бранѣхъ Ляховъ побѣдиша, и Лядскую (5) всю землю повоеваша.

III.

Въ року 1516, егда Сигизмундъ первый того имени Король Полькій поиде бранію на Велика Царя Московскаго, Ханъ Татарскій Менделирей усмотрѣвши время не хранючи утвержденного собѣ со Поляки мира, насла свою силу въ Русскую землю, гдѣ огнемъ и

мечемъ повоева грады и вѣси и много плѣна веемъ, въ Перекопъ возврапися (6). Тогда Король видѣвъ той смѣхъ и поношеніе охотного воинства отъ Козаковъ и Поляковъ собравъ, посла ихъ подъ Бѣлогородъ, гдѣ они множество корысти веемше, возвращахуся въ Русскую землю; но Турки и Татары ихъ нападоша; обаче брани сверша премогоша Христіанстіи вои.

И отъ того времени Козакомъ нарицашеся, аще кто и Полякъ бяше, сіе есть свободное воинство, яко безъ найму своею волею хождаху на Татаре, и многократными браньми ходяще на Татары вельми въ храбрость и силу возрастоша.

Гладу же и жаждѣ и мразу и зною и всякимъ воздушнымъ нахожденіямъ вельми поносни.

Пища же ихъ житное тѣсто квашено рѣдце и сварено, и тѣмъ сутъ довольни; а иноди случится съ рыбою, яко козаки глаголятъ щербою, то за найпрекраснѣйшую господскую трапезу имѣютъ (7).

Живутъ же въ коливахъ сіе есть въ куреняхъ по пятдесять, по сто и болѣе, и вси пищу вышерѣченную имуть едину (8).

И одного же старѣйшого въ куренѣ имуть, въ воинскихъ искусного дѣлахъ, и того почитаютъ, и повинуются ему, аки найвысшему началу по Кошевомъ Атаманѣ. Но и старѣйшины ихъ живутъ съ ними со опаствомъ, аще бо бы чѣмъ нибудь оскорбилъ надъ право, то абіе бѣдней предаютъ смерти (9. 10. 11).

Татьба же и блудъ отнюдь не бываютъ между ими; и за едино бо путо или плѣть обѣщаютъ на древѣ (12).

Одежда ихъ едина или двѣ и множае и прежде бяше. По семъ когда земь Турскую и Татарскую повоеваша, обогатишася зѣло, и суть богатства всякого довольно исполнени (13. 14).

Оружіе имутъ: самопалы, шабли, обухи, луки, стрѣлы и списы; и суть мнози тому оружію тако искусни, яко и найлучшій Польскій усаринъ и Нѣмецкій рейтаринъ быти тамо примѣромъ не могутъ.

Воинства же Козацкого никто изчести не можетъ: сколько бо конныхъ, столько и пѣшихъ, и сколько на Украинѣ въ Малороссіи людей, столько и Козаковъ. Речетъ только на охотника региментъ держащій, абіе

сколько требе воинства соберется. Не требе нуждою собирати, яко по иныхъ чужеземныхъ странахъ творятъ; не требе великого найму обѣщавати: речетъ старшій слово, абіе войска числомъ аки трава будетъ. И добре ктось рекъ Турского Царя на вопросъ о количности Козацкого войска. Въ насъ — рече — Турській Цэрю, що коза, то Козакъ; а де кракъ або байракъ, то по сто и по двисти Козаквъ. Тако и вси тіи зѣло храбри (15).

Во миру же жити никогда не хощуть; но егда въ землѣ ихъ миръ оглашенъ будетъ, то самовольно идуть на помощь инѣмъ, и малыя ради корысти великую нужду подъимуть, море преплавати дерзають, и многажды души своя погубляють, яко не имѣють сего

обычая, дабы со собою священниковъ смершныя нужды ради имѣли.

IV.

Въ року 1574 за Генриха Француза, Короля Польскаго, упрошеніемъ Іоанна Господаря Молдавскаго, Козаки, собравшеся съ Гешманомъ Свѣрговскимъ шысяча чешыреста, пріидоша въ Молдавскую землю, и шамо при Господарѣ чешыренадесяшь крошъ брань съ Турки сведше, силу ихъ великую поганьскую поразиша, наконецъ же ошъ множества Турковъ умроша (16).

Но вскорѣ Козаки Туркамъ за сіе месшь положиша; ибо въ року 1575 посланы бывше ошъ Кіевскаго Воеводы въ Черкассъ, въ Канева, челнами Днѣпромъ на Орду нападоша и много побивше и въ плѣнъ вземше, возврашишася къ своимъ съ корысши.

Обаче Татаре собравшеся съ тремя Салтаны да седмь сыновъ Перекопскаго Хана со множествомъ Ордъ найдоша Подолье, много людей плѣниша, и сожгоша огнемъ грады и селы.

Воскорѣ же Козаки воздали имъ за сie, егда вшедше за Перекопъ зъ Вождемъ Богданкомъ такожде землю Татарскую огнемъ и мечемъ повоеваша. (17)

V.

Въ лѣто 1576, за Стефана Батыря, Короля Польскаго, Козаки въ лучшiй еще строй учинены. Той бо Король видя въ Козакахъ мужество великое съ Татары на бранѣхъ, постави имъ Гетмана, присла ему хоругвь, бунчукъ и булаву (18) и арматъ, и всякихъ воинскихъ припасовъ; и сами много замки Турецки воююще набраша. И учинивъ имъ Стефанъ строй (19) и

началы по Гетмане: Обозныи, Судьи, Асаулы, Полковники, Сотники, и Атаманы; повеле имъ быти на страже отъ Татаръ около пороговъ; и всегда онъ Король Польщи о храбрости Козаковъ поразумевая, пророчески глаголаше: — Будетъ — рече — когдась отъ техъ юнаковъ речь посполитая вольная. — Еже и собыстьса. Последи той же Король Батырь даде Козакамъ во пристанище Трехтемировъ, дабы тамо во время зимы всегда пребывали. И симъ Королемъ Козаки бяху на долзе довольни. И съ того времени многія брани имеяху Козаки со Татары на земли, а съ Турками на морю; обаче всегда побеждаху ихъ. И въ то время Азію Козаки нападше на тысячу миль повоеваша, Трапезонъ взяша, и изсекоша, Синопъ до основанія опревратиша,

и подъ Константинополемъ многія взя-
ша корысти. Оттолѣ болѣе въ силу
Козаки ростяху. Еже видѣвъ Король
Стефанъ смущашеся зѣло вкупѣ, и бо-
яшеся, да некако укрѣпившеся Козаки
тяжцы Ляхомъ будутъ; и хотѣ, яко
же глаголютъ, внизу около Днѣпра жи-
вущихъ всѣхъ побити, но Козаки ра-
зумѣвше Королевскій замыселъ пойдо-
ша отъ логовищъ своихъ къ Донскимъ
Козакамъ. И отсюда еще въ большій
страхъ Ляхи прійдоша, обаче Сте-
фанъ до времени остави Козаковъ та-
ко пребывати. Они же паки зъ Дону
возвратившася въ Луга Днѣпровскіе, ме-
чемъ и бранію на Татаре упражняхуся.

VI.

За того же Короля Стефана Ба-
тыри, въ року 1577 бѣ у Козаковъ
Атаманъ Козакъ славный именемъ Под-

началы по Гетманѣ: Обозныи, Судьи, Асаулы, Полковники, Сотники, и Атаманы; повелѣ имъ быти на стражѣ отъ Татаръ около пороговъ; и всегда онъ Король Польщи о храбрости Козаковъ поразумѣвая, пророчески глаголаше: — Будетъ — рече — когдась отъ тѣхъ юнаковъ рѣчь посполитая вольная. — Еже и собыстъся. Послѣди той же Король Батырь даде Козакамъ во пристанище Трехтемировъ, дабы тамо во время зимы всегда пребывали. И симъ Королемъ Козаки бяху на долзѣ довольни. И съ того времени многія брани имѣяху Козаки со Татары на земли, а съ Турками на морю; обаче всегда побѣждаху ихъ. И въ то время Азію Козаки нападше на тысячу миль повоеваша, Трапезонъ взяша, и изсѣкоша, Синопъ до основанія опревратиша,

и подъ Константинополемъ многія взя-
ша корысти. Оттолѣ болѣе въ силу
Козаки ростяху. Еже видѣвъ Король
Стефанъ смущашеся зѣло вкупѣ, и бо-
яшеся, да некако укрѣпившеся Козаки
тяжцы Ляхомъ будуть; и хотѣ, яко
же глаголять, внизу около Днѣпра жи-
вущихъ всѣхъ побити, но Козаки ра-
зумѣвше Королевскій замыселъ пойдо-
ша отъ логовищь своихъ къ Донскимъ
Козакамъ. И отсюда еще въ большій
страхъ Ляхи прійдоша, обаче Сте-
фанъ до времени остави Козаковъ та-
ко пребывати. Они же паки зъ Дону
возвратившася въ Луга Днѣпровскіе, ме-
чемъ и бранію на Татаре упражняхуся.

VI.

За того же Короля Стефана Ба-
тыря, въ року 1577 бѣ у Козаковъ
Атаманъ Козакъ славный именемъ Под-

кова (20), его же храбрости ради на Господарство Молдавское призываху Молдованя. Съ тѣмъ Подковою Шахъ Гетманъ Запорожскій и съ Козаками пришедъ въ Волоскую землю отъ Господарства Молдавскаго изгна воеводу Петра, посади на Господарство Подкову. Тогдѣ Воевода Петро собра Турецкого войска много, на Подкову ополчися; но Козаки побѣдиша Турецкую силу. По времени же паки Петро Молдавскій Воевода со многими Турецкими силами на Подкову бранію прійде; но Подкова противу него изыде и бысть брань велія; обаче Козаки Турковъ побѣдиша, яко едва Петро Воевода убѣже съ малыми людьми. Видѣвъ же Подкова, яко на Господарствѣ Молдавскомъ не укрѣпится, остави, на Подолье возвратися. Тогда его

Ляхи лестію емше, до Короля отосла-ша, который повелѣ отсѣщи Подковѣ главу во Львовѣ. Тѣло же его Козаки вземше въ Каневѣ у монастырѣ погребоша. Посла же Король и до низовыхъ Козаковъ, дабы ихъ смирили, Комиссаровъ своихъ, но приняли же ихъ Козаки не якоже Ляхи хотѣша, гнѣвающеся за Подкову, его-же ради многажды на Молдавскую землю находяще, великія пакости творяху, яко храбрымъ юнакомъ бѣ свойственно; а найпаче Татарамъ вельми бяху тяжцы и крѣпцы яко стѣна.

VII.

Егда змій лукавый отторже третію часть звѣздъ изъ церкви Православныя, аки зъ тверди небесней, и восхотѣ вринути во адову пропасть тогда ему тіи нѣкіи Архіереи въ Ли-

шовской странѣ не боящеся Бога, яже дрождія суетныя славы жившася, ни откуду не имущія нужды образомъ благочестія хотяще отрещися, православныя апостольскія Каѳолическія вѣры, соборъ собраша во Брестю Литовскомъ; и на томъ соборѣ бѣ Митрополитъ Михаилъ Рогоза, Инатій Протопроній Епископъ Владимірскій и Брестскій, Кириллъ Терлецкій Ексархъ Епископъ Луцкій и Острожскій, Ермогенъ Епископъ Полоцкій и Витебскій, Іоаннъ Гоголь Епископъ Почайскій и Туровскій, Діонисій Епископъ Холмскій и Белаcкій; и на томъ соборѣ оставя аще благословеніе первоначального Архипастыря своего Константинопольскаго Патріарха, послаша послы въ Римъ къ Папѣ Клементу восьмому, отдающе себе въ соединеніе

Западному Костелю. Тогда видѣвше благочестія сынове сію новоявльшую химеру, ужасахуся и отдалиша себе отъ едности тѣхъ наемниковъ; а не истинныхъ пастырей. И отсюду раздрася облюбеницы Христовой единоблагочестная риза; и смутися смущеніемъ неутѣшнымъ православная церковь: бѣ бо видѣти на ней одѣяніе раздранно, и душою болюще зѣло, ако сынове ея вшедше въ чертоги внутренняя завѣса умроша. Змій же облюбивый ихъ начатъ облюбеницу Христову Церковь Православную Греко-Русскую гонити; обаче дано бѣ женѣ двѣ крилѣ орла небеснаго. . . .

Тогда же ревностію благочестія разжегся нѣкто Гетманъ Запорожскаго войска Наливайко въ року 1591 собравъ отъ низовыхъ Козаковъ войско,

прійде на Литву, и тамо много мечемъ поби шляхты, ненавидяй нововявльшейся тогда Уніи. На него же Наливайка Гетманъ Коронный Жолковскій въ войскомъ Польскимъ пришедъ на Украину подъ Лубнями мѣстомъ на урочищѣ Солоницѣ войско Козацкое поби, и самаго Гетмана емши завезъ до Варшавы, иде же на мѣдномъ валу его сожгоша Ляхи и отъ тоя вины война Козацкая въ Ляхами начася.

И вельми сталась тяжка брань оная. И многія души погибоша. Церковь Божую православную споважающе и поражающе православныхъ ея сподвижниковъ. Явися въ оное время межъ Козаками мужъ умомъ возвышенный и любовью къ отчизнѣ вельми изукрашенный зѣло, Зиновій Хмельницкій, ему же и прозваніе отъ православнаго

народа дано Богдана, Богомъ данного во утѣшеніе сиротствующей Церкви Православной. И такъ отъ ига Ляд-ского Руссы въ оно время отпадоша.

ЗАМѢЧАНІЯ.

1.

О взятіи Кіева Гедеминомъ.

Сказанія о взятіи Кіева и покореніи Украины Гедеминомъ, помѣщенныя въ Украинскихъ лѣтописяхъ всѣ вообще сходны болѣе или менѣе съ повѣствованіемъ Польскаго Историка XVI столѣтія Стриковскаго, которое сокращенно вписано въ И. Г. Р. IV, 208 — 209. Карамзинъ сомнѣвается въ справедливости онаго, говоря, что оно едва-ли утверждено на современныхъ свидѣтельствахъ, и полагаетъ, что Украина покорена не Гедеминомъ, но Ольгердомъ, его сыномъ. Бантышъ-Каменскій принимаетъ сіе мнѣніе (И. М. Р. 26 — 27).

Одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ Карамзина есть свидѣтельство Русскихъ Лѣтописей, что Баскаки Ханскіе и Князья Русскіе до самого 1331 года находились въ Кіевѣ. Но Карамзинъ а вслѣдъ за нимъ и Бантышъ-Каменскій не вѣрили и тому сказанію Стриковскаго, что Гедеминъ умеръ въ 1328 году, а напротивъ относятъ смерть Гедемина, сообразно съ показаніемъ нѣкоторыхъ Лѣтописей Русскихъ, къ 1341 году. . . Если Стриковскій ошибся въ годѣ смерти Гедемина, то не могъ-ли такъ же ошибиться, означивши покореніе Кіева Гедеминомъ подъ 1320 годомъ. Обчесться въ лѣтосчисленіи легче, нежели перепутать происшествія, и дать имъ порядокъ по волѣ воображенія. Можетъ быть здѣсь должно только поправить число: вмѣсто 1320 разумѣть 1330; такъ точно какъ Нарушевичъ годъ смерти Гедемина по Стриковскому и Двисбургу 1328 поправилъ въ 1338

(Hist. N. P. V. 436). Стриковскій могъ ошибаться, обчитываться, могъ дополнять, какъ выражается Карамзинъ о Длугошѣ, Польскомъ Историкѣ XVII столѣтія; но какая была ему стать искажать ходъ происшествій? Притомъ Лѣтопись Стриковскаго не могла-ли быть подвержена прихоти переписчиковъ!

Гораздо значительнѣе доказательство Бантыша-Каменскаго:

И Длугошъ и Стриковскій, и Лѣтописцы Русскіе почти одинаково обозначаютъ удѣлы, данные Гедеминомъ сыновьямъ своимъ. Въ числѣ ихъ о Кіевѣ и городахъ Сѣверскихъ не упомянуто; — слѣдовательно — говоритъ Бантышъ-Каменскій — сіи города еще не принадлежали тогда Литовцамъ.

Но Бантышъ-Каменскій признаетъ справедливымъ выводъ Карамзина, что — держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, Гедеминъ не изгонялъ Князей изъ земель, завоеван-

ныхъ его оружіемъ; довольствовался ихъ покорностію, оставлялъ имъ удѣлы наслѣдственные (И. Г. Р, VI: 213. И. М. О. I. 27). Почему-же не допустить, что Гедеминъ употребилъ это правило своей политики къ Князьямъ Кіевскимъ, если онъ покорилъ Кіевъ прежде 1331 года, или въ отношеніи къ Миндовгу, Намѣстнику, коего Гедеминъ оставилъ въ Кіевѣ, по сказанію Стриковскаго, если Кіевъ подпалъ его власти послѣ 1330 года?

Еще одинъ вопросъ: на какомъ достовѣрномъ свидѣтельствѣ, на сказаніи какого Лѣтописца или Историка утверждено мнѣніе, что Кіевъ покоренъ Ольгердомъ? Не догадка-ли это, и не болѣе? — Должно думать — говоритъ Бантышъ-Каменскій; а почему? умалчиваетъ.

Любопытно, что скажетъ по этому предмету Полевой въ своей Исторіи Русскаго народа, какъ развяжетъ

онъ эшошъ узелъ, кошорый Карамзинымъ шолько что болѣе запушалъ.

Примѣчаніе. Окшября 3. 1833. Полевой (И. Р. Н. IV. 347 — 348) придерживаясь мнѣнія Нарушевича о смерши Гедемина, во всемъ прочемъ согласенъ съ Карамзинымъ.

Ксташи о Кіевѣ. Подъ именемъ Кіева Украинскіе Лѣшописцы часто разумѣли не одинъ городъ, или городъ съ округомъ, но всю Украину, и Русскую, и Польскую, и Нѣмецкую, именно какъ сказано въ одной сшарой рукописи: Область Галицкую и Владимирскую, и Волынь, и Подоль, и область Кіевскую, и Черниговскую, и Сѣверскую, и Слободскія земли, и сшепь Ташарскую. — То-же разумѣюшъ и подъ именемъ Княженія Кіевскаго. Иначе понималъ слово Кіевъ нашъ Лѣшописецъ; ибо онъ безпрерывно перемѣняешъ кругъ значенія сего слова. Въ

розмино, онъ хотѣлъ разумѣть подъ Кіевомъ только столицу, главный городъ области: Княженіе Кіевское не все преобразовалось въ одно Воеводство Кіевское, а распалось на многія части. См. о семъ И. М. Р. I. Гл. VII и VIII.

Тамъ-же см. и о покореніи сихъ областей Казиміромъ IV. Ср. Карамзина И. Г. Р, V и VI. въ разныхъ мѣстахъ. Бантке, И. Г. П. II. 42 — 63.

— О состояніи Кіева въ XVII вѣкѣ см. О. У. 1 — 4. 12 — 13,

2.

Разборъ Бопланова сказанія.

Нашъ Лѣтописецъ говоритъ, что Украинцы, иже бяху воинскаго чина, не работнымъ промысломъ живяще . . . и совершенно справедливо: тоже говорятъ и другія Лѣтописи, что-же и на-

родное преданіе; только слѣдующее сказаніе Боплана какъ будто противорѣчитъ сему:

— Въ странѣ Запорожской вы найдете людей искусныхъ во всѣхъ ремеслахъ, необходимыхъ для общежитія: плотниковъ для постройки домовъ и лодокъ, телѣжниковъ, кузнецовъ, ружейниковъ, кожевниковъ, сапожниковъ, бочаровъ, портныхъ и т. д. Козаки весьма искусны въ добываніи селитры, которою изобилуетъ Украина, и въ приготовленіи пушечнаго пороха. Женщины прядутъ ленъ и волну, ткутъ для своего употребленія полотна и сукна. Всѣ Козаки умѣютъ пахать, сѣять, жать, косить, печь хлѣбы, приготовлять яства, варить пиво, медъ и брагу, гнать водку и пр. (О. У. 6).

Читая сіе описаніе Боплана, невольно подумаешь, что Козаки составляли народъ образованный, равный по

образованію по крайней мѣрѣ Французамъ современникамъ Боплана, — а страну Запорожскую почтешъ Государствомъ благоустроеннымъ. Ужели Бопланъ ошибся, или и того хуже — солгалъ? быть не можетъ. Или онъ выразился нѣсколько безотчетливо? — Что хотѣлъ онъ разумѣть подъ именемъ Запорожской страны? Конечно не степи и луга, по берегамъ Днѣпра ниже пороговъ, гдѣ Козаки имѣли свои лѣтнія стойбища; а всю Украину. Это покажется страннымъ; но какъже иначе? Какіе могли быть въ собственно Запорожской странѣ домы, откуда могли проявиться тамъ женщины? Запорожцы жили въ шалашахъ и землянкахъ; Запорожцы вели тамъ жизнь холостую, строго наказывали прелюбодѣяніе. Очень не мудрено, что Козаки умѣли пахать, сѣять и жать, но въ степяхъ этимъ не занимались; тоже можно сказать и о косьбѣ сѣна, пивоварены, и пр. На это представ-

ляетъ доказательство самъ-же Боланъ, говоря, что Козаки живутъ одною добычею; ибо возвратясь на родину, ни чѣмъ не занимаются, а умѣютъ только пить и бражничать съ друзьями (О. У. 69). Печь хлѣбы и приготовлять яства опять не было дѣломъ воиновъ Запорожскихъ: на это были у нихъ особенные люди, приходившіе въ Запорожье изъ Украины, и называвшіеся кашеварами. — И такъ Бопланъ хотѣлъ разумѣть подъ именемъ страны Запорожской, вѣроятно, Украину, а подъ общимъ названіемъ Козаковъ не собственно Запорожскихъ воиновъ, бывшихъ на службѣ; а семейства Козаковъ охочекомонныхъ, кои были разселены еще при Баторіи по всей Украинѣ слободами. Моя догадка становится еще правдоподобнѣе, когда припомнимъ, что Бопланъ говоритъ вслѣдъ за симъ о плодородіи земли и богатствѣ Козаковъ въ хлѣбѣ, котораго, по словамъ Боплана, имѣли они

столько, что не знали куда дѣвать; ибо — продолжаетъ Бопланъ — кромѣ Днѣпра ни одна изъ судоходныхъ рѣкъ, протекающихъ по Украинѣ не впадаетъ въ море: самый Днѣпръ на 50 миль ниже Кіева загражденъ порогами (О. У. 6). Изъ этихъ выраженій явственно видно, что Бопланъ смѣшивалъ страну Запорожскую съ Украиной, не находилъ между ними никакой разницы.

Заключаю: Бопланъ сказалъ нѣсколько безотчетливо, смѣшавши Запорожскую страну съ Украиной, — а Козаковъ служивыхъ съ Козаками охочекомонными; или правильнѣе, смѣшавъ и тѣхъ и другихъ Козаковъ подъ общимъ названіемъ Козаковъ. — Исправьте сію безотчетливость, и сказаніе Боплана ни мало не будетъ противорѣчить вышеприведеннымъ словамъ нашего Лѣтописца, коихъ справедливость можетъ быть оправдана многими выраженіями самаго Боплана. Но какъ могла произойти такого рода

безотчетливость въ сказаніи Боплана? Вѣрно, она имѣла основаніе: — Бопланъ, неотличая Запорожья отъ Украины, во все не отличаетъ и Козаковъ Запорожскихъ отъ Украинскихъ какъ это сдѣлали Карамзинъ, Бантышъ-Каменскій и другіе. Кто изъ нихъ справедливѣе? Я думаю, Бопланъ; ибо отличія между Козаками Запорожскими и Украинскими не находятъ и Лѣтописцы Украинскіе почти всѣ за исклюніемъ очень не многихъ подобныхъ Кониському и пр. — Козаки реестровые, собственно Запорожскіе воины, дѣйствительно не работнымъ промысломъ живаху, а одной добычей, и возвратившись на родину, очень могли, по словамъ, Боплана пить и бражничать. — См. Зам. 14.

3.

Луга. Гайдомаки. Лугари.

Всѣ вообще Украинцы подъ именемъ луговъ разумѣютъ лѣса, растущіе на низменныхъ мѣстахъ. Собственно же Лугомъ или Лугами называется лѣвый берегъ Днѣпра съ того мѣста гдѣ въ рѣку сію впадаетъ Конка или Конская рѣка (Konska-woda какъ называетъ Боплань) внизъ къ морю. Сей берегъ заливается почти каждою весною; на немъ ростетъ лоза, осокорь; есть прекрасныя сѣножати, ручьи, озера, цѣлые лѣса непроходимаго тростнику. Преданіе народное, согласно съ Лѣтописями, повѣствуетъ, что сіи Луга были первоначальнымъ лѣтнимъ стойбищемъ Козаковъ, что и дало имъ названіе Запорожцевъ. Въ послѣдствіи времени, когда Козаки подвинулись къ сѣверу, а со временемъ начали расе-

лашься по Украинѣ, Луга сіи досталась въ удѣлъ Гайдомакъ; т. е. лѣсныхъ разбойниковъ, собственно: лѣсныхъ жильцевъ. Имя Гайдомакъ носили и Запорожцы тѣ, кои жили въ лѣсахъ по лѣвому берегу Днѣпра около пороговъ; однако не долго, не далѣе какъ до Хмельницкаго. Разбойники Гайдомаки существовали до конца прошлаго столѣтія, переселившись по большей части на Самарь, Псёлъ и другія рѣки, впадающія въ Днѣпръ. Оставшіеся въ Лугахъ стали извѣстны подъ именемъ Лугарей, и производили ужасные грабежи. Говорятъ, что между предводителями сихъ разбойниковъ бывали и дворане; впрочемъ это сомнительно. Развѣ подъ именемъ дворянъ понимать дробную шляхту, и т. п. Но, что важнѣе, многіе смѣшивали Лугарей съ Запорожцами, давали имъ названіе Запорожцевъ, и такимъ образомъ часто вредили доброй славѣ сихъ послѣднихъ. Разысканіе и собраніе свѣденій о Гай-

домакахъ и Лугаряхъ было бы очень любопытно и вмѣстѣ важно для Исторіи Украины; но гдѣ-же источникъ подобныхъ свѣденій? Однихъ преданій не достаточно. Можетъ быть архивы уголовныхъ Палатъ. . . . но . . . . Въ No 5 или 6 Запорожской Старины будетъ помѣщено собраніе анегдотовъ о тѣхъ и другихъ. Нѣсколько анегдотовъ о Гаркушѣ помѣстилъ О. С. Евецкій въ Украинскомъ Альманахѣ на 1831. Гаркуша одинъ изъ знаменитѣйшихъ Гайдомакъ прошлаго столѣтія. Кто не читалъ отрывковъ изъ Повѣсти Сомова о Гайдомакахъ? Кто не плѣнялся ими? Жаль, что воображеніе Писателя не дозволяло истинѣ разыгривать должную роль если не всегда, то по крайней мѣрѣ довольно часто.

4.

Происхожденіе слова: Козакъ. Мнѣнія различныхъ.

Очень немногія изъ названій народовъ, подвергавшихся изслѣдованіямъ критиковъ историческихъ, были изъясняемы столь разнообразно и столь затѣйливо, какъ названіе Козаковъ.

Четыре мнѣнія о семъ предметѣ представилъ нашъ Лѣтописецъ. Представлю еще нѣсколько.

— У насъ есть — пишетъ Карамзинъ — рукописное сочиненіе о Козакахъ Запорожскихъ, гдѣ сказано, что онѣ уже существовали въ 948 году, что какой-то Семенъ вышелъ изъ Польши къ устью Буга, основалъ свое жилище на одной косѣ, донынѣ именуемой Семеновымъ рогомъ, и приманилъ туда болѣе ста человѣкъ; что они, сшивъ себѣ одежду изъ козьихъ шкуръ, назва-

лись Козаками, служили Греческому Императору противъ Турковъ, въ награду за мужество получили отъ него имя Козаковъ, и перешли жить на берегъ Днѣпра къ Очакову, снискавъ особенную милость Государей Польскихъ (И, Г. Р. V. пр. 416).

Чего милѣе! однако я, признаюсь, ни какъ не могу повѣрить, что-бы Карамзинъ не ошибся, назвавъ сію басню изобрѣтеніемъ одного изъ ученыхъ Запорожцевъ: до сихъ поръ мнѣ не случилось видѣть ни одного памятника старины Запорожской, въ которомъ бы умъ и ученость изобрѣтенія и выраженія проявлялись въ подобномъ размѣрѣ. — О сей баснѣ говоритъ и Болтинъ (П. на И. Р. Леклерка. I. 363—365).

Конисскій въ Исторіи Руссовъ говоритъ слѣдующее:

— О названіи Козаковъ нѣкоторые Историки странно повѣствуютъ, и производятъ ихъ то изъ Скиѳіи или отъ Татаръ, то изъ Кабарды Черкесо-

ской; а другіе утверждают, будто-бы они суть остатки иноплеменнаго народа Козарскаго. Польскіе Историки показывают еще, будто они набрались из разной вольницы или сволочи, и поселены от их Королей на пустых землях близь рѣки Днѣпра и Буга. Но таковыя нелѣпыя мнѣнія значат болѣе, нежели ошибки Историков. Не приводя других истин, опровергает их самый разсудок; ибо всякій народ имѣет свое войско, и дает ему названіе по виду или достоинству. Таким образом и Русскіе воины назывались Козаками конные, а Стрѣльцами и Сердюками пѣшіе. И сіи названія суть собственно Русскія; на пр: Стрѣльцы по стрѣльбѣ, Сердюки по сердцу или запальчивости, а Козаки или Козаре по легкости их конной, уподобляющейся козьему скоку. —

И так и Конисскій не мог избавиться от коз говоря о Козаках. К сему же порядку принадлежат:

Пясецкій, Гартнохъ, Лакомбъ, Шевалье, и пр. и пр. и пр. Гербиній производитъ слово Козакъ отъ косы, якобы нѣкоторая часть Козаковъ была вооружена косами: извѣстно, что Украинцы людей, кои косятъ сѣно, называютъ косарями. О другихъ мнѣніяхъ см. И. Г. Р. V. и И. М. Р. Гл. IX. и пр. 73. Любопытно также мнѣніе Левшина, въ статьѣ о Киргизъ-Кайсакахъ, помѣщенной въ Московскомъ Вѣстникѣ на 1827.

5.

Ляхи.

Симъ именемъ называли Поляковъ Украинцы, а можетъ быть и Русскіе. Вѣроятно — говоритъ Бантке — что Поляки сами себя нѣкогда называли Ляхами (И. Г. П, I. 20). Однако имя сіе въ Лѣтописяхъ Польскихъ, кажется, нигдѣ

не встрѣчается. Винцентій Кадлубекъ, одинъ изъ первыхъ Лѣтописцевъ Польскихъ, а за нимъ и другіе называли Лехитами (Lechitae). Вапке говоритъ далѣе: — Иные утверждаютъ, будто-бы сіе названіе (Ляхи) произошло отъ Ляцкаго или Латинскаго вѣроисповѣданія, что однако-жъ подвержено сомнѣнію. — Въ Лѣтописяхъ Украинскихъ Польскій народъ часто называется Ляцкимъ, Лядскимъ и т. п. И въ Русскихъ Лѣтописяхъ также. Въ Лѣтописи Воскресенской упоминается о Лятскихъ воротѣхъ и пр. Эти-же вороты въ Лѣтописи, изданной Даниловичемъ, названы Ледяцкими. Сія послѣдняя представляетъ много подобныхъ примѣровъ.

6.

Первый Козацкій походъ противъ Крымцевъ.

Ханъ Татарскій названный нашимъ Лѣтописцемъ Менделиреемъ есть вѣроятно Махметъ-Гирей, старшій сынъ и наслѣдникъ знаменитаго Менгли-Гирея, умершаго весною 1515 года. Махметъ-Гирей, по сказанію Карамзина, не походилъ на отца ни умомъ, ни добрыми качествами: вопреки Алкорану любилъ пить до чрезмѣрности; раболѣпствовалъ женамъ; не зналъ добродѣтелей Государственныхъ, — зналъ одну прелесть корысти; былъ истиннымъ Атаманомъ разбойниковъ (И. Г. Р. VII. 75 — 78). Сей Ханъ, во время мирныхъ переговоровъ съ Царемъ Русскимъ Василіемъ, послалъ сына своего Богатыря въ набѣгъ на области Русскія; Богатырь устремился съ своими толпа-

ми, голодными, какъ выражается Карамзинъ, и опустошилъ села Мещерскія и Рязанскія. И вслѣдъ за симъ, получивши золото отъ Сигизмунда, Короля Польскаго, послалъ 40,000 всадниковъ разорять его южныя владѣнія. Крымцы вторглись въ страну сію — пишетъ Бантышъ-Каменскій — слѣдуя Енгелю — ограбили страну сію, въ особенности владѣнія Князя Вишневецкаго, гдѣ оказано имъ сопротивленіе: младенцы, жены, старики, больные были безчеловѣчно умерщвлены варварами; нѣсколько тысячь жителей взяты въ плѣнъ, и, подобно большому стаду, погнаны въ улусы. — Вторая половина сей выписки годится для речитатива при описаніи всякаго набѣга Татаръ по порядку. — Въ это время предводителями Запорожцевъ былъ — кто? А якого-сь вамъ треба? говоритъ Жидъ въ отвѣтъ Украинцу, отъ котораго надѣется получить свои выгоды. Этотъ отвѣтный вопросъ употребить здѣсь

очень кстати. Почти всѣ Лѣтопис-ся Украинскія единогласно именуютъ Гетмана Ружинскаго; Бантышъ-Каменскій напротивъ, давши Ружинскому мѣсто при Баторіи, сообразно съ показаніемъ Миллера, отдаетъ начальство надъ Запорожцами въ сіе время Предиславу Ланцкоронскому и Дашковичу (И. М: Р. I. 113 — 114). Не правда-ли, что якого-сь вамъ треба?...

Конисскій описываетъ походъ Козаковъ противу Хана Крымскаго въ отмщеніе за его нападеніе на Украину слѣдующимъ образомъ:

— Въ 1518 году Махметъ-Гирей Крымскій Ханъ по союзу съ Княземъ Московскимъ Василіемъ Іоанновичемъ шелъ войною на Польшу и Малороссіи. Тогда Гетманъ Ружинскій съ войсками Малороссійскими и Польскими пошелъ на встрѣчу Татарамъ на границу Малороссіи. Надъ рѣкою Донцемъ при городѣ Бѣлгородѣ далъ себя атаковать Татарамъ, въ продолженіи цѣ-

лаго дня оборонялся, не дѣлая самъ никакихъ нападеній; но когда на ночлегъ Татары удалились, и не имѣя обыкновенія привязывать лошадей къ коновязи, распустили по лугу; то Гетманъ на самой зарѣ съ своимъ войскомъ на нихъ выступилъ, а впередъ послалъ отрядъ конницы съ пригоповленными заблаговременно ракетами, кои пересканивая съ мѣста на мѣсто дѣлали 6 выстрѣловъ. Сіи ракеты были зажжены и пущены между лошадей. Это привело весь станъ въ тревогу. Гетманъ съ войскомъ напалъ на смѣшаннаго Хана, разбилъ его на голову, — и станъ со всѣмъ багажемъ достался побѣдителямъ. Возвращаясь Ружинскій отъ Бѣлгорода Русскаго, встрѣченъ былъ Турками и Татарами, выступившими изъ Бѣлгорода Татарскаго или Акермана, что въ Бессарабіи, которые узнавши о побѣдѣ надъ Крымскимъ Ханомъ и о потерянiи всего стана съ великимъ богатствомъ предприняли

отнять оныя богатства у Ружинскаго, напавши на него нечаянно въ расплохъ почти обыкновенный у войскъ возвращающихся съ удачею. Но Ружинскій не былъ такъ безпеченъ какъ они полагали. Свѣдавъ отъ пограничныхъ разъѣздовъ, что Татары Бѣлгородскіе съ гарнизонными Турками выступили на Очаковскую степь, Гетманъ тотъ часъ удалилъ тяжести свои въ Уманьщину, а самъ съ войсками переправясь чрезъ Бугъ засѣлъ въ очеретахъ и байракахъ, при рѣкѣ Кадымѣ; и какъ только непріятель притянулъ къ Бугу, то онъ наступилъ на него нечаянно со всѣхъ сторонъ, и сыгралъ съ ними то, что ему готовилось. Разбивщи на голову, онъ гналъ враговъ до Акермана, отнялъ у нихъ все, что имѣли, и раздѣлилъ съ Поляками и своимъ войскомъ. —

Читая сей отрывокъ и ему подобные, могу только удивляться богатству источниковъ, коими пользовался

Кониской при сосшавленіи своей Лѣтописи; и невѣрующихъ сказаніямъ Преосвященнаго Епископа Могилевскаго отсылаю къ И. М. Р. I. 113—114. Другіе Лѣтописцы расказываютъ сей походъ очень крашко, по большей части не упоминая о дѣйствовавшихъ въ оном лицахъ.

Описавши сей походъ нашъ Лѣтописецъ говоритъ, что — и отъ того времени Козакомъ нарицашеся, аще кто и Полякъ баше, сіе есть свободное воинство. — Это подтверждаютъ и другія Лѣтописи.

Оръ или Перекопъ. Бопланъ пишетъ:— При входѣ въ перешеекъ (соединяющій полуостровъ Крымъ съ твердою землею) лежитъ ничтожный городокъ безъ укрѣпленій, окопанный только полуобвалившимся рвомъ въ 20 футовъ шириною, отъ 6 до 7 глубиною, и обнесенный валомъ отъ 6 до 7 футовъ въ вышину и не болѣе 15 въ толщину;

онъ лежитъ на 800 шаговъ отъ восточнаго морскаго берега, имѣетъ около 400 домовъ и защищается каменнымъ замкомъ, около коего построенъ еще другой замокъ. Между городомъ и западнымъ морскимъ берегомъ прокопанъ ровъ на полмилю въ длину: городъ сей называютъ Татары Оромъ, а Поляки Перекопомъ (О. У. 26—31). Въ семъ мѣстѣ ровъ существовалъ уже во времена Геродота, который свидѣтельствуетъ, что сдѣланъ онъ Скиѳами. Греки называютъ его *ταφρος* или *ταφραι*. О немъ упоминаетъ и Константинъ Порфирородный: онъ говоритъ, что здѣланъ сей ровъ для того, что-бы отдѣлить Крымъ отъ твердой земли, и проливомъ соединить восточную часть Черняго моря съ западною; но скоро сей ровъ засыпался, и покрылся густымъ лѣсомъ. Асандръ построилъ здѣсь каменную стѣну съ башнями, о чемъ подробно раскасываетъ Страбонъ. Въ XVI столѣтіи

городовъ Оръ сдѣлался столицею Калги Крымскаго Хана, или можетъ быть временной столицей и самаго Хана, какъ повѣствуютъ нѣкоторыя Лѣтописцы Украины.

Бѣлгородъ Татарскій или Турецкій, при Днѣстрѣ на милю отъ моря, какъ пишетъ Бопланъ (О, У. 33.) Онъ извѣстенъ былъ Римлянамъ подъ именемъ *Albae juliae*, а Грекамъ подъ именемъ Маскарона. Жители онаго — говоритъ Кантемиръ — называютъ его Тжетате Альба (О. М. Гл. 4). На югъ отъ сего города находились кочевья Буджацкихъ Татаръ; а въ самомъ городѣ, если вѣрить сказанію Лѣтописей Украинскихъ, всегда былъ расположенъ гарнизонъ Турецкій.

7.

Пища Козаковъ.

Житное тѣсто не много проквашенное и сваренное, о которомъ упоминаетъ нашъ Лѣтописецъ, какъ о главнѣйшемъ кушаньѣ Козаковъ, называлось Запорожцами саламатою или щетерею. О немъ говоритъ и Бопланъ (О. У. 63.), прибавляя что Козаки ѣдятъ оное смѣшавъ съ просомъ; равно и Крюйсъ (О. У. 154). Впрочемъ главной т. е. самой обыкновенной и употребительнѣйшей яствой Запорожцевъ была каша, что доказывается самымъ названіемъ ихнихъ поваровъ — кашеваровъ. Безъ всякаго сомнѣнія Запорожцы употребляли хлѣбъ, который для походовъ рѣзали въ сухари, о чемъ говоритъ и Бопланъ (О. У. 63). Кромѣ того они употребляли различнаго

рода, мясо, любили рыбу. — Боплань очень часто упоминаетъ о привязанности тогдашнихъ Запорожцевъ къ пьянству и бражничеству, не отнимая у нихъ впрочемъ воздержности во время походовъ. (О. У. 7).

Я забылъ упомянуть еще объ одномъ кушаньи Козаковъ Запорожскихъ, одномъ изъ самыхъ любимыхъ: это—тюря—стертый въ порошокъ сухарь, разведенный въ квасѣ, и приправленный конопляннымъ масломъ и солью.— Не упоминаю о другихъ кушаньяхъ, кои одинаково принадлежали Запорожцамъ и Украинцамъ.

8.

Курени. Землянки. Пологи.

Миллеръ — по свидѣтельству Бантыша-Каменскаго — названіе куреней

производитъ отъ слова: курить. Но что значилъ курень у Запорожцевъ?

Всякому, бывшему въ Украинѣ, извѣстны курени, ставимыя лѣтомъ на бакшахъ или баштанахъ, иногда въ огородахъ и садахъ, иногда на жнивахъ. Подобные курени встрѣчаются и въ сѣверной Россіи. То-ли же самое были курени и у Запорожцевъ? Почему же не такъ! по крайней мѣрѣ тогда, когда Запорожцы жили еще въ Лугахъ. Нѣсколько жердей, составленныхъ пирамидальной формой, оплетенныхъ лозою, покрытыхъ сверху тростникомъ или комышемъ, или какою нибудь болотной травой, — вотъ курень, жилище какъ не льзя лучше соотвѣтствующее образу жизни Луговаго Запорожца! Но почему же это жилище называлось куренемъ? Уже-ли отъ того, что въ нихъ раскладывался иногда огонь, для варенія яствъ? Какимъ другимъ дымомъ могло куриться подобное жилище? Разводить въ немъ большой

огонь было кажется не ловко: непрочное строеніе со всѣмъ, что находилось въономъ, могло бы очень легко обратиться въ пепелъ при малѣйшей неосторожности. Притомъ это строеніе на зиму не годилось: сохранять теплоту во внутренности оной было во все невозможно. — И такъ вѣрно Запорожскій курень былъ не со всѣмъ то, что теперь называютъ куренемъ.

И Лѣтописи и преданія говорятъ единогласно, что Запорожцы жили еще и въ землянкахъ. И доселѣ остались слѣды сихъ жилищъ во многихъ мѣстахъ. Судя по симъ слѣдамъ землянки должны были быть что нибудь подземное. Такъ точно и было.

Представьте себе яму, покрытую сверху сволокомъ, засыпаннымъ землей или чаще глиной, съ отверстіемъ по серединѣ, — и вы будете имѣть понятіе объ Украинскомъ лёхѣ или погребѣ. То-же самое была и землянка Запорожская съ тою только разницей, что

на долѣ ямы была еще другая не большая яма, въ которой раскладывался огонь. Отверстіе въ сволокѣ служило дверьми. Въ такомъ случаѣ приставлялась разумѣется лѣстница. Это же отверстіе было и трубой для дыма. Такія-то жилища строили себѣ когда-то Запорожцы для зимы; и эти-то самыя землянки, вѣроятно, называли они и куренями, по той-же самой причинѣ, по которой поселяне въ сѣверной Россіи называютъ избы свои безъ трубъ курными. Да не то-ли-же самое были и древніе Русскіе ямы? — По времени названіе куреней могло перейдти и къ лѣтнимъ жилищамъ Козаковъ.

Не могу представить на мою догадку доказательствъ фактуальныхъ; но мнѣ кажется, слова нашего Лѣтописца нѣкоторымъ образомъ служить могутъ вмѣсто оныхъ. — Живутъ-же — говоритъ онъ — въ коливахъ, сіе есть куреняхъ по пятдесятъ, по сто и бо-

лѣе. — Что другое, если не землянки разумѣетъ онъ здѣсь подъ именемъ куреней? Очень легко можно было выкопать землянку для 50, 100 и болѣе человѣкъ; какъ дѣйствительно и было, если вѣришь народному преданію; но какъ поставить шалашъ для подобнаго количества?

Артель Запорожцевъ, зимовавшихъ въ одной землянкѣ, переходя жить весной въ лѣтнихъ жилищахъ, строила нѣсколько десятковъ шалашей, которые всѣ вмѣстѣ назывались то-же куренемъ, in sensu copulativo. Въ послѣдствіи времени и каждый шалашъ начали называть куренемъ, по крайней мѣрѣ въ такомъ смыслѣ перешло сіе слово къ Украинцамъ.

И такъ, если догадка моя справедлива, Запорожскій курень былъ не совсѣмъ то, что разумѣютъ нынѣ подъ этимъ названіемъ, ибо подъ понятіемъ онаго разумѣлись: 1) землянка, — зимнее, подземное, курное жилье въ родѣ

Камчатскаго кипиша; 2) шалашъ, лѣшнее жилье; 3) собраніе шалашей, заселенныхъ аршелью Козаковъ, управляемыхъ однимъ начальникомъ, о чемъ говоришъ и нашъ Лѣшописецъ.

Боплапъ во все не упоминаетъ ни о куренахъ, ни о землянкахъ; а шолько говоришъ о какихъ-шо пологахъ, кои будшо-бы усшраивали Козаки для предохраненія себя отъ мошекъ, комарей и ш. п. Я нарочно распрашивалъ объ этомъ у шѣхъ, коимъ знакома древность Запорожская лучше, нежели мнѣ; нарочно рылся въ рукописяхъ, — но сколько ни распрашивалъ, сколько ни рылся, — nihil ad rem. Я осшался при шомъ, что узналъ отъ Боплана (О. У. 84 — 85.), — и ни на волосъ болѣе. По неволѣ усумнишся въ справедливости его словъ; пришомъ Запорожцы едва-ли были шакъ нѣжны, что-бы рѣшились шерпѣть скорѣе духоту, нежели мошекъ и комарей. Я шакже имѣю честь бышь знакомъ съ сими племенами края

Днѣпровскаго, и очень терпѣливо переношу всѣ ихъ нападенія, и всякій перенесетъ такъ-же. Впрочемъ, вѣроятно, нынѣшнее поколѣніе оныхъ сдѣлалось гораздо смирнѣе, чувствительнѣе и наконецъ почтительнѣе къ человѣчеству; ибо въ XVII столѣтіи онѣ были несравненно безчеловѣчнѣе, нежели теперь. — Опухоль лица моего — пишетъ Бопланъ—едва опала чрезъ три дни, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть: страшно было взглянуть на меня. — Еще одно замѣчаніе: самое устроеніе пологовъ отзывается не Запорожскимъ; оно слишкомъ искусственно, слишкомъ многосложно, слишкомъ заботливо для беззаботныхъ головъ Козацкихъ.

9.

Устройство и распорядокъ войска Запорожскаго до Стефана Баторія.

— И одного-же старѣйшого въ куренѣ имуть говоришъ нашъ Лѣтописецъ. Онъ разумѣетъ Куреннаго Атамана.

Здѣсь кстати расказать хотя кратко объ общественномъ устройствѣ и распорядкѣ войска Запорожскаго до Баторія; но, не имѣя для такого описанія достаточнаго количества источниковъ, ограничиваюсь небольшой запиской, доставленной мнѣ однимъ изъ моихъ сотрудниковъ.

— Очень вѣроятно, что Запорожцы до начала XVI столѣтія, обитая среди непроходимыхъ Луговъ, дубравъ и степей, живучи одной добычей, ничѣмъ не разнствовали отъ разбойниковъ и были другъ отъ друга незави-

сшмы. Одинаковый образъ жизни, одинаковая цѣль, а часто и нужда во взаимной помощи могли заставить ихъ сближаться другъ съ другомъ; и такимъ образомъ составились постепенно артели ихъ, кои, обитая въ одномъ жилищѣ, получили отъ онаго названіе куреней. Таковъ былъ первый шагъ Запорожцевъ къ образованію. Ознакомившись съ Запорожцами, Правительство Польское начало на нихъ обращать свое вниманіе, старалось подчинить ихъ власти Коронныхъ Гетмановъ; — тогда своевольная шайка Запорожцевъ мало по малу устраивалась, а наконецъ обратилась въ дружину воиновъ защитниковъ отчизны своей отъ набѣговъ Татаръ Крымскихъ и Буджацкихъ. Тогда построили они себѣ на островѣ Хортицѣ городокъ, — думаю въ родѣ Сибирскихъ остроговъ — обнесли его рвомъ и валомъ, оградили валъ высокимъ частоколомъ, — и назвали городъ свой Сѣчью. Одно мѣсто

для жилищъ, мѣсто укрѣпленное общими силами, показываетъ уже, что Запорожцы имѣли въ то время общаго начальника отъ коего зависѣли всѣ начальники частные: то былъ Кошевый Атаманъ, имѣвшій власть управлять всею дружиной и своимъ согласіемъ утверждать власть за новоизбираемыми Куренными Атаманами. Какъ Кошевой такъ и Куренные избирались всѣмъ обществомъ на Радахъ — народныхъ собраніяхъ, кои были общія и частныя, точно также какъ у Римлянъ по трибамъ и куріямъ. Въ общихъ собраніяхъ всей дружины избираемы были Кошевые, рѣшались всѣ дѣла общественныя, кои конечно ограничивались набѣгами враговъ и местію онымъ. Въ собраніяхъ частныхъ, каждый курень избиралъ для себя Куреннаго, и пр. Сіи собранія назывались Радами до Куреню; а тѣ — Радами до Громады. — Не думаю, что-бы Гетманы Польскіе имѣли большую власть надъ

дружиной; но имѣли къ ней отношеніе только по дѣламъ войны. — Увеличеніе дружины Запорожцевъ, тѣснота помѣщеній въ Сѣчи заставили многихъ переселяться изъ оной въ окрестности по берегамъ Днѣпра около пороговъ; однако такое переселеніе не мѣшало заведенному порядку: Кошевые и Куренные имѣли прежнюю власть; Рады всѣ происходили въ Сѣчи, гдѣ оставался жить Кошевой съ малою частію дружины. Всѣ Запорожцы вели жизнь холостую, занимались только войной, жили добычею. Женатыхъ и хлѣбопашцевъ у нихъ не было до половины XVI столѣтія, а съ сего времени такого рода Козаки начали поселяться по правому берегу Днѣпра отъ р. Суры вверхъ къ Кіеву, — и полѣвому отъ р. Самари; впрочемъ до Стефана Баторія ихъ было не много. И холостые и женатые исповѣдывали вѣру Грекороссійскую, говорили языкомъ старымъ Русскимъ южнаго нарѣчія, т. е. Укра-

нискимъ, или, какъ называютъ, Малороссійскимъ.

10.

Рада.

Слово сіе принадлежа многимъ Славянскимъ языкамъ (на пр. Богем. Поль. Слов. Далм. Укр.) встрѣчается и въ памятникахъ старины Скандинавской, именно въ Of — skald Rafni стр. 94—132; и означаетъ совѣтъ Королевскій, состоящій изъ 12-ти мужей. Подобные совѣты двѣнадцати мужей, воеводъ, были въ древности и между Славянами. См. Czackiego Rosprawa o wpływie prawa etc. и пр. 100 — 101. — Naruszewicza His. Nar. Pol. I. Ks. IV. — О Радахъ у Запорожцевъ упоминаетъ и Бопланъ: онѣ ограничивали власть Гетмановъ, по его свидѣтельству. (О. У. 61 — 62). — Рады собирались большею частію въ Сѣчи на островѣ Хортицѣ,

который лежитъ на Днѣпрѣ въ верстѣ ниже мыса Кичкасова. Бантышъ-Каменскій ошибся, придвинувъ Хортицу къ устью Днѣпра (И. М. Р. I. 127).—Въ послѣдствіи Рады собирались на Романовомъ курганѣ, если вѣрить Боплану (О. У, 17.), въ Чигринской дубровѣ, которая значится по картѣ Боплана на лѣвой сторонѣ Днѣпра не много по выше Чигрина, — въ самъ Чигринѣ, въ Черкасахъ, и въ другихъ мѣстахъ.

11.

Сѣчь.

Запорожская Сѣчь находилась на островѣ Хортицѣ, и построена, по сказанію Бантыша - Каменскаго, до Евстафія Дашковича, а вновь укрѣплена, какъ говорятъ Лѣтописи, Гетманомъ Вишневецкимъ. И Карамзинъ упоминаетъ о какой-то крѣпости, построенной по его словамъ на островѣ

Хортицѣ помянутымъ Гетманомъ (И. Г. Р. VIII. 252). Должно-ли подъ сею крѣпостью разумѣть Сѣчь или какое другое укрѣпленное мѣсто? Изъ его словъ объяснить этого не льзя. — Со времени Баторія появились и другія Сѣчи, какъ будетъ сказано ниже.

Слово Сѣчь — по мнѣнію Успенскаго — заимствовано отъ Нѣмецкаго слова Sitzen — сидѣніе (О. П, о Д. Р. II. 739). Миллеръ и Богушъ производили оное отъ засѣкъ или тычинъ, коими укрѣпляли Запорожцы свои становища или Коши. (Подробнѣе см. И. М. Р. II. пр. 30).

12.

Наказанія.

Нашъ Лѣтописецъ упоминаетъ только о двухъ наказаніяхъ, бывшихъ въ употребленіи у Запорожцевъ: висѣ-

лицѣ и сѣченьи кнутомъ; но кромѣ сихъ были и другія.

Самое употребительное наказаніе о которомъ упоминаетъ Бопланъ (O. У, 61.) за воровство было у нихъ колъ, буде преступникъ третій разъ бывалъ уличаемъ въ преступленіи: два первые раза ему прощались. Подлѣ посаженнаго на колъ, клали качалку, т. е. дубинку, которою всякой проѣзжій или прохожій долженъ былъ ударить преступника три раза: тѣхъ изъ нихъ, кои не хотѣли исполнять сего, Запорожскіе стражи принуждали, а если не дѣйствовало принужденіе, то отводили къ Атаману Кошевому; а иногда и сами убивали. — Впрочемъ по Запорожскому обычаю можно было воровать, только съ условіемъ, что-бъ не поймали въ дѣлѣ; и такого рода искусство ставилось въ достоинство.

Вѣшали, били кнутомъ и сажали на колъ обыкновенно около большихъ

проѣзжихъ дорогъ; большею частію по Крымскому шляху.

И доселѣ указываютъ на колодезь, находящійся по Крымской дорогѣ верстахъ въ 15 къ Новомосковску. Подлѣ сего колодца были посажены на колъ три брата Сторчая, которые ограбили почту, ѣхавшую въ Крымъ къ Генералу Прозоровскому отъ Екатерины и Потемкина. За нѣкоторыя преступленія били кіями.

13.

Одежда.

Крюйсъ говоритъ, что Козаки обыкновенно хорошо одѣваются, но когда идутъ въ море, то надѣваютъ на себя старыя вѣтоши (О. У. 155). Не только въ море — можно прибавить — но и вообще въ походъ. — Такъ точно дѣлывали они искони.

— Походная одежда ихъ — говоритъ Бопланъ — состоитъ изъ рубахи, двухъ шараваръ (одни для перемѣны); кафтана изъ толстаго сукна и шапки. (О. У. 64). — Бопланъ забылъ о свитѣ, верхней одеждѣ Запорожцевъ, которая обыкновенно была съ кобенякомъ т. е. капишономъ.

Въ мирное время Запорожцы искони одѣвались очень богато. Рубаха — или какъ они называли сорока — хотя и толстая, но съ шелковой стежкой, порты широкія въ родѣ Азіатскихъ шальваръ и красные чоботы или сапоги — составляли нижнюю одежду. Сверхъ рубахи надѣвался каптанъ, который могъ быть шелковый, парчевый и суконный, и подпоясывался шелевымъ пасомъ — поясомъ широкимъ шелковымъ, протканнымъ на каждую четверть серебренными или золотыми нитками. Поверхъ каптана набрасывалась свита всегда суконная, съ разрѣзными рукавами, кои обыкновенно

застегивались другъ на другѣ сзади на спинѣ, и подкладывались подъ кобенягъ, употреблявшійся въ случаѣ дождя или непогоды. На головѣ Запорожецъ носилъ бриль, остроконечную мѣховую шляпу, или кобурь — суконную красную шапку съ бобровой опушкой. На каптанъ черезъ правое плечо на перевязи вѣшался самопалъ (ружье), а за поясомъ на цѣпкахъ два пистолета, и обоюдуострый ножъ вмѣсто кинжала. Шаблюку (саблю) въ мирное время носили рѣдко, — можетъ быть только въ Радахъ. Тогда же надѣвали по верхъ каптана и стальную ситку (сѣтку, кольчугу). — Бороду всегда брили равно и голову, оставляя подлѣ лба длинную прядь волосъ, въ родѣ косы, называя оную чуприной; — и эта чуприна завивалась за лѣвое ухо три или четыре раза. — Ужасная обида была для Запорожца взять его за чуприну: она была для нихъ столь-же священна, какъ для древнихъ Русскихъ борода. Упо-

потребленіе чуприны принадлежитъ не однимъ Запорожцамъ, но и другимъ Славянскимъ народамъ; такимъ образомъ его носятъ и Морлаки, или Мавровлахи какъ называетъ ихъ Presbither Diokleas. см. Fortis, Voyage en Dalmatie. Berne. 1786. I. Lettre II. — Собственно это обычай Татарскій, И досел҃ Нагайцы и др. народы Татарскаго племени, носятъ чуприны, хотя и нѣсколько отлично отъ Запорожцевъ.

14.

Добыча. Клады. Скарбница.

Запорожцы были чрезвычайно богаты, получая въ добычу несравненно болѣе нежели сколько могли издерживать на свое продовольствіе. До войны Уніатской, добычу получали они только отъ Турокъ и Татаръ, а частію отъ Молдаванъ; а послѣ грабили Поляковъ.

Добыча ихъ состояла большею частію изъ военнаго оружія, парчей, драгоцѣнныхъ шканей, и денегъ — Испанскихъ реаловъ и Арабскихъ цехиновъ — какъ говоритъ Боплянъ (О. У. 68). Кромѣ сего они часто отгоняли у Татаръ табуны и отары, т. е. стада коней и овецъ; и брали въ плѣнъ по большей части дѣтей, которыхъ — повѣствуетъ Боплянъ — употребляли въ услуженіе или дарили Магнатамъ Польскимъ, но однихъ дѣтей; а взрослыхъ только въ такихъ случаяхъ когда надѣялись получить за нихъ дорогой выкупъ (О. У. 4 — 5).

Всю добычу военную, исключая того, что нужно было для собственнаго ихъ употребленія, Запорожцы старались мѣнять на деньги, и сіи деньги скрывали въ землѣ про злую невзгодину, что называлось — клады или скарбы класти.

— Обычай сбереженія богатствъ въ ямахъ — говоритъ Раковецкій — до се-

го времени сохранился въ Малороссіи. Ямы сіи, выкопанныя въ землѣ имѣютъ малое отверстіе, и расширены въ глубь на подобіе яйца. Случается, что сіи ямы бываютъ обожжены дровами или соломой, что можно заключить по сажѣ и угольной скорлупѣ. Сохраненныя въ таковыхъ ямахъ богатства не подвержены гніенію. Это подтверждается многими опытами. (Praw. Rus. II. 68. prz. k.). — О подобныхъ ямахъ упоминаетъ и Гваньини въ своей Лѣтописи.

Легко можетъ быть, что Запорожцы въ подобныхъ ямахъ скрывали и парчи, и мѣха; впрочемъ на это нѣтъ доказательствъ.

Запорожцы клали клады свои подъ извѣстными примѣтами; на пр. между двухъ деревъ, изъ коихъ на каждомъ вырѣзывали какой нибудь непримѣтный знакъ, или между двухъ могилъ, на которыхъ извѣстнымъ образомъ складывали камни; иногда клали просто

подъ камнемъ, и т. п. Не смотря на то, что охотниковъ для отысканія кладовъ между Украинцами очень и очень много, не смотря на всѣ чары, кои употребляютъ они для сего, — имъ нельзя похвалиться удачею. Есть и такіе, кои употребили все свое состояніе въ надеждѣ на будущее, и между тѣмъ не нашли ничего. . . Въ иныхъ мѣстахъ, на пр. по берегамъ Днѣпра, и болѣе по правую сторону онаго около пороговъ весняная вода часто подмываетъ клади, — и монеты, болѣе Турецкія, Испанскія и Польскія, сами собою являются наружу для удовлетворенія жадности перваго узрѣвшаго.

Кстати здѣсь припомнить слова Боплана о Войсковой Скарбницѣ.

— Нѣсколько ниже рѣки Чертомлика, почти на срединѣ Днѣпра, находится довольно большой островъ . . . . окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе нежели 10,000 островковъ, которые . . . всѣ заросли камышемъ . . . Сіи то . . .

острова служатъ пріютомъ для Козаковъ, которые называютъ ихъ Войсковою скарбницею... Всѣ они... потопляются весеннимъ половодіемъ... Увѣряютъ, что Козаки скрываютъ множество пушекъ, въ протокахъ Войсковой Скарбницы; но гдѣ именно? — никто изъ Поляковъ вамъ не укажетъ: ибо они въ тѣхъ мѣстахъ не бываютъ; отъ Козаковъ-же не могутъ вывѣдать сей тайны; да изъ нихъ не многіе и знаютъ о томъ. Они скрываютъ подъ водою, не только пушки, отбиваемыя отъ Турковъ, но и деньги, ... Каждый Козакъ имѣетъ на островахъ свой тайный уголокъ. Возвратясь съ поисковъ ... они дѣлятъ въ Скарбницѣ добычу. . . —

Исключая несообразности, которыя встрѣчаются въ семъ сказаніи, замѣчательна и довѣрчивость, съ какою пересказалъ. Бопланъ то въ чемъ его увѣряли. Но можно-ли повѣрить бы коварные, вѣроломные Козаки—

какъ называетъ ихъ самъ Бопланъ — распустили слухъ о мѣстѣ гдѣ скрываютъ свои богатства. Если это извѣстно было Боплану, то и многимъ Полякамъ, и вѣчнымъ друзьямъ Поляковъ Жидамъ.., и Козаки были такъ просты, такъ откровенны! — Въ преданіи народномъ не сохранилось о Войсковой Скарбницѣ ничего. Народъ говоритъ: была. — А гдѣ? — Про те вони й знали. Богъ зна: де!

На правомъ берегу Днѣпра, версты полторы ниже Ненасытеца, есть балка, называемая Військова. Не знаю сколько лѣтъ тому назадъ, нашли случайно на самой тѣчеѣ ручейка огромное количество червонцевъ.... Вотъ гдѣ можетъ быть была скарбница....

Запорожцы скрывали еще свои богатства, по сказанію Боплана, въ Замкѣ Терехтемировскомъ. (О. У, 14). Вообще о кладахъ см. чрезвычайно любопытное и замѣчательное примѣчаніе въ Ис. Рус. Нар. II. 282 — 283.

15.

Сказаніе Боплана о храбрости Козаковъ.

— Козаки — повѣствуетъ Бопланъ — въ войнѣ неутомимы, отважны, храбры или лучше сказать дерзки, и мало дорожатъ своей жизнію. Мѣтко стрѣляя изъ пищалей, обыкновеннаго своего оружія, Козаки наиболѣе показываютъ храбрость и проворство въ таборѣ, огороженные телѣгами, или при оборонѣ крѣпостей. Нельзя сказать, что-бъ были плохи и на морѣ; но не таковы на коняхъ: я самъ видѣлъ, какъ 200 Польскихъ всадниковъ разсѣяли 2000 отборныхъ Козаковъ.., (О. У. 8.)

Козаки были храбры въ таборѣ, не храбры на коняхъ?! — Едва-ли кто, изъ знающихъ древность Запорожскую, даже изъ тѣхъ, кои знаютъ о Запо-

рожцахъ по слухамъ, повѣришь эшому. — Не наше дѣло у рясѣ спрыбашн; наше дѣло Козацьке конемъ мериньцемъ по спепу гуляши,—говоришь спаринная Запорожская пословица, показывающая, что конь для Запорожца былъ необходимостью. Въ одной пѣснѣ Запорожской есть слѣдующее мѣсто:

— А кінь въ спепной волѣ, що шакъ Козакъ не безъ доли. Куды хоче, туды й скаче; за Козакомъ не заплаче.—

Новое доказательство. (Пѣсня сія вполнѣ будешъ помѣщена въ No 7 Запорожской Старины съ очеркомъ картины, на которой она обыкновенно подписывается:)

Всякій знаешъ, что Козаки не иначе отправлялись въ походъ какъ на коняхъ, или на ладьяхъ; а пѣшихъ Козаковъ, препровождаемыхъ шаборомъ шелегъ, едва-ли кто знаешъ кромѣ Боплана.

До другаго мѣста оставляю подробности равно и описаніе различнаго рода ладій Запорожскихъ.

16.

Подвиги Свирговскаго.

— Той бѣ слава дней своихъ! — говоритъ о Гетманѣ Свирговскомъ Рогалевскій въ своей Лѣтописи. Бантышъ-Каменскій называетъ его дворяниномъ Польскимъ, урожендемъ Люблинскимъ, храбрымъ, свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ. — Вождь сей — продолжаетъ Бантышъ-Каменскій — принявъ начальство надъ Козаками, объявилъ себя непримиримымъ врагомъ невѣрныхъ, и твердо рѣшился мстить имъ за своего предмѣстника (Князя Димитрія Вишневецкаго), не взирая на дружбу Сигизмунда Августа съ обладателемъ Тавриды и Султаномъ (И. М. Р. І. 131).

Іоаннъ Армянинъ, Воевода Молдавскій въ 1575 г. просилъ у Поляковъ помощи противъ Волоховъ, Турокъ и Татаръ, кои нападали на Молдавію.

Поляки, занятые распрями междоцарствія, отказали въ помощи. Тогда Іоаннъ обратился къ Запорожцамъ и Свирговскому, своему другу (И. Г. П. П. 153). Просьба принята, и Свирговскій съ 1400 Козаковъ двинулся въ Молдавію.

— Переправясь черезъ Днѣстръ — говоритъ Конисскій—онъ совершенно разбилъ Турокъ около города Сороки 23 Апреля 1575 года, полонилъ главнаго ихъ Пашу Кара Мустафу и другихъ чиновниковъ, и отправилъ ихъ съ другими добычами въ Варшаву. Послѣ сей побѣды Гетманъ раздѣлилъ войска свои на двое, и одну часть подъ командою Полковника Савы Ганжи откомандировалъ къ Букарестy, а съ другою пошелъ черезъ Яссы къ Галацамъ. —

Сей расказъ Конисскаго мнѣ кажется нѣсколько сомнительнымъ, ибо ничего подобнаго я не нашелъ ни въ одной Лѣтописи изъ мнѣ извѣстныхъ,

хотя впрочемъ всѣ онѣ повѣствуютъ о Гетманѣ Свирговскомъ слишкомъ кратко и неудовлетворительно.

Господарь Молдавскій Іоаннъ отличноымъ образомъ принялъ и угостилъ Козаковъ: выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу при громѣ пушекъ изъ лагеря и въ сопровожденіи своихъ Бояръ; за обѣденнымъ столомъ велѣлъ поднести Предводителямъ ихъ, вмѣсто овощей, блюда, наполненныя червонцами, говоря:— они доставятъ вамъ отдохновеніе отъ путевыхъ трудовъ, омоютъ дорожную пыль вашу. — Козаки изумленные сею неожиданностію, гордо отвѣтствовали Господарю: что пришли къ нему не за золотомъ, но за славою, желая сразиться съ врагомъ Христіанства; отказались отъ денегъ, съ радостію приняли шесть бочекъ лучшаго вина (И. М. Р. I. 134 — 135. Срав. Енгеля G. d. U. 72.)

— Между тѣмъ — продолжаетъ Конисскій — Гетманъ послалъ нарочнаго

въ Сѣчь къ Кошевому Ѳедору Покошилѣ, что-бы онъ высылалъ пѣхоту на лодкахъ въ Черное Море, и приказалъ не допустить высадокъ Турецкихъ въ Дунай и Днѣстръ. Кошевой выправилъ сію экспедицію наилучшимъ образомъ, и она принесла сухопутному войску совершенныя выгоды. Они перехватили въ устьяхъ обоихъ рѣкъ и въ морѣ многія суда съ войскомъ и снарядами, и вошедъ въ Дунай многія крѣпостцы и жилища разорили и выжгли. —

О сихъ дѣйствіяхъ другія Лѣтописи говорятъ мимоходомъ, иныя вовсе умалчиваютъ.

Енгель пишетъ, что Свирговскій присоединилъ къ Козакамъ 6000 Молдаванъ, и началъ военныя дѣйствія осадою Браилова; однако хотя и побѣдилъ Турковъ близъ сего города, но сего самого не взялъ. Потомъ соединившись съ другимъ трехтысячнымъ отрядомъ войска Молдавскаго въ другой разъ разбилъ Турковъ, и

положилъ 7000 враговъ убитыми на полѣ брани. Послѣ третьей битвы, въ которую взято было въ плѣнъ много Турковъ и Волоховъ, Козаки направили путь къ Акерману, сожгли половину предмѣстія сего города, и возвратились въ Молдавію. На послѣдней битвѣ взятъ въ плѣнъ Іоаннъ Армянинъ, а Козаки почти всѣ пали на мѣстѣ битвы. (G. d. U. 73. — 74. Срав. И. М. Р. I. 135 — 136. Кантемира; Опис. Молд. 108).

Бантышъ-Каменскій, слѣдуя Миллеру, говоритъ, что Свирговскій кончилъ жизнь въ оковахъ; но едва-ли справедливо. Болѣе вѣроятія заслуживаетъ, кажется, повѣствованіе Конисскаго, подтверждаемое отчасти и народными преданіями. Вотъ оно:

— Подъ городомъ Киліей былъ Свирговскій предательскимъ образомъ извѣщенъ отъ Армянина, что въ городѣ хранятся несчетныя сокровища, награбленныя Турками въ Молдавіи и

Валахіи, и хранимыя здѣсь не большимъ гарнизономъ, ожидая пока Запорожскіе суда удалятся, что-бы отправить ихъ въ Турцію. Гетманъ рѣшился осадить и взять Килію. Едва онъ началъ скоропостижную атаку, какъ взорванныя отъ Турковъ съ трехъ сторонъ мины, подняли Гетмана и Козаковъ на воздухъ, а находившіеся въ скрытныхъ мѣстахъ Турки, напали на нихъ перерѣзали многихъ Козаковъ; остальные разбѣжались, и долго скитаясь по Молдавіи нашли корпусъ Полковника Ганжи, и съ нимъ воротились въ свои границы. —

Другая Лѣтопись это-же самое обстоятельство расказываетъ такъ:

— И приходили Гетману слухи, яко многіи Христіане въ плѣнъ Агарянами побратые въ тяжцей неволи въ Киліи мучатся; а Гетманъ за насиліе отмстити восхотѣ, и со многимъ братствомъ оружіе вновѣ подья, и до Ки-

лін пошедъ. А Турки его, разбили; и бысшь убишъ.

Обѣ пѣсни на смершь Свирговскаго одинаково полагаюшъ могилу сего славнаго Гешмана: около города, около Киліи. Предсшавляю Русскій переводъ сихъ пѣсень (подлинныя см. въ No I. Запор. Сшар. сшр. 27 — 33).

Пѣснь первая.

Когда приходили къ Гешману Комиссары Польскіе, въ городѣ Черкассахъ зашрубили шрубы; когда приходили къ Гешману Комиссары Польскіе въ городѣ Черкассахъ загремѣли бубны.

— Гордый Панъ Свирговскій, и шы, Панъ Зборовскій, и шы, Панъ Моровенко, и шы, Панъ Горленко! Съ Волохами бьешся Турокъ, съ Ташарами бьешся Волохъ; и опусшошаюшъ землю Волошскую, и грабяшъ, и не милуюшъ.

Заржали кони, ѣдучи подъ гору. Зашумѣли невѣрные, приближаясь къ

Киліи. И когда Панъ Свирговскій приближался къ Киліи, онъ собиралъ всѣхъ Козаковъ, и говорилъ имъ на Радѣ; и лешалъ онъ сизымъ орломъ; и гнулся онъ яворомъ:

— Гдѣ-шо я, милые брашья мои, гдѣ шо я осшанусь? —

И осшался Панъ Свирговскій въ сырой могилѣ, и зарыдали шогда Козаки во кругъ него.

Плакала сшарушка Григорьевна, подобно перепелкѣ, подобно перепелкѣ; а молодая сесшра сонъ-шраву рвала и пышала сшарушку, и пышала сшарушку:

— Эшошъ сонъ-шрава сила-ль онъ Козацкая? Или эшошъ сонъ-шрава Козацкая могила?

— Эшошъ сонъ-шрава; моя голубочка, выросъ онъ въ полѣ, и сорвала шраву эшу злая судьбина, и подарила моей дочери. О дочь, о дочь моя, дочь! Пересшань горюнишься: нашего молодаго

Ивана искать въ могилѣ, въ глубокой могилѣ, около города, около Килiи.

Когда прощался отецъ съ сыномъ; онъ давалъ ему саблю и збрую; когда сына провожала мать, она провожала его слезами; она его выкормила на свое горе.

Пѣсня вторая.

Когда того Пана Ивана, что Гетмана Свирговскаго плѣнили невѣрные, тогда отрубили ему голову. И снявши съ него голову, вѣшали ее на бунчукъ, и играли въ трубы, и насмѣхались надъ нимъ. Тогда съ юга потянулась туча, будто налетала стая вороновъ; и разсыпала она по Украинѣ туманы, и горевала Украина: горевала Украина оплакивая своего Гетмана.

Тогда завывали буйные вѣтры: — гдѣ-же вы оставили нашего Гетмана? — Тогда налетали соколы: — гдѣ-же вы тужили по нашемъ Гетманѣ? — Тогда зашумѣли орлы: — гдѣ-же вы похоро-

нили нашего Гетмана? — Тогда взвилися жаворонки: — гдѣ-же вы простились съ нашимъ Гетманомъ? —

— Въ глубокой могилѣ, около города Киліи, на Турецкой линіи.

— Что значитъ выраженіе въ сей послѣдней пѣснѣ: на Турецкой линіи? — Вѣроятно тамъ пролегала граница Турецкихъ владѣній. —

О происшествіяхъ по смерти Свирговскаго до 1576. см. И. М. Р. I. 137 — 138.

17.

Подвиги Богданка.

Конисскій о подвигахъ Гетмана Богданка говоритъ слѣдующее:

— Собравъ и дополнивъ потѣрянныя Свирговскимъ войска, отправился онъ въ

Крымъ, по повелѣнію Короля Баторія преслѣдовать Крымскихъ Татаръ, нападавшихъ во время отсутствія Свирговскаго на границы Малороссійскія и плѣнявшихъ тамошній народъ. Идучи внизъ по Днѣпру, выправилъ изъ Сѣчи 6000 пѣхоты въ лодкахъ подъ командою Войсковаго Асаула Нечая, приказалъ ему приставть на Крымскихъ берегахъ около городовъ Козлова и Кафы, и заперѣть тамошнія гавани до его прибытія къ симъ городамъ. При походѣ Гетмана въ Крымскія степи встрѣчали его полчища Татарскія, но онъ ихъ съ урономъ прогонялъ. Наконецъ дошло дѣло до главнаго сраженія, которое предвидѣвши, Гетманъ заблаговременно приготовился, и поворотя отъ Днѣпровскаго Лимана до Орской или Перекопской линіи, атакованъ былъ между Кинбургскихъ Кучугуровъ и каменнаго Даріева моста всѣми Татарскими ордами подъ командою Хана Девлетъ-Гирея; большую часть пере-

билъ и перетопилъ; потомъ переправившись черезъ Сивашъ или Гнилое море вбродъ и вплавь, и дошедши на той стороне къ первымъ воротамъ, отбилъ ихъ и впустивъ всю армію, которая напавъ на городъ Оръ взяла его штурмомъ, выбила весь гарнизонъ, все раззорила и предала огню и мечу. Далѣе взялъ Гетманъ Кафу и жителей всѣхъ перерѣзалъ, исключая 500 душъ обоего пола Христіанъ, бывшихъ тамъ въ плѣну. А какъ поворотили войска обходить горы Кафскія для нападенія на Бакчисарай и Козловъ, то при рѣкѣ Салгирѣ встрѣтили ихъ Ханскіе посланники изъ знатнѣйшихъ мурзъ, кои поднесли Гетману дорогіе подарки просили отъ имени Хана о заключеніи мира. Гетманъ согласился на миръ съ условіемъ, что-бы возвращены были всѣ плѣнные Русскіе, а до того что-бы въ залогъ даны были 18 мурзаковъ аманатами. Все было исполнено, и Гетманъ, получивши при томъ 713 плѣн-

никовъ, возвратилося въ Малороссію съ великою добычею. Морскимъ войскамъ Гетманъ приказалъ посѣтить тѣ города Турецкіе, кои покупали у Татаръ Русскихъ плѣнниковъ, и войсками напавъ нечаянно на приморскіе города Синопъ и Трапезонтъ и на многія мѣстечки предать ихъ огню и мечу, доставъ у нихъ нѣсколько своихъ плѣнниковъ и множество добычи.

Во дни сего-жъ Короля Баторія, когда Турецкія силы безпрестанно нападали на Христіанство вверхъ по рѣкѣ Дунаю живущее, и отъ ихъ Государей и Князей прощено у Короля помощи, то онъ приказалъ Гетману Богдану сдѣлать съ войсками Малороссійскими сильную диверсію въ Турецкія земли, отдаленныя отъ Польскихъ границъ и отвесть ихъ силы отъ сосѣдствующихъ съ Польшею Христіанъ. Гетманъ прежде выправилъ въ Черное море Запорожскаго Асаула Нечая съ тремя тысячами Запорожцевъ на ихъ

лодкахъ, а потомъ отправился и самъ со всѣмъ Малороссійскимъ войскомъ въ Крымскія степи, а перешедъ ихъ въ виду Орской линіи и Татаръ, ни мало походу ихъ не мѣшавшихъ, перешелъ черезъ Донъ съ помощію Донскихъ Козаковъ, а послѣ черезъ Кубань, и потомъ началъ военныя дѣйствія, все предавалъ огню и мечу. Жители спасались однимъ бѣгствомъ: а флотилія по берегамъ производила также опустошенія. Проходя всю Анатолію посѣтилъ Гетманъ главныя тамошнія города, Синопъ и Трапезонтъ не дѣлая къ крѣпостямъ ихъ приступовъ за неимѣніемъ нарочитой артиллеріи, выжегъ одни ихъ форштадты, и достигнувъ предмѣстій Цареградскихъ, принудилъ удивленныхъ Турковъ спасаться бѣгствомъ на судахъ въ Цареградъ. Войска Малороссійскіе выжгли и разграбили предмѣстія, отступили къ Черному морю, и на проливѣ переправясь на судахъ Запорожскихъ, лодкахъ

и другихъ судахъ у Турецкихъ береговъ забранныхъ вступили въ Болгарію, увѣривши жителей, что они противъ нихъ не предпримутъ непріятельскихъ дѣйствій. Болгары провожали Козаковъ до Дуная и оказывали все возможное пособіе. Гетманъ, переправившись черезъ Дунай между Варною и Силистріею, вступилъ въ Молдавію и поравнявшись съ городомъ Киліей, напалъ на него быстро на разсвѣтѣ и взявъ приступомъ, приказалъ вырѣзать всѣхъ Турковъ и Армянъ, и разграбивъ городъ выжечь въ отмщеніе за смерть Свирговскаго и Козаковъ. За симъ Гетманъ возвратился въ свои границы со славой и добычей. —

Всѣ прочія Лѣтописцы очень кратко описываютъ военныя дѣйствія Гетмана Богданка, — столь-же кратко ихъ описываетъ и Бантышъ-Каменскій (И. М. Р. I. 138), придавая оному достоинство Князя Рожинскаго, въ чемъ противорѣчитъ Лѣтописямъ. —

Если вѣришь Запорожской думѣ, которой переводъ см. въ Замѣчаніи 18, що Богданко погибъ въ битвѣ съ Татарами.

18.

Дума о Богданкѣ въ переводѣ.

Всѣ Лѣтописи единогласно говорятъ что Баторій пожаловалъ Гетману войска Запорожскаго хоругвь, бунчукъ и булаву. По сему случаю какой-то Бандуристъ, составилъ Думу, чрезвычайно любопытную. (Подлинникъ помѣщенъ въ No I, Запорожской Старины стр. 77 — 82). Здѣсь представляю Русскій переводъ.

— То не буйный вѣтеръ воетъ, завываетъ по степямъ, то Татарскій Ханъ насылаетъ на Украину свое войско, что-бы оно грабило и разоря-

до нашу машь родную — неповинную Украину,—что-бы оно брало въ плѣнъ и женъ и дѣвицъ нашихъ, и наше имущество, что-бы оно загаяло въ свои улусы и коней и овецъ и всѣ наши стада, данныя намъ Богомъ, что-бы оно разбивало и разоряло курени Козацкіе. Нѣтъ. То удалый Богданко всѣхъ Козаковъ созываетъ въ громаду — всѣхъ Козаковъ: и чиновныхъ и простыхъ, и сосѣдей, и подсосѣдей, и Хорунжихъ, и прочихъ старшинъ — храбрыхъ Сотниковъ и Полковниковъ. Онъ созываетъ и скликаетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ, и собираетъ въ громаду; и самъ выходитъ среди ихъ, блеститъ мечемъ своимъ; три раза кланяется въ землю Святымъ мѣстамъ, потомъ кладетъ по одному поклону на каждую страну свѣта, еще одинъ поклонъ Козакамъ, и еще одинъ поклонъ Сотникамъ и Полковникамъ; и молится Богу, и такъ говоритъ, обращаясь къ Козакамъ, ко всей грамадѣ:

— То не буйный вѣтеръ воетъ, завываетъ по степямъ, то не Татарскій Ханъ насылаетъ на Украину свое войско, что-бы оно грабило и разоряло нашу мать родную — неповинную Украину, что-бы оно брало въ плѣнъ и женъ и дѣвицъ нашихъ, и наше имущество, что бы оно заганяло въ свои улусы и коней, и овецъ, и всѣ наши стада, данныя намъ Богомъ, что бы оно разбивало и разоряло курени Козацкіе. То Король Польскій намъ и вамъ высылаетъ подарокъ; онъ даритъ великій даръ, и насъ и васъ почитая и уважая. Онъ хочетъ, что-бы вы, братцы, храбрые Козаки товарищи, молили Бога за него, Короля Польскаго, и служили бы ему вѣрой и правдой какъ Богу, который живетъ высоко въ небѣ, не обижали-бы Поляковъ, а жили бы съ ними какъ съ родными братьями, нападали бы на Москалей, сражались и побѣждали Татаръ; — и за это вашему Гетману; удалому Богданку, а

съ нимъ и вамъ даришъ онъ великій даръ, и шошъ великій подарокъ-даръ: золошая булава, серебрянная хоругвь и бунчукъ съ жеребца. Но Король Польши пишешъ еще, приписываешъ: — Пусшь-же швои Козаки шоварищи служашъ мнѣ вѣрой и правдой, какъ шому Богу, который живешъ высоко въ небѣ! Если-жъ не будушъ они служишь мнѣ вѣрой и правдой, шогда я подарю имъ другой подарокъ: я ихъ порадую болезнію, болезнію шяжелой, несшерпимой. —

И услышали эшо Козаки, и шакъ молвили своему Гешману:

— Такъ вошъ намъ Король Польскій даришъ великій подарокъ—даръ; а если не будемъ служишь ему вѣрой и правдой шо порадуешъ онъ насъ какимъ-шо недугомъ. Какимъ-же бы шо недугомъ? Не свободой-ли? О, если-бъ шѣмъ недугомъ, чшо свободой, — шо намъ всѣмъ Козакамъ шоварищамъ и не нужно было-бы иныхъ даровъ. Тогда служили-

бы мы, Королю Польскому вѣрой и правдой, какъ Богу, который живетъ высоко въ небѣ, и не обижали-бы Поляковъ, и жили-бы съ ними, будто съ родными братьями, и нападали на Москалей, сражались и съ Татарами, и во вѣки-бы вѣчные не зломъ а добромъ и молитвой какъ Богу отдавали-бы почтеніе великому Господину своему Королю Польскому. —

Вотъ что говорили Козаки, и сказавши смолкли. Тогда Гетманъ удалый Богданко подходитъ съ просьбою къ своему Секретарю, Ѳомѣ Безродному, и къ Атаманамъ Куреннымъ; и одного за другимъ прилежно выпытываетъ, исповѣдуетъ; и представляетъ имъ и то и другое; и обѣщаетъ Козакамъ походъ на Турковъ, и великую добычу въ томъ великомъ походѣ.

— Тамъ — говоритъ онъ — земля полна золотомъ и серебромъ; и горы подъ самое небо. Тамъ течетъ великая рѣка — море; и что въ ней ни ключь, то

съ водою бѣжитъ песокъ, а по песку плыветъ золотая рыбка, и на каждой рыбкѣ лежатъ красныя кармазинныя яблоки (*), а другія желтыя бѣгутъ за рыбкой. —

Если такъ, то и такъ. И расходились Козаки съ громады, и радовались; и въ походъ выступали, рубили и грабили Турковъ. Но тутъже подъ горою въ полѣ, подъ густымъ ракитникомъ нашли Гетмана своего — убитаго. Они выкопали тогда глубокую могилу, и на могилу насыпали курганъ, и оставили подлѣ могилы коня Турецкаго Гетманскаго. То отправляли они Гетману погребеніе. Здѣсь ему и на вѣки лежать. Собравши добычу, они возвратились въ свою родину, молились Богу, дѣлились богатствами.

(*) *Яблоки Кармазинки — особенный, самый любимый народомъ родъ яблокъ, находящійся, кажется, вездѣ по Украинѣ.*

Они дѣлились богатствами, — а мы подѣлимся чарой. —

Хоругвь, данная Стефаномъ Баторіемъ войску Запорожскому, изображала на своемъ платѣ гербъ бѣлаго Орла. (И. М. Р. I. 139).

Булава — палица полая серебряная позолоченная съ шаромъ на верху также полымъ, и украшеннымъ драгоцѣнными каменьями. См. изображеніе оной въ разныхъ формахъ на портретахъ Гетмановъ Запорожскаго войска, приложенныхъ къ И. М. Р.

Бунчукъ — шестъ, украшенный сверху золотымъ шарикомъ, около коего прикрѣпляется небольшое знамя и конскій хвостъ, иногда два хвоста, иногда и болѣе. Сей знакъ искони употреблялся Турками, и отъ нихъ перешелъ къ Запорожцамъ.

Происхожденіе бунчуковъ относится ко временамъ Абубекра, наслѣдника Мугамедова. Проигравъ однажды сраженіе въ Сиріи, Абубекръ оставленъ былъ войсками, кои разбѣжались во всѣ стороны. Одинъ изъ офицеровъ, находившихся при Абубекрѣ придумалъ средство соединить ихъ: взялъ длинный шестъ, и, неимѣя въ рукахъ ничего такого, что-бы могло издали подать знакъ, отрубилъ у коня своего хвостъ; потомъ привязалъ его къ концу шеста, и началъ махать во всѣ стороны. Войска, завидя знакъ созыва, сбѣжались къ предводителю своему, и соединенными силами разбили враговъ. Съ сего времени бунчукъ, т. е. конскій хвостъ, сдѣлался почетнымъ знаменемъ Мугамеданскаго войска (Изв. о Тур. Имп. 139 — 140).

19.

Взглядъ на устройство войска Запорожскаго при Стефанѣ Баторіѣ.

— Стефанъ Баторій, обязанный престоломъ Польскимъ благопріятному стеченію обстоятельствъ, болѣе другихъ долженъ былъ чувствовать нужду въ преданности и помощи войска Запорожскаго; и потому обратилъ на оное особенное вниманіе, слѣдствіемъ коего было устроеніе политическаго и гражданскаго ихъ состава. Одно изъ самыхъ важнѣйшихъ какъ для Украины такъ и для Польши правъ, дарованныхъ Баторіемъ войску Запорожскому было позволеніе разселяться оному вдоль по берегамъ Днѣпра до самаго Кіева. Запорожцы не замѣдлили воспользоваться симъ правомъ, — и вскорѣ Украина раздѣлилась между ними на десять полковъ, кои были: Чи-

гринскій, Корсуньскій, Черкасскій, Уманьскій, Лодыжинскій, Богуславскій, Кіевскій, Полтавскій, Миргородскій и Переяславскій. Каждый полкъ раздѣлялся на Сотни, а Сотня на Курени. Каждый полкъ имѣлъ главный свой городъ, въ коемъ жилъ Полковникъ; каждая Сотня — свое мѣстечко; каждый Курень — свои слободы или хутора. Такимъ образомъ войско Запорожское, бывшее до того времени ватагой вольниковъ, вѣчно скитающихся, связанныхъ съ Украиной только происхожденіемъ и вѣрой, имѣвшихъ къ оной отношенія часто гибельныя для нее, преобразовалось въ Земское войско Украины, связалось съ оною крѣпкимъ узломъ сосѣдства и братства, дотолѣ бывшаго въ забвеніи, въ пренебреженіи съ обѣихъ сторонъ. . . . Но что могъ имѣть въ виду Баторій, рѣшась на такое постановленіе? Уже-ли онъ имѣлъ въ умѣ своемъ смѣлую мечту — ограничить онымъ силу Запорожцевъ.

Уже-ли могъ думать, что Запорожцы, разселившись между Украинцами, почелнуть въ количествѣ сихъ послѣднихъ, сольются съ ними въ одно братство; — и растянувши свои жилья на протяженіи какихъ нибудь пяти сотъ верстъ, потеряютъ единство духа и образа нравовъ, а наконецъ и независимость?... И между тѣмъ разселивши Запорожцевъ по Украинѣ, онъ не предпринялъ никакихъ мѣръ противу ихъ самобытности; а напротивъ того какъ будто старался укрѣпить, упрочить оную... Баторій даровалъ войску Запорожскому Гетмана и прочихъ старшинъ: Войсковыхъ, Полковыхъ и Сотенныхъ, подчинилъ оное Судамъ Повѣтовымъ только по Земскимъ дѣламъ, а по всему прочему оставилъ ихъ подъ вѣдомствомъ Войсковой Канцеляріи, въ которой подъ предсѣдательствомъ Гетмана засѣдали: Обозный (начальникъ пушкарей или артиллеристовъ войска Запорожскаго) какъ

старшій членъ, Судья Генеральный, Подсудокъ, Писарь (Секретарь), Асаулъ (начальникъ конницы и пѣхоты), Хоружкій (хранитель войсковой Хоругви), Бунчужный (хранитель Гетманскаго бунчука). Отъ Войсковой Канцеляріи зависѣли Суды полковые, а отъ нихъ Суды Сотенные. Въ сихъ судахъ засѣдали Старшины тѣхъ-же названій и должностей, какъ и въ Войсковой Канцеляріи; въ первыхъ предсѣдательствовали Полковники, а въ послѣднихъ Сотники. Всѣ Старшины войска Запорожскаго были избираемы по большинству голосовъ самыми Козаками на Радахъ. Баторіемъ-же пожалованы Гетманамъ Запорожскимъ клейноды, явно высказывающіе тогдашнюю самобытность войска (см. 3. 18), и печать Войсковая. Кромѣ сего Баторій построилъ въ свое имя городъ Батуринъ — столицу для Гетмановъ и Генеральныхъ старшинъ войска Запорожскаго; и подарилъ укрѣпленный замокъ

Терехтемировъ. Запорожская Сѣчь осталась главною крѣпостью Козаковъ, коей Комендантъ былъ Кошевой Атаманъ, также избираемый на Радахъ: подъ начальствомъ его была морская сила войска Запорожскаго. Баторій привелъ въ хорошее состояніе Артиллерію Запорожскую, снабдилъ войско ружьями, пиками и бердышами, ввелъ въ употребленіе кольчуги. Одно только постановленіе Баторія, казалось, было противу независимости войска: онъ отдѣлилъ выборныхъ или реестровыхъ Козаковъ отъ охочекомонныхъ. Только первые числомъ до 6000, были на дѣйствительной службѣ, во всегдашней готовности къ походу или, правильнѣе выражаясь, во всегдашнихъ походахъ. Козаки-же охочекомонные составляли внутреннюю стражу въ Украинѣ, жили отдѣльными поселеніями, и были въ мирное время простыми поселянами; были воинами же по образу жизни, а по нравамъ. О сихъ-то охо-

чекомонныхъ Козакахъ говоришъ Бо-
планъ, что они искусны во всѣхъ ре-
меслахъ, необходимыхъ для общежитія,
занимаются земледѣліемъ и пр. (О. У.
5 — 6). Впрочемъ сіи Козаки были свя-
заны съ выборными цѣпью неразрыв-
ною: ими пополнялась убыль сихъ по-
слѣднихъ; а что подавало часто поводъ
ко всеобщимъ ополченіямъ всего вой-
ска, ополченіямъ, оказавшимся для Поль-
ши столь гибельными въ послѣдующее
время. При Бопланѣ всѣхъ Козаковъ
считалось уже до 120,000, а во время
возстанія, по словамъ его стало подъ
знамя бунта около 200,000. Не льзя
оставить безъ замѣчанія того, что
со временъ Баторія или не много преж-
де, Козаки, привыкшіе дотолѣ вести
жизнь холостую, почти совсѣмъ бро-
сили сей обычай,—и одни только Рее-
стровые Козаки должны были сохра-
нять оный ненарушимо; сохраняли
его и нѣкоторые изъ охочекомонныхъ
Козаковъ, именно жившіе землянками

въ лѣсахъ по лѣвому берегу Днѣпра около пороговъ, бывшихъ подъ зависимостію Кошеваго, и называвшихся Гайдомаками. — Отмѣненіе обычая вести жизнь холостую, имѣло важное вліяніе не только на Запорожцевъ; но и на всю Украину; ибо слѣдствіемъ онаго было рожденіе политическаго могущества Запорожскаго войска, и гражданскаго благоденствія Украины, освободившейся съ того времени отъ шаекъ бродниковъ, появлявшихся дотолѣ многочисленными толпами въ нѣдрахъ ея подъ именемъ Запорожцевъ, и своей тунеядной, разбойнической жизнію безпрестанно возмущавшихъ ея спокойствіе, наносившихъ жестокій вредъ ея промышленности; поселявшихъ въ оной мятежи и междоусобія. Если Баторій и не первый содѣйствовалъ къ отмѣненію помянутаго обычая, то по крайней мѣрѣ употреблялъ къ тому дѣятельныя мѣры, и положилъ

швердое начало соединенію Украинцевъ съ Запорожцами союзомъ родства. —

Устраивая войско Запорожское, Стефанъ Баторій не забывалъ и Украины (См. въ И. М. Р. I. Гл: X).

Всѣ постановленія Баторія касательно войска Запорожскаго и Украины выражаютъ его желаніе устроить, осчастливить, возвеличить страну сію; но предполагалъ ли сей Великій Государь, какія послѣдствія для Польши произведутъ онѣ? Предполагалъ-ли, что онѣ предуготовятъ для Поляковъ столѣтнія войны съ Запорожцами, и тотъ рѣшительный ударъ, который предоставлено было Богдану Хмельницкому нанести народу сему, ударъ, разсѣкшій узелъ судьбы и Украины и Польши? Баторій былъ Великій Государь, но или онъ былъ великъ только въ настоящемъ, или, будучи родомъ не Полякъ, имѣлъ въ виду одно своевременное благоденствіе Государства Польскаго, и не хотѣлъ думать о бу-

дущемъ. Впрочемъ, какъ-бы то ни было, если Баторій наконецъ и созналъ ошибку въ устроеніи войска Запорожскаго и Украины, то уже слишкомъ поздно: напрасны были-бы усилія стѣснить Запорожцевъ, ослабить силу ихъ, и тѣмъ менѣе поколебать ихъ независимость. Всякое распоряженіе въ противность предшествовавшимъ, готово было быть почитаемо притѣсненіемъ; всякое притѣсненіе подать поводъ къ общенародному возстанію. Народъ удерживался въ покорности только до времени, только подъ могучимъ вліяніемъ Великаго Баторія, умѣвшаго покоить и содержать въ покорности многоразличныхъ подданныхъ своихъ. Народъ удерживался въ покорности; но какова была сія покорность? Видимая, наружная, принужденная, носившая въ нѣдрѣ своемъ зародышъ возмущеній. Народъ покоренъ былъ Баторію только изъ признательности къ нему: онъ не могъ не видѣть бла-

годѣяній, разсыпаемыхъ ему щедрою рукой своего Зиждителя. И между тѣмъ даже при Баторіи бывали причины для возмущеній народа Украинскаго. Конечно не правительство притѣсняло его: подати были незначительны, а Запорожцы состоявшіе на дѣйствительной службѣ получали и жалованье; но за то были частныя притѣсненія, кои крестьяне терпѣли отъ господъ своихъ, ихъ откупщиковъ, и болѣе всего отъ безчинства Жидовъ, кои старались завладѣть на Украинѣ всѣми отраслями промышленности, и которыхъ никакая власть не могла-бы въ то время удержать въ границахъ законныхъ; наконецъ не льзя не замѣтить отношенія, въ какомъ находился тогда простой народъ къ Дворянству, которое было отъ него удалено не одними правами, но часто и вѣрой, а всего чаще мнѣніями политическими. Сіи послѣднія, будучи конечно распространяемы по Украинѣ Запорожцами,

во многихъ отношеніяхъ отличались отъ мнѣній Двора Польскаго, а симъ послѣднимъ Дворянство Украинское слѣдовало очень часто и по охотѣ, и по выгодамъ, кои въ этомъ находило. —

20.

Иванъ Подкова.

Большая часть Лѣтописцевъ Украинскихъ называютъ Подкову Гетманомъ; напротивъ того Енгель, Бантышъ-Каменскій и другіе именуютъ его просто Козакомъ, расказывая впрочемъ о дѣйствіяхъ его одинаково съ Лѣтописями, исключая конечно Лѣтопись Кониссскаго, которая почти всегда разнится отъ другихъ. Думаю, что Подкова былъ не Гетманъ и не простой Козакъ, а Атаманъ Кошевой или Куренной. Атаманомъ называетъ его и нашъ Лѣтописецъ, если вѣрить нѣко-

торымъ спискамъ; ибо въ другихъ слово Атаманъ пропущено. Самымъ лучшимъ доказательствомъ могутъ служить пѣсни и дума о немъ, помѣщенныя въ No I Запорожской Старины. Но гдѣ же тамъ эти пѣсни и дума? — спроситъ читатель. Тамъ нѣтъ ни пѣсни ни думы о Подковѣ. — Догадка, Мм. Гг! Вамъ представляю оспаривать оную—или согласиться. Можетъ быть, моя догадка будетъ такъ счастлива, что оправдается и новыми доказательствами изъ Лѣтописей Молдавскихъ, если сія книжка попадется въ руки тѣхъ, коимъ сіи Лѣтописи извѣстны лучше нежели мнѣ, и если они удостоятъ оную вниманія своего. — Въ No I Запорожской Старины есть двѣ пѣсни и одна дума о Серпягѣ (стр. 33—36 и 82—86): этого Серпягу я почитаю однимъ лицемъ съ Подковою, а почему? — тотчасъ объясню. Прочтемъ прежде переводъ пѣсень и думы.

Пѣснь первая.

Въ городѣ Львовѣ зашумѣли вербы. Козакъ бурлакъ лежишъ убишый. Тошъ мершвецъ — Серпяга.

Въ городѣ Львовѣ зазвонили въ колокола. Козакъ бурлакъ лежишъ убишый. Совершаюшъ погребеніе.

А въ городѣ Каневѣ зарыдали, когда медленно опусшили Серпягу въ могилу.

Опусшили Серпягу, и засыпали землею, и совершали по немъ поминовеніе во всей Украинѣ.

Пѣснь вторая.

Увы, шо сила, сила, сила одолѣла силу. Могила дождалась во Львовѣ Серпягу.

Дождалась могила, какъ желали Молдаване. Они привязывали Серпягу къ сухому дубу.

Молдаване, Молдаване! для чего-же привязывали вы его? для чего измѣнили Козакамъ Запорожцамъ?

Вы измѣнили своему Господарю. — Гетману Серпягѣ не худо было и дома.

Поминайте-же зломъ своего Господаря. Пусть онъ и добрый, пусть онъ и злой, — что вамъ до этого?

Пусть онъ и добрый, пусть онъ и злой, лишь бы не былъ онъ подлъ. Что-же? Привязывайте Серпягу къ сухому суку.

Что Серпяга, то Серпяга имѣетъ брата Жаха и отъ своего брата Жаха ожидаетъ поминовенія.

Дума.

По Черному глубокому морю, по широкому, далекому Дунаю выходитъ, выступаетъ злая буря. Она ведетъ Козаковъ въ землю чуждую. А съ юга вѣетъ и завываетъ буйный вѣтеръ; и по Черному морю встаетъ переложная волна; и по Черному морю лаетъ и стонетъ она сѣрымъ волкомъ.

И собрались товарищи Козаки, всѣ храбрые Запорожцы думать, гадать о

шой бурѣ, подъ надъ синимъ моремъ Дунаемъ ожидашь шихой погоды.

И ждали они одинъ часъ, и ждали другой; но злая буря поднималась все болѣе, ни мало не ушихая по Черному глубокому морю, по широкому и далекому Дунаю; но все злѣе гремѣла громомъ по небу, и блесшѣла молніей межъ шучами. Тогда Ашаманъ Иванъ Серпяга Козаковъ шоварищей подзываешъ къ себѣ, и шакъ молвишъ Козакамъ шоварищамъ:

— О, Паны, родные брашья мои, храбрые шоварищи мои, Козаки Запорожцы. Ни когда не было ни слухомъ слышно, ни видомъ видано, что-бы шакая злая буря нападала на Козаковъ съ шакою силою, что-бы гремѣла шакимъ громомъ, и блесшѣла шакой молніей, и что-бы вы, Паны, Козаки шоварищи, шакъ долго сшояли, ожидая шихой погоды у моря Дуная. —

И услышали эшо Козаки, и молчали. — Когда-же было, что-бъ мы пу-

гались бусурмановъ? Когда-же было, что-бы мы скрывались отъ нихъ? А нынѣ, если-бъ хоть бусурмановъ, — мы устрашились бури; устали ожидая тихой погоды, кляня злую недобрую бурю. —

И услышали, это Козаки, и молчали; и много, много разсуждали, но молча, глядя одинъ на другаго, — и выступили въ походъ!

И вотъ идутъ они день не день, и не два, и не три, и не четыре дня; а злая недобрая буря начала быстро отихать на Черномъ морѣ, на далекомъ Дунаѣ, и переложная волна убѣгала въ свои гробы, въ пропасти подводныя. Тогда Козаки молились Богу клали по три поклона, и отдыхали. И потомъ всѣ Козаки выступили въ походъ съ храбрымъ Гетманомъ своимъ Иваномъ Серпягой, и тяжело разбивали невѣрныхъ, думали и гадали; и заключали миръ съ Салтаномъ невѣрныхъ около города Акермана, и отобрали у него все иму-

щество его, и Татаръ — свекольниковъ разбивали и грабили. И возвратились домой тихою погодой, со славною добычей.

Мои доказательства, что Серпяга есть то-же что Подкова суть:

1. Подкова былъ выбранъ на Господарство Молдавское, и низверженъ съ онаго. То же самое говорится и о Серпягѣ во 2-й пѣснѣ.

2. Подкова былъ убитъ во Львовѣ. Тоже самое сказано и о Серпягѣ въ обѣихъ пѣсняхъ.

3. Подкову похоронили въ Каневѣ. Тамъ же хоронили и Серпягу, какъ сказано въ первой пѣснѣ.

4. Подкова имѣлъ товарищемъ своимъ Гетмана Шаха. Во второй пѣснѣ о Серпягѣ говорится, что у него есть братъ т. е. товарищь — Жахъ. Жахъ и Шахъ не одно-ли и то-же? Можетъ

бышь, даже правильнѣе писать Жахъ нежели Шахъ (*).

Что Подкова или Серпяга былъ Атаманъ, то это подтверждаютъ и пѣсни и думы. Только во второй пѣснѣ онъ названъ Гетманомъ, но это можетъ быть по ошибкѣ. —

О происшествіяхъ, расказанныхъ въ думѣ, Лѣтописи умалчиваютъ.

О Гетманѣ Подковѣ см. Engel's Gesch. der Mold. § 39. 40. 41. Ист. М. Р. 140 — 142.

Львовъ — основанъ Даніиломъ не задолго до его кончины, какъ говоритъ Лѣтопись Длугошева, въ 1266 году. Наслѣдникъ его Левъ сдѣлалъ Львовъ столицею Княженія. Въ 1317 году Львовъ взятъ Казимиромъ Великимъ, Королемъ Польскимъ, а въ 1356 году

(*) *Жахъ — слово Украинское, означаетъ страхъ. — Жахать — пугать. Жахаться — пугаться страшиться.*

даны ему были права Магдебургскія. Во время-же Казимира Великаго Нѣмецкіе поселенцы сего города назвали его Лембергомъ. См. Pam. Lwow. 1816. No 1. и 2. — Въ Львовѣ очень многіе изъ Запорожскихъ старшинъ преданы были смерти отъ Поляковъ.

Каневъ — съ весьма древнимъ замкомъ, какъ расказываетъ Бопланъ; въ немъ Козаки имѣли постоянный гарнизонъ изъ одного полка. (О. У, 14). — Въ Каневѣ очень часто современи Баторія собиралась Козацкія Рады, о чемъ говоритъ Шафонскій въ своихъ Запискахъ о Малороссіи.

Начало

СКАЗАНІЯ

о Гетманахъ Запорожскихъ.

§ 8.

Малороссія сирѣчь Украина принадлежала издавна землѣ Русской, а въ четыренадесятомъ вѣкѣ завладена Литовцами; Казимиръ Король Польши причислилъ оную къ своему владѣнію: и Кіевъ упросилъ въ Воеводство, и Воеводою первымъ былъ Мартынъ Гаштольдъ. Прочіе города и села заняты въ партикулярное владѣніе Польскими Панами. Въ Запорожьѣ основались Козаки и управлятися стали Гетманами.

§ 2.

Первый былъ Гетманъ войскъ Запорожскихъ Предславъ Ланскронскій, фамиліи Сенаторской. Сей съ Козаками землю Турецкую воевалъ, и Пашу ихъ Абдаллу Оливерца при селеніи Гурьевскомъ убилъ. Гетманствовалъ сей Ланскронскій при Сигизмундѣ I-мъ; и были въ тое время дарованы Запорожцамъ вольности и права, и выше пороговъ селитися имъ позволено стало. Но Ланскронскаго, хотѣвшаго въ область Польскую съ Козаками отдатися, голову отсѣчено и безчинно погребено.

§ 3.

А на мѣсто его поставленъ Димитрій Князь Вишневецкій; але правилъ Козаками не мало.

§ 4.

А послѣ Гетманъ Князь Ружинскій Евстаѳій, мужъ великаго ума и храбрости. На Татарву не разъ нападалъ и разбивалъ.

§ 5.

За нимъ Гетманъ войскъ Запорожскихъ сталася Венжикъ Хмельницкій. Сей Козаковъ собравши на Татаръ Днѣпромъ на ладіяхъ поплылъ, провѣдавши, что табуны Татарскіе на Лиманѣ пасутся, и никто-же стережетъ ихъ. Но то была омылка: невѣрныхъ людей послушали. Гетманъ нашелъ тамъ невѣрныхъ бусурмановъ, что нѣтъ числа. Сіи окольными и дальными путями обойшли войско Запорожское и окружили отовсюду. Но Венжикъ хитрость воинску употребивъ, знав-

ши же Татарскіе кони огня боятся, степь зажегъ, и по вѣтру отъ Татаръ ушелъ, погнавши за собою великій косякъ коней наилучшихъ Татарскихъ. Изумилися Татары, и вново походомъ пойшли на Запорожцевъ; но и вново Венжикъ Гетманъ побѣдилъ ихъ подъ Заславьемъ на Волынѣ. Скоро отъиде смертныя ради раны.

§ 6.

При Королѣ Польши Генрихѣ Французскомъ былъ Гетманъ Запорожскій, по фамиліи Дружко Свѣрховскій. Сей зъ Квоніею Господаремъ Волошскимъ Турецкихъ воиновъ не разъ побивалъ, и отъ Турковъ въ землѣ Волошской убитъ. И большая половина войска его убита, а достальное по землѣ Волошской поразбѣжалось.

§ 7.

Гетманъ Запорожскій Богданко Ружный воевалъ съ большою Вагою Крымъ и Туречину, а на морѣ Запорожскій Войсковой Асаулъ Нечай Турецкую флотилію въ прахъ обратилъ. Въ сіе время славные и храбрые Козаки въ порядокъ наилучшій при Королѣ Польскомъ Стефанѣ Батори, устроены. Онъ же Стефанъ опредѣлилъ имъ Гетмана и Старшинъ учредилъ между ними, а Гетману булаву, бунчукъ, и хоругвь далъ; а войску Козаковъ Запорожскихъ печать съ гербомъ, — той есть: рыцарь съ самопаломъ, на головѣ колпакъ направо перекривленный, и рогъ при боку. Тотъ же Король, опричь старинный городъ Чигринъ, Терехтемировъ далъ съ монастыремъ для зимовій; а платилъ каж-

дому Козаку по червонцу и по кожуху. Старшинамъ давалъ по два, по десяти и болѣе. И Козаки тѣмъ не мало довольны стали; и въ Азію на 1000 миль повоевали, Трапезонъ взяли и изсѣкли, Синонъ до фундаменту разорили, и подъ Цареградомъ немало корысти побрали. Съ того времени Козаки начали имѣть двухъ Гетмановъ: одинъ что былъ Гетманомъ всего войска Запорожскаго; а другой Кошевымъ Гетманомъ низовыхъ Козаковъ прозывался, и во власти перваго былъ, старшій однакъ надъ всѣми другими Козацкими началами.

§ 8.

По смерти Богданка Ружного былъ Гетманомъ Запорожскимъ Ганъ Подкова, такъ прозванный по силѣ коею одаренъ былъ, и подковы аки ничтож-

ныя вещи наламывалъ. Сей произведенъ на Господарство Волошское. — Ляхи въ наущенія Волоховъ, Козаку простому повиноваться не восхотѣвшихъ, Подковѣ поиманному, по разграбленіи его имущества въ Львовѣ голову усѣкли. Козаки о семъ злѣ провѣдавъ прійшли во Львовъ толпою не малою, отомстити коварнымъ Католикамъ, погребли тѣло Подковы въ монастырѣ Каневскомъ, и добравши имущество увезли въ Терехтимировъ къ его родичамъ. Въ томъ-же году 1577 былъ Гетманъ Запорожскій Шахъ, при которомъ Козаки, мстячіе за Подкову, Волохамъ безчинили, и за сіе отъ Ляховъ бѣдствія многія терпѣли. Гетманъ Шахъ упрашивалъ товарищей освободить землю Подольскую и другіе отъ ига Ляховъ, и на что Козаки

согласны были, многія селенія пожгли! И Король за сіе много имъ бѣдствій причинилъ и даже обратить Козаковъ въ вѣру свою хотѣлъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

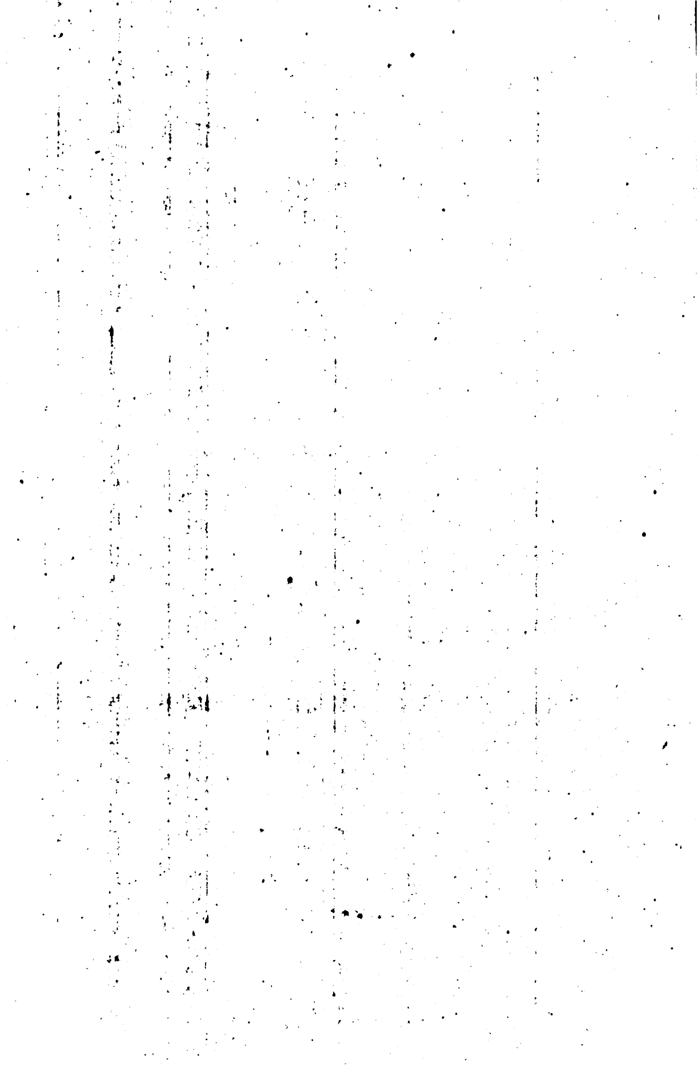
ЗАПОРОЖСКАЯ
СТАРИНА.

MD — MDCXL.

ИЗДАНІЕ

Измаила Срезневскаго.

ХАРЬКОВЪ.
1833 — 1834.

ЗАПОРОЖСКАЯ СТАРИНА.

ЧАСТЬ I.

— III —

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1834.

Печатать позволяется

1854 года, *Мая 25 дня. Цензор Снегирев.*

Запорожская Старина.

Сказание Лѣтописцевъ
и
Предания

о лицахъ и событияхъ въ Украинѣ и Запорожьѣ отъ смерти Батория до Богдана Хмельницкаго.

Лѣтопись и Замѣчания.

Источниками для Лѣтописи были рукописныя Лѣтописи и Преданія. Главнѣйшія изъ Лѣтописей суть:

— Исторія Руссовъ, Конисскаго (И. Р.)

— Краткій Лѣтописецъ Рогалевскаго (Л. Р.)

— Меморіалъ о Гетманахъ Запорожскихъ (М. Г. З.)

— Пространная повѣсть о событіяхъ до смерти Богдана Хмельницкаго (П. П. У.)

— Лѣтопись о прииженованіи Козаковъ и дѣлахъ ихъ (Л. К.)

— Сказанія о Гетманахъ Запорожскихъ (С. Г. З.)

— Записки Шафонскаго (З. Ш.)

— Топографическое описаніе Харьковскаго Намѣстничества (Т. О. Х. Н.)

Въ Лѣтописи своей я не позволялъ себѣ мудрствовать, былъ доволенъ и тѣмъ что находилъ въ пыльныхъ хартіяхъ и преданіяхъ, почти всегда передавалъ ихъ рѣчи дословно; даже и въ отношеніи достовѣрности событій, сколько было возможно, слѣдовалъ имъ самимъ: почиталъ достовѣрными

съ чемъ онѣ согласны между собою, недостовѣрнымъ, съ чемъ онѣ противорѣчатъ; и только въ случаѣ необходимости слѣдовалъ повѣствованію нѣкоторыхъ, придерживаясь въ такихъ обстоятельствахъ правила Сковороды:—вѣрь тому, кто рѣже лжетъ; не вѣрь тому, кто не только сажу но и золото истины любитъ укутывать въ покровъ лжи.— Хорошо или худо я сдѣлалъ — пусть судятъ читатели; и, можетъ быть, тѣ изъ нихъ, кои разсматривали источники Украинской Исторіи того времени, оправдаютъ меня.

Источники для Замѣчаній кромѣ Лѣтописей, Преданій и Книгъ, означенныхъ во 2-й к. Зап. Стар. были:

— Лѣтопись, изд: Туманскимъ. Р. Маг, 1793. (Л. М. Т.)

— Исторія объ Уніи (И. У.)

— Histoire de Pologne par Solignac (H. P. S.)

— Польскій Лѣтописецъ (П. Л.)

— Les fastes du Royaume de Pologne (L. P.)

— Korona Polska Niesieckiego (K. P.)

— Opera Posthuma, S. Lubienski. (O. L.)

— Dzieje Panowanja Zigmunta III. (D. P. L.)

и многія другія, означенныя въ Замѣчаніяхъ.

Оканчивая сею книжкой примѣчанія къ Пѣснямъ и Думамъ, помѣщеннымъ въ 1. кн.

Зап. Стар. и вмѣстѣ первую часть сего издания, обязанностью считаю просить у Читателей извинения въ нѣкоторыхъ недомолвкахъ и погрѣшностяхъ: обо всѣхъ нихъ, по мѣрѣ возможности, постараюсь дать отчетъ въ дополненияхъ. По данному уже мною обѣщанию, не премину воспользоваться совѣтами, и печатными и письменными, не упущу изъ виду ни одного замѣчания, которое мнѣ будетъ дано, и счастливъ буду, если найду возможность сознаться въ своихъ ошибкахъ.

И. Срезневскій.

Харьковъ 1834.

ЛѢТОПИСЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Стефанъ Баторій умеръ, не оставивши по себѣ наслѣдника, который былъ-бы достоинъ заступить его мѣсто, который могъ-бы съ такимъ умомъ, съ такимъ могуществомъ и успѣхомъ управлять разнообразными областями государства Польскаго, какъ управлялъ ими сей великій Государь. Малодушный фанатикъ, другъ и покровитель Іезуитовъ, ревностный защитникъ вѣры Католической, ревностный гонитель другихъ вѣроисповѣданій, — властолюбецъ, неимѣвшій ни твердости духа, ни про-

ницательности ума, — высокомѣрный, себялюбивый, самонадѣянный: таковъ былъ преемникъ Стефана Баторія Сигизмундъ III, преемникъ, которому досталось въ удѣлъ положить рѣшительное начало паденію Государства Польскаго. Держава сія, славная дотолѣ, подобно державѣ Русской, славою вѣротерпимости, обратилась при Сигизмундѣ III въ жалкое торжище мятежей и казней за вѣру. Своевольно правили кормиломъ Государства своекорыстные льстецы — Іезуиты и Нѣмцы, пещадно проливалась кровь угнѣтенныхъ иновѣрцевъ, и зарево пожара возстаній народныхъ и межусобицъ вельможъ освѣщало поочередно всѣ края горизонта Польши. Таково было сорокапятилѣтнее (1586 — 1632) государствованіе Сигизмунда III, гибельное для Украинцевъ по угнѣтеніямъ и бѣдствіямъ, счастливое по слѣдствіямъ: оно озарило Украину первыми лучами надежды на грядущую свободу и независимость, — надежды на союзъ брат-

ства съ могущимъ царствомъ Русскимъ.

II.

Сигизмундъ III. не замѣтилъ, или не хотѣлъ замѣтить опасности, которая угрожала ему со стороны Украины, и смѣло, безотчетливо началъ притѣснять Украинцевъ.

Дѣло началось налогами. Кромѣ платежа десятины со скотоводства и пчеловодства, стали требовать подати звѣриными кожами, потомъ десятину съ рыбной ловли. Хищничеству Жидовъ, обузданному при Сигизмундѣ II и Баторіѣ, снова дана полная свобода: они брали на аренду корчмы, постоялые дворы, хутора, деревни, и даже мѣстечки; захватили въ свои руки торговлю и самыя прибыльныя ремесла, и владѣли народомъ при посредствѣ Старостъ и помѣщиковъ, какъ полные властелины.

Сигизмундъ III не ограничился чернью, началъ стѣснять Козаковъ, лишать

ихъ правъ. Въ 1589 году на Конституціонномъ Сеймѣ было издано постановленіе, по коему Козаки должны были быть во власти Коронныхъ Гетмановъ и присягать, что не станутъ ничего предпринимать безъ воли его, и пр.; а всѣ граждане Государства Польскаго обязывались не смѣть продавать имъ не только порохъ, селитру и оружіе, но и жизненные припасы. Не одно Правительство притѣсняло вольныхъ Козаковъ, но и помѣщики, а еще болѣе Старосты, обременяя ихъ противозаконными податьми и переписями. Козаки принуждены были скрываться и обманывать Поляковъ, какъ это дѣлали Жиды въ подобныхъ случаяхъ; если-же хитрость не помогала, они поднимали оружіе, возбуждали чернь къ тому-же — и кровью отстаивали свои права (1). Всѣ средства Правительства прекратить ихъ набѣги на Татаръ и Турокъ оставались тщетными.

Наконецъ, по навѣтамъ Іезуитовъ, Сигизмундъ III повелѣлъ, или по крайней мѣрѣ, позволилъ Католикамъ притѣснять Украинцевъ въ свободномъ исповѣданіи вѣры Грекороссійской, угнѣтать Духовенство Украинское.

Еще въ XIII столѣтіи Иннокентій III и Иннокентій IV, Папы Римскіе старались склонить Грекороссіянъ къ соединенію вѣры своей съ Римско-Католическою; однако не имѣли никакого успѣха: Князь Галицкій Романъ въ 1204 и Князь Новгородскій Александръ Невскій въ 1252 году съ презрѣніемъ отвергнули ихъ предложенія, а Князь Галицкій Даніилъ въ 1247 году согласился на предложеніе Папы только на время для личныхъ выгодъ своихъ, и потомъ не убоялся смѣяться надъ угрозами и проклятіями Римскаго Первосвященника. Впрочемъ съ сего времени Папы никогда не выпускали изъ виду сего важнаго предмета своихъ замысловъ, и возобновили ихъ на Флорентинскомъ соборѣ въ

1439 году. — Болѣе другихъ старался о соединеніи вѣръ Папа Григорій XIII. Онъ желалъ склонить на свою сторону Іоанна IV Грознаго, и посылалъ, посему случаю въ Москву двухъ миссіонеровъ: Пресвитера Рудольфа въ 1576 и Іезуита Антонія въ 1581 году. Успѣха не было. Впрочемъ хитрый Антоній не удовольствовался отказомъ и угрозами Грознаго Царя, и продолжалъ свои сплѣтни и крамолы между Панами Украинскими и при Дворѣ Польскомъ. Стефанъ Баторій, равнодушный къ распрямъ за вѣру, также не принялъ участія въ трудѣ Антонія; и только съ восшествія на престолъ Польскій Сигизмунда III замыслы Папъ начали приходить къ исполненію. Янъ Тарновскій[1], Петръ Скарга и Бернардъ Голынскій, любимцы Сигизмунда III, овладѣвъ Правленіемъ Польши покровительствовали гоненіямъ на Грекороссіянъ въ противность не только старымъ привилегіямъ, но и привилегіямъ, даннымъ самимъ Сигизмун-

домъ III при вступленіи его на престолъ; дѣйствовали именемъ самаго Короля, и разсылали по Украинѣ толпы бродягъ, кои грабили домы, отнимали имущество, брали въ плѣнъ, сажали въ тюрмы тѣхъ, у кого уже нѣчего было взять, и ругались надъ Духовенствомъ Грекороссійскимъ. (2).

Утѣсненія исповѣдовавшимъ вѣру Православную начались на Волыни и Подолѣ, гдѣ многія изъ фамилій Дворянскихъ были уже закона Римскаго, гдѣ Старосты имѣли болѣе силы, а Жиды болѣе воли, гдѣ чернь была уже издавна пріучена терпѣть буйство своихъ властелиновъ, а Козаковъ было менѣе. Митрополитъ Кіевскій Михаилъ втайнѣ а Епископъ Луцкій и Острожскій Кириллъ открыто покровительствовали симъ утѣсненіямъ.

III.

Мятежи, порожденные налогами, самоуправствомъ помѣщиковъ, Старостъ

и Жидовъ, и даже стѣсненіемъ правъ Козацкихъ, были ничтожны въ сравненіи съ мятежами, бывшими слѣдствіемъ гоненій вѣры Православной: то были частныя вспышки, а сіи послѣдніе — пожаръ общій, иногда стихавшій, но никогда не прерывавшійся, пожаръ, который долженъ былъ или Украину превратить въ груду пепла, или Польшу низринуть въ бездну гибели: Козаки были фанатики, — они скорѣе согласились бы разстаться съ жизнію, нежели съ вѣрой предковъ; Козаки имѣли сильное вліяніе на народъ Украинскій; Козаки рѣшили участь его, — и Украина взволновалась.

На Бугѣ у Заволочья Запорожцы озвали Раду, положили вооружиться и противостать врагу земли родной, выбрали предводителемъ своимъ Христофора Косинскаго, и начали военныя дѣйствія. — Будучи родомъ изъ Полѣсья и притомъ Шляхтичь Польскій, Косинскій былъ однако привязанъ и сердцемъ

и вѣрой къ Украинцамъ и Козакамъ. Обиды, кои терпѣлъ онъ отъ Поляковъ на родинѣ, заставили его бѣжать на Днѣпръ и сдѣлаться Козакомъ. Уже въ 1587 году онъ отличился въ битвѣ съ Татарами; еще болѣе въ 1589 году.

Поляки, провѣдавши о возстаніи Козаковъ, выставили противъ Косинскаго 6000 войска, побѣдили, взяли въ плѣнъ многихъ воиновъ его, а самаго его заставили бѣжать далеко къ Днѣпру. Между тѣмъ Иванъ Лобода, сподвижникъ Косинскаго, собиралъ ополченія въ Переяславлѣ и Кіевѣ, и съ 6000 храбрыхъ Козаковъ пошелъ на помощь Косинскому. . . . Вскорѣ онъ снова отправился набирать ополченія. Косинскій же послалъ пословъ къ Князю Острожскому Константину, просить у него вспоможенія. Князь Острожскій хорошо принялъ пословъ Косинскаго, однако отказалъ въ помощи, говоря: — не знаю, чего ищете вы: славы-ли и чести или добычи; но увѣренъ, что ваши мятежи

не могутъ быть полезны для отчизны..— Отвѣтъ сей ожесточилъ Косинскаго. Пылая мщеніемъ противъ Князя, онъ подобно разбойнику вторгнулся въ собственныя его владѣнія, напалъ на поселянъ, и сталъ принуждать ихъ вступать въ его дружины. Князь Острожскій принужденъ былъ просить помощи у Поляковъ, встрѣтился съ Косинскимъ подъ мѣстечкомъ Пяткой, и сразился. На помощь Косинскому подоспѣли новые отряды, набранные Лободою; однако уже поздно. Козаки билисъ храбро, но были побѣждены. Польское Правительство, опасаясь новыхъ нападеній отъ Козаковъ, приняло свои мѣры, разставило по городамъ Украинскимъ гарнизоны, распустило между Козаковъ тайныхъ лазутчиковъ, — и не много спустя, Косинскій былъ схваченъ и преданъ казни (3).

Остальные отряды Лободы, ходившіе подъ его личнымъ предводительствомъ на Татаръ Буджацкихъ, разграбили около Бѣлгорода Юрьевскую яр-

марку, сожгли Цецору, опустошили Ясы; а потомъ, сразившись съ Поляками подъ Ямполемъ, были разбиты и разогнаны.

Мятежи Кіевскій, Переяславскій и Лубенскій кончились, какъ обыкновенно оканчиваются возстанія слабыхъ противъ сильныхъ: зачинщики были казнены, остальные мятежники разсѣяны (4). Однако Украинцы и Козаки не устали. Хотя войска Польскія, вошедши въ Украину, и подавляли мелкія возмущенія; но онѣ возобновлялись безпрестанно, подобно фениксу изъ подъ пепла.

Между тѣмъ Сигизмундъ III возвратился изъ Швеціи, куда ѣздилъ по смерти отца своего Іоанна Короля Шведскаго для полученія наслѣдства отцовскаго, возвратился, — и Унія, т. е. соединеніе церквей Греческой и Римской, явилась на Украинѣ со всѣми ужасами своими. Соборы Кіевскій и Брестскій положили ей твердое основаніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

IV.

Соборъ Кіевскій былъ въ 1595 году. Епископъ Кириллъ болѣе всѣхъ старался о составленіи онаго, и по открытіи засѣданій предложилъ Духовенству предаться Папѣ, отказавшись отъ Патріарха, и принять догматы вѣроисповѣданія Римскаго. Сообщники Кирилла, будучи до того времени обольщаемы коварными предложеніями Папы и Сигизмунда III, надѣясь на новыя выгоды какъ со стороны важности сана, такъ и со стороны доходовъ, колебались недолго. Митрополитъ Михаилъ, Епископъ Владимірскій Ипатій, Архіепископъ Полоцкій Германъ, Епископъ Пинскій Леонтій и Епископъ Хельмскій Діонисій приняли

единодушно предложеніе Кирилла. Епископъ Львовскій Гедеонъ и Перемышльскій Михаилъ противились общему рѣшенію, но ихъ не послушались, и заставили подписать два кожаныхъ бланкета: на одномъ изъ нихъ написали потомъ прошеніе къ Папѣ, а на другомъ донесеніе Сигизмунду о томъ, что всѣ они желаютъ Уніи. Епископы Кириллъ и Ипатій отправились въ Римъ послами, и явились въ Римѣ въ Ноябрѣ. Папа принялъ пословъ благосклонно, далъ имъ для жительства особенный домъ, велѣлъ отпускать щедрою рукой деньги на содержаніе, величалъ послами духовенства Россійскаго. 23 Декабря послы представлены были Папѣ въ Ватиканѣ, въ дворцѣ Константиновомъ; два раза повергались предъ нимъ на землю, и цѣловали его святительскія ноги. Они просили Климента VIII отъ имени всего Духовенства Русскаго о присоединеніи его на нѣкоторыхъ условіяхъ къ Церкви Римской, обѣщая быть въ его

власти и воли; и, когда Папа согласился на условія, дали присягу въ искреннемъ признаніи догматовъ и распространеніи оныхъ по мѣрѣ возможности.

Такимъ образомъ положено начало Уніи, — и Папа въ память сего знаменитаго событія повелѣлъ выбить медаль, на которой съ одной стороны изобразить себя во весь ростъ на тронѣ а у ногъ Русскаго съ надписью: Ruthenis receptis 1596; а съ другой свой погрудный портретъ.

V.

Велика была радость Папы и всего духовенства Римскаго; велики почести Посламъ Духовенства Украинскаго; радовался Сигизмундъ III; тщеславились Іезуиты своимъ искуствомъ обращать въ вѣру Католическую. А между тѣмъ бродники Польскіе опустошали села и деревни, грабили, и проливали кровь беззащитныхъ. Жиды въ свою очередь не

перестали разнообразить свои злодѣйства. Украина бѣдствовала; — но терпѣніе должно было наконецъ кончиться; — и волненіе народное развилось предвозвѣстительною хоругвію скораго возстанія.

Крестьяне оставляли своихъ помѣщиковъ, и бѣжали иные въ лѣса, другіе къ порогамъ Днѣпровскимъ, гдѣ соединялись съ дружинами буйныхъ Гайдамакъ. Свободные жители толпами блуждали по Украинѣ, жгли села и деревни, въ коихъ встрѣчали Поляковъ или Уніатовъ; Жидовъ предавали живыхъ землѣ или мучительнымъ казнямъ. Дворяне, бывшіе на сторонѣ Правительства Польскаго, принуждены были бѣжать въ Польшу, или просить защиты у Польскихъ войскъ; не успѣвавшіе скрыться или противостать силой силѣ мятежниковъ имѣли участь подобную Жидамъ. Тѣ-же изъ Дворянъ, кои были противъ Сигизмунда III, стекались въ Подоль подъ знамена Константина Князя

Острожскаго Воеводы Кіевскаго, и Александра Воеводы Волынскаго. Сіи два Князя, взлелѣянные въ колыбели благоговѣнія къ вѣрѣ Православной, первые въ сіе время подали знакъ къ возмущенію противъ притѣснителей отчизны и Православія. На сеймѣ 1595 года положили они составить ополченіе и принудить Поляковъ прекратить гоненія. Во всѣ края Украины разосланы были вѣстовщики, возбуждавшіе народъ къ поднятію оружія, читавшіе въ церквахъ и на площадяхъ прокламацію Князя Константина Острожскаго, данную 1595 Іюля 24. Вотъ что между прочимъ написано было въ сей прокламаціи: — Аще бо отъ начала міра и до днесь врагъ и супостатъ нашъ дьяволъ не престаетъ, воююще на истинную вѣру, различными козньми ополчался, паче-же, яко глаголетъ Господь, приходитъ врагъ, и сѣетъ плевелы межи пшеницею. Но намъ не треба симъ прельщатися, но крѣпко стояти, вооружившеся, не дающе плещь

рекше шыла врагу, просяще отъ Бога помощи, яко да сокрушитъ сатану подъ ноги наша: вся-бо сія грѣхъ ради нашихъ попущеніемъ Божіимъ бываютъ, возбуждающе насъ отъ сна, и въ цѣломудріе приводяще, да свѣтъ будетъ и пребудетъ; яко да Боголюбецы обявятъся, а сластолюбцы обличени и посрамлени будутъ. —

VI.

Князья Острожскіе собирали войска, грозили Полякамъ и Уніатамъ войной, но оставались при однѣхъ угрозахъ, надѣясь, вѣроятно, обойдтись безъ кровопролитія. Козаки Запорожскіе, приставашіе дотолѣ къ отрядамъ Острожскимъ, начали скучать бездѣйственною жизнію, и рѣшились наконецъ образовать собственное свое ополченіе.

Въ концѣ 1595 года на Бугаевской Радѣ Полковнику Лободѣ поручено было предводительство, и въ непродолжительномъ времени войско выступило въ по-

ходъ къ Брестү. Сигизмундъ III, провѣдавши о сихъ вооруженіяхъ, выслалъ войско отразить дружину Лободы. Въ то самое время, когда въ Кіевѣ Духовенство Грекороссійское мечтало о Папѣ и соединеніи церквей, Поляки встрѣтились съ войскомъ Лободы, состоявшимъ изъ 5 полковъ, близъ Пятки, той самой Пятки, гдѣ за два года предъ тѣмъ войско Косинскаго было разбито. Поляки почти всѣ пали на полѣ сраженія; Лобода потерялъ болѣе двухъ третей своихъ дружинъ, однако одержалъ побѣду, и заставилъ Поляковъ спасаться бѣгствомъ.

Онъ разсѣялъ тогда свои войска по Кіевской области, а Хорунжаго Саула послалъ въ Литву. Притѣсняемый Поляками народъ оставлялъ по всюду свои жилища, и умножалъ собою дружины Козацкія.

Одна изъ важнѣйшихъ побѣдъ Лободы надъ Поляками была въ сіе время у Ладыжина.

VII.

Послѣ Пяпковской бипвы Козаки собрались на Раду въ Чигринѣ, и по предложенію Лободы избрали Гепманомъ Павла Гвоздича Наливайка, съ условіемъ, чшо бы Иванъ Лобода, Полковникъ Переяславскій и Максимъ Овара Полковникъ Гадяцкій были его помощниками въ дѣлахъ военныхъ. Дружины Гепмана Наливайка, Полковниковъ: Лободы и Овары, и Хорунжихъ Саула и Шашка, выспупили въ походъ, — и вскорѣ Самборъ, Луцкъ, Тарнополь, Брацлавъ, Могилевъ на Днѣспрѣ и многіе другіе города испыпали крѣпосшь меча Козацкаго. Разграбленные, полусожженные, они опусшѣли; жишели бѣжали въ лѣса; на дымящихся развалинахъ Козаки пировали свои побѣды. Часто до Сигизмунда, заперпшаго въ своей божницѣ, доходили сшрашныя вѣспи, но Сигизмундъ былъ слишкомъ бѣденъ войскомъ, еще бѣднѣе деньгами, — и не зналъ чшо дѣ-

лать. Наконецъ онъ рѣшился вызвать Короннаго Гетмана Жолкѣвскаго изъ Молдавіи, и написалъ къ нему письмо, прося его быть защитникомъ спокойствія Республики.

Въ Февралѣ 1596 года гонецъ Сигизмундовъ прибылъ въ Молдавію, и чрезъ недѣлю 1000 всадниковъ выступили по пути къ Брацлаву, около котораго дружины Наливайка въ то время карали враговъ Православія.

Не ожидая Поляковъ, Наливайко не принималъ никакихъ предосторожностей, позволялъ своимъ воинамъ раздѣляться на малые отряды по нѣскольку сотъ и менѣе, и самъ пировалъ въ Новоградѣ.

Отрядъ Гайдомакъ подъ начальствомъ Грушка занялъ Мацѣйовичи, и, ограбивъ по обычаю жителей, началъ свой разгульный пиръ. Уже всѣ были пьяны; иные дремали, иные пѣли пѣсни побѣды, когда внезапно еще до разсвѣта звукъ трубъ и ржаніе коней раздался у околицы, — и 1000 всадниковъ, предво-

димыхъ самимъ Жолкѣвскимъ, ворвались въ мѣстечко. — Сдавайтесь! — кричатъ Ляхи. — Бейтесь! — кричатъ пьяные Козаки. Начинается сѣча. Побѣда не клонится ни на ту ни на другую сторону; Поляки поджигаютъ домы, и, пользуясь смятеніемъ жителей и Козаковъ, схватываютъ послѣднихъ и предаютъ казни.

Наливайко, узнавши о семъ пораженіи, бѣжалъ за рѣку Собь и Черныя воды въ степь Гуманскую; а между тѣмъ Лобода ворвался въ Баръ, и, обогатившись добычей, явился подъ Бѣлою Церковью. Здѣсь соединились всѣ главные отряды дружинъ Козацкихъ. Жолкѣвскій подоспѣлъ туда же. Произошла битва,— и Козаки побѣдили; произошла другая битва, — и Козаки принуждены были бѣжать.

Между тѣмъ буйные Гайдомаки производили мятежи, бродили изъ города въ городъ, разбивали гарнизоны Польскіе, и наконецъ собрались въ Каневѣ. Жол-

кѣвскій пошелъ къ Каневу, разбилъ Гайдомакъ, разорилъ Каневскія Козацкія поселенія, защищаемыя Тешерею и Тешеренкомъ; потомъ разбилъ Козаковъ у Крутой могилы, и остановился подождать, пока подойдутъ къ нему отряды, посланные для усмиренія Козаковъ, возставшихъ на Поляковъ и возмущавшихъ чернь въ нѣкоторыхъ городахъ Сѣверной Украины; и когда сіи отряды явились, успѣвъ на нѣсколькихъ битвахъ сразить Козаковъ, Жолкѣвскій двинулся къ Чигрину, гдѣ уже ожидало его войско Запорожское съ Гетманомъ Наливайкомъ. Оно раздѣлено было на три части: Наливайко принялъ начальство надъ главнымъ корпусомъ; лѣвое крыло поручилъ Полковнику Оварѣ и Асаулу, а правое Полковнику Лободѣ и Обозному. Все войско состояло изъ 20,000, исключая отряды Гайдомакъ, кои расположились таборомъ не подалеку отъ окоповъ, и прикрыли ряды свои пушками.

Наливайко, не рѣшаясь самъ начать дѣло, ожидалъ призывной вѣсти къ битвѣ отъ Гетмана Жолкѣвскаго, и ожидалъ не долго. Поляки, желая устрашить Козаковъ, выставили близь шанцевъ своихъ три креста, и на нихъ въ виду Запорожскаго стана повѣсили двухъ старшинъ Козацкихъ: Сомина и Богуна; а третій крестъ оставили пустымъ, угрожая повѣсить на немъ того, кто первый осмѣлится воспротивиться имъ, и требовали сдаться. Въ отвѣтъ на сей сигналъ, Наливайко выставилъ три бѣлыя крещатыя хоругви, съ надписью: миръ Христіанству, а на начинающаго Богъ и его крестъ. — Не медленно за симъ началось нападеніе Поляковъ на станъ Козацкій и пальба изъ орудій. Поляки, не смотря на всѣ свои усилія, не могли выдвинуть Козаковъ изъ укрѣпленій. Войска Жолкѣвскаго отъ мелкихъ нападеній на станъ Козацкій пришли въ безпорядокъ. Тогда Гайдамаки двинулись въ самую средину стана Польска-

го; за ними полкъ Овары, Лободы и наконецъ главная дружина подъ предводительствомъ Наливайка. Битва вскипѣла. Болѣе семи часовъ длилась она, суля побѣдой то одной то другой сторонѣ, и кончилась пораженіемъ Поляковъ. Козаки ожесточились до того, что и слышать не хотѣли о пощадѣ: раненныхъ, упадавшихъ на землю добивали; бросавшихся въ Тясминъ вытаскивали арканами, и изрубливали въ куски. Поляки спасались однимъ бѣгствомъ. Не успѣвшіе скрыться пали на полѣ битвы и по окрестной степи. Наливайко потерялъ 5000, большею частію изъ дружины Овары, растерзаннаго на сей битвѣ. Жолкѣвскій потерялъ гораздо болѣе. (5)

Въ это самое время остальные отряды войска Польскаго грабили Восточную Украину; два раза разбили Полковника Юпчинскаго, принудили его бѣжать къ Переяславлю, и, сожегши хутора Козацкіе вокругъ Пырятина, въ которыхъ оставались однѣ жены и дѣти,

пошли вслѣдъ за Юнчинскимъ. Наливайко послалъ на помощь сему храброму вождю Лободу съ 3000, а самъ направилъ путь къ рѣкѣ Случи за Жолкѣвскимъ, и по дорогѣ до Слуцка и Могилева нѣсколько разъ жестоко разбилъ Поляковъ. Болѣе другихъ пострадали сіи два города.

Окруживши городъ Могилевъ Наливайко требовалъ выдачи всѣхъ Жидовъ и Уніатовъ, въ немъ находившихся. Требованія сіи не были исполнены, — и Наливайко осадилъ городъ. Гайдомаки подожгли его со всѣхъ сторонъ, и вторглись въ него первые. Гарнизонъ былъ разбитъ; Жиды перерѣзаны; городъ разоренъ и превращенъ въ пепелъ (8).

Между тѣмъ войска [illegible]ѣвскаго, разогнанныя Наливайкомъ въ разныя стороны, соединились близь Кіева, сразились у монастыря Печерскаго съ Гайдомаками, коими предводительствовалъ Лобода и Атаманъ Подвысоцкій, и, перешедши черезъ Днѣпръ, явились у Пе-

реяславлъ. Наливайко устремился туда-же. Произошла битва. Козаки разбиты, и бѣжали къ Лубнамъ.

Около сего города на урочищѣ Солоницѣ разразилась новая битва, еще болѣе несчастная для Козаковъ. Они были разбиты. Наливайко и многіе другіе Старшины Козацкіе взяты въ плѣнъ, и въ Варшавѣ преданы мучительной казни (7. 8.) Козаки, находившіеся подъ начальствомъ Подвысоцкаго, въ свою очередь просили у Жолкѣвскаго пощады, и предались въ его волю. Многіе изъ нихъ принуждены были принять Унію; въ числѣ другихъ и Ѳедоръ Теперенко (9. 10).

Ополченные воины Острожскіе иные пристали къ Запорожцамъ, иные разошлись по домамъ, иные начали промышлять разбоями. Князья Острожскіе успѣли прекратить гоненія только въ своихъ владѣніяхъ.

VIII.

Между тѣмъ Епископы Кириллъ и Ипатій возвратились изъ Рима, — и от-

спутники начали снова свои совѣщанія. Но они увидѣли, что должно или совсѣмъ бросить начатое дѣло или дѣйствовать рѣшительно; ибо волненіе народное, подкрѣпляемое съ одной стороны Князьями Острожскими, а съ другой Епископомъ Львовскимъ Гедеономъ, увеличивалось безпрерывно. Приверженцевъ къ Уніи становилось время отъ времени меньше: это заставило Уніатовъ отважиться на новое дерзкое предпріятіе. Окружною грамотой они объявили о преднамѣреваемомъ ими Соборѣ въ Брестѣ, и назначили сей Соборъ 1596 Октября 6, говоря, что на немъ долженствуетъ быть примиреніе между принявшими Унію и не принявшими оной.

Октябрь мѣсяцъ наступилъ, и Брестъ зашумѣлъ отъ необычайнаго стеченія нетерпѣливо жданныхъ гостей. Главные изъ приверженцевъ Уніи, туда явившихся, были:

Митрополитъ Михаилъ Рогоза,

Епископъ Владимірскій Ипатій Поцѣй,

Епископъ Луцкій Кириллъ Терлецкій,
Епископъ Полоцкій Гермогенъ,
Епископъ Пинскій Іоаннъ Гоголь,
Епископъ Хельмскій Діонисій Збируйскій,
Папскій Нунцій и Послы,
Іезуитъ Петръ Скарга,
Послы Сигизмунда III,
Нѣсколько Польскихъ Сенаторовъ, Дворянъ, и пр.

Защитники вѣры Православной были:
Епископъ Львовскій Гедеонъ Балабанъ, какъ представитель,
Епископъ Перемышльскій, Михаилъ Копыстенскій,
Ректоръ Острожскаго училища, Кириллъ Лукарій,
Посолъ Патріаршій Грекъ Никифоръ,
Князь Острожскій,
Князь Юрій Друцкій-Горскій,
Многіе знатнѣйшіе Дворяне, Духовники и пр.

Первое собраніе было 6 Октября, и окончилось ничѣмъ.

На второмъ собраніи, 9 Октября, приверженцы вѣры Православной представили протестацію, въ которой требовали разрыва съ Папой и Духовенствомъ, разстриженія всѣхъ отступившихъ отъ Патріарха, и обѣщанія ничего не предпринимать касательно вѣры безъ вѣдома и согласія Патріарха. Противники отвергли сію протестацію, требовали союза съ Папой и покорности его волѣ; но, видя, что ни убѣжденія ни угрозы не будутъ дѣйствительны, разошлись; явились въ церкви Св. Николая, всенародно прочли свою грамоту, и торжественно провозгласили Унію. Сія дерзость, столь рѣшительная, столь обдуманная, доказываетъ впрочемъ не столько силу Уніатовъ, сколько ихъ самонадѣянность, могущество Папъ и Католицизма, и то постыдное униженіе, въ какомъ былъ тогда Патріархъ и все Духовенство Греческое. Вѣра Православная цвѣла въ то время только въ одномъ Царствѣ Русскомъ, а поли-

шика Двора Московскаго была всегда слишкомъ далека отъ распрей за вѣру.

Слѣдствіемъ разногласія между членами Собора Брестскаго было, что вмѣсто одного собора, явилось ихъ два, и на нихъ вмѣсто мирныхъ соглашеній гремѣли проклятія, проливалась кровь невинныхъ жертвъ, взлелѣяно сѣмя вражды между двумя народами, — вражды, которую изгонитъ изъ своего сердца одинъ только тогда, когда исчезнетъ другой.

Наконецъ ревнители Православія рѣшились на послѣднее: отправили депутатовъ къ Королю Сигизмунду III съ просьбою, дабы онъ благоволилъ изъ Епархій Грекороссійскихъ выгнать всѣхъ Епископовъ Уніатскихъ, и утвердилъ бы на ихъ мѣстѣ избранныхъ ими. Просьба осталась втунѣ. Король не только не согласился исполнить оную, но сверхъ того употребилъ всѣ мѣры къ защищенію Уніатовъ, и къ притѣсненію Грекороссіянъ. Тогда Уніаты снова пріобрѣли силу, снова начали свои буйства:

насильно присвоевали себѣ знатнѣйшіе монастыри и приходскія церкви; остальные особенно по городамъ разоряли или запечатывали; священниковъ ловили и мучили, и народъ, собиравшійся для молебствій за городомъ въ шалашахъ, разгоняли, а не рѣдко и просто умерщвляли (11). . . .

Кровью и слезами привѣтствовала Украина XVII вѣкъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

IX.

Гоненія Поляковъ и Уніатовъ на Православныхъ заставили многихъ Козаковъ удалиться въ степи Запорожскія и начать новыя брани съ другими врагами Православія — Турками и Татарами, кои, пользуясь отсутствіемъ Козаковъ, разорили нѣкоторыя крѣпости Козацкія по берегамъ Черного моря и на островахъ Днѣпровскихъ; увели многіе табуны Запорожскіе въ свои Крымскіе Улусы, и овладѣли большимъ пространствомъ въ степяхъ Днѣпровскихъ.

Въ сіе самое время Гетманомъ войска Запорожскаго озвался Петръ Конашевичъ Сагайдачный, бывшій дотолѣ Генеральнымъ Обознымъ (12).

Устроивши Козаковъ въ прежній порядокъ, онъ началъ воевать противъ невѣрныхъ. Каждый годъ отправлялся онъ то въ Крымъ, то въ Турцію, то на южные берега Чернаго моря. Подъ его знаменами Козаки, увѣренные въ побѣдѣ, почти никогда не были побѣждаемы, и всегда возвращались на родину съ богатою добычей. Въ 1606 году они осадили, взяли, и разорили крѣпость Турецкую Варну, и одержали знатную побѣду на морѣ надъ Турецкими галерами. Въ 1607 разбили Ханскія войска близь Перекопа, и заставили самаго Хана бѣжать въ Турцію. Въ 1608 — 1609 сдѣлали опустошеніе на берегахъ Анатолійскихъ. Въ 1612 взяли приступомъ городъ Кафу, и освободили въ ней изъ плѣну многихъ Христіанъ; разорили Козловъ; разбили Татаръ Буджацкихъ и Крымскихъ въ степи, и помогали Донцамъ противу Татаръ. Въ 1613 воевали съ Татарами на рѣкѣ Донѣ. Въ 1614 — 1615 снова отправились въ Анатолію,

взяли Синопъ и Трапезонтъ, и одержали нѣсколько побѣдъ надъ Турками на морѣ. Въ 1616 сразились на морѣ съ Сефферъ-Пашею, и обращили въ пепелъ его Италіянскіе суда. Въ 1617 снова разбили Татаръ подъ Перекопомъ (18).

Оскорбленные безпрерывными нападеніями Козаковъ, Турки сначала просили Правительство Польское усмирить ихъ, а потомъ, видя что просьба ихъ не дѣйствуетъ, начали грозить Полякамъ войною, и въ своимъ Диванѣ положили овладѣть Днѣпромъ, Кіевомъ и всей Украиной; Татаръ переселить поближе къ Польшѣ, и даже самую Польшу сдѣлать своей данницей. Поляки хотя и обѣщали Туркамъ не только смирить но даже и истребить Козаковъ; однако, имѣя сами нужду въ Козакахъ, оставляли свои обѣщанія безъ исполненія, довольствовались угрозами, или вымѣщали на простомъ народѣ Украинскомъ и Козакахъ охочекомонныхъ, не переставали принуждать ихъ къ Уніи,

употребляя къ сему всѣ возможныя средства, и особенно по смерти знаменитаго Константина Князя Острожскаго съ 1608 года.

Тогда-то явился между гонителями Православія изверг рода человѣческаго, разоритель Христіанской истины, Епископъ Полоцкій, Уніатъ Іосафатъ Кунцевичъ, низкій родомъ, но высокій коварствомъ, крамолами и злобою къ Православнымъ. Какихъ злодѣйствъ не употреблялъ онъ дабы увеличить количество Уніатовъ въ Украинѣ: онъ сажалъ въ темницы священниковъ, приказывалъ сѣчь всенародно на площадяхъ несчастныхъ простолюдиновъ; не позволялъ исполнять ни какихъ обрядовъ вѣры, разрушалъ храмы, или обращалъ въ Уніатскіе. Всѣ представленія Гетмана Сагайдачнаго ему самому и даже Правительству Польскому оставались тщетны. Онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, между Козаками уменьшить охоту къ отступничеству, увѣщевалъ ихъ уни-

версалами пребыть вѣрными вѣрѣ предковъ, употреблялъ даже и жестокости. Все было напрасно. Козаки отступники выбирали себѣ самопроизвольно особенныхъ вождей, и вмѣстѣ съ Поляками руиновали церковь Православную (14).

Между тѣмъ Козаки вѣрные вѣрѣ предковъ опустошали области Турецкія, и заставили наконецъ Турковъ начать войну съ Польшей. Поляки угрожаемые Турками, послали къ Козакамъ Коммиссаровъ взять съ нихъ обѣщаніе оставить Турковъ въ покоѣ, — и Козаки дали письменный обѣтъ за подписью всѣхъ старшинъ: Гетмана Конашевича, Асауловъ Ивана Машаревича, Лаурины, Богдана, Балыка, Харлака и др.; но по отъѣздѣ Комиссаровъ возобновили свои наѣзды... Перемиріе, заключенное надъ рѣкою Днѣстромъ при мѣстечкѣ Яругѣ 26 Сентября 1617 года, по которому Турки потребовали отъ Поляковъ усмирить Козаковъ, или даже и уничтожить, имѣло слѣдствіемъ новыя нападенія Ко-

заковъ на области Турецкія, и новыя набѣги Татаръ на Украину. Козаки взяли и ограбили Варну, Тегинь, Козловъ, Очаковъ, Акерманъ, Ѳеодосію, Синопъ и Трапезонтъ, а на морскомъ сраженіи съ Киликійскимъ Пашею потопили три его корабля и его самого предали казни.

На слѣдующій годъ война Поляковъ съ Турками открылась. Соединенныя силы Турковъ, Татаръ и Волоховъ, всего до 400 000, встрѣтились съ войскомъ Польскимъ, бывшимъ подъ предводительствомъ Короннаго Гетмана Жолкѣвскаго при мѣстечкѣ Цецорѣ. Между войсками Польскими были и Козаки подъ начальствомъ самаго Гетмана Сагайдачнаго. 1620 года 7 Октября произошло сраженіе. Сила одержала побѣду надъ храбростію. Поляки жестоко разбиты и обращены въ бѣгство; большая часть Козаковъ пала на мѣстѣ битвы. Тутъже палъ и Жолкѣвскій.

Другая битва Поляковъ и Козаковъ съ Турками была въ слѣдующемъ году,

близь Хотина. Поляки побѣдили, и принудили Турковъ заключить миръ. Гетманъ Сагайдачный, получившiи предъ симъ сраженiемъ торжественный обѣтъ вѣрности отъ всего войска Запорожскаго, и раздѣлившiй въ то время славу съ товарищемъ своимъ Михаиломъ Дорошенкомъ, былъ раненъ въ сей битвѣ столь жестоко, что отъ ранъ, едва успѣвши доѣхать до Кiева, умеръ и погребенъ въ Кiевобратскомъ монастырѣ, имъ же самимъ построенномъ (15).

По смерти Сагайдачнаго, гоненiя на Украинцевъ и Козаковъ усилились до невѣроятности. Хотя неистовый Кунцевичъ и былъ мучительски умерщвленъ Витебцами въ 1623 (16); хотя многiе Iезуиты и Унiаты, возбуждавшiе своихъ собратiй къ гоненiямъ были переловлены и сожжены, иные въ Переяславлѣ, иные въ Лубнахъ; однако это не только не уменьшило гоненiй, а еще болѣе увеличило, остервенивъ нечестив-

цевъ, и возбудилъ въ нихъ месть до смершную.

По смерши Гешмана Сагайдачнаго, избранъ Гешманомъ Нечай, сшарецъ. Въ 1622 году на урочищѣ Сшаромъ яру онъ сразился съ Ташарами и вмѣсшѣ со своими сподвижниками: Горленкомъ, Сшосурой, Ѳомою Безроднымъ погибъ ошъ рукъ невѣрныхъ (17).

Наслѣдникомъ его былъ сынъ его Нечаенко. Онъ ходилъ въ 1623 году на Поляковъ подъ Бресшъ, всшупилъ съ ними въ мирные переговоры, принялъ Унію; и пошомъ, соединивши свои дружины съ ошрядами Польскими, ходилъ на Ташаръ Буджацкихъ, кои набѣгали на Подолъ. Въ сраженіи подъ Киліей онъ былъ убишъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

X.

Еще до смерти Гетмана Сагайдачнаго многіе Козаки составили между собою тайные заговоры и партіи, коихъ предметомъ и цѣлію было уничтоженіе власти Польской, истребленіе Уніатовъ и Жидовъ. Сіи партіи съ каждымъ годомъ возрастали все болѣе; однако продолжали скрываться. Правительство Польское видѣло погибель нѣкоторыхъ знатныхъ дворянъ и сановниковъ духовныхъ, дѣлало свои предположенія, и незнало, кого обвинять. Заговорщики разоряли многіе замки, проникали въ глубь Польши, не будучи узнаваемы, совершали тамъ свои злодѣянія, предпринимали умертвить и самаго Сигизмунда III, и

наконецъ около 1628 рѣшились дѣйствовать открыто. Войско Польское вступило въ Украину, разсѣялось по окрестностямъ Кіева, и начало свои грабежи. Архимандритомъ Кіевопечерскаго монастыря былъ въ то время знаменитый Никифоръ Туръ. Онъ возбудилъ въ народѣ явное возмущеніе: со всѣхъ сторонъ толпы стекались въ Кіевъ, и съ его благословеніемъ поднимали оружіе. Григорій Козакъ, Гетманъ Козацкій, избранный самимъ Королемъ поспѣшилъ въ Кіевъ дабы усмирить народъ, и началъ дѣло казнями. Никифоръ вышелъ наконецъ изъ терпѣнія, явился на площади и своею рѣчью такъ преклонилъ Козаковъ на свою сторону, что они, провозгласивши его своимъ Гетманомъ, ринулись на Григорія Козака и, съ крикомъ: гибель зрадннку, разнесли его на сабляхъ. . . .

Подъ начальствомъ Гетмана Тараса Трясилы Боровца Козаки отправились въ Польшу, силою принудить По-

ляковъ прекрашишь гоненія на Украинѣ. Что сдѣлали они, что было съ ними, — неизвѣстно.

Коронный Гетманъ Конецпольскій, провѣдавши, что Гетманъ Тарасъ собираетъ свои дружины въ Терехтемировѣ съ намѣреніемъ вновь идти въ Польшу, пошелъ къ нему на встрѣчу съ сильнымъ войскомъ. Гетманъ Трясило отступилъ къ Переяславлю; Конецпольскій слѣдовалъ за нимъ. Дошедши до Переяславля, Трясило окопался при урочищѣ Крутой облогѣ между рѣками Трубежемъ и Альтой. Поляки также окопались невдалекѣ отъ стана Козацкаго. Трясило длилъ перестрѣлку до самой ночи. Козаки съ двухъ сторонъ двинулись на Поляковъ, ворвались въ ихъ станъ, зажгли обозъ, овладѣли пушками. Много Поляковъ легло въ сей битвѣ: однихъ дворянъ до 300 человѣкъ; много взято въ плѣнъ: самъ Конецпольскій едва не попался въ руки остервенившихся Ко-

законъ. Всѣ плѣнные были перѣзаны или утоплены.

За сей битвой, извѣстной подъ именемъ *Тарасовой ночи*, слѣдовали другія битвы, можетъ быть, не менѣе славныя для Козаковъ. Слѣдствіемъ оныхъ было то, что большая часть Украины освободилась отъ Поляковъ и Жидовъ; первые были изгнаны; а послѣдніе въ числѣ многихъ тысячь лишены жизни.

Конецпольскій возвратился, осадилъ опять Переяславль, и снова былъ нѣсколько разъ побѣжденъ Козаками. . . .

Тогда счастье оглянулось на землю Украинскую, и она узнала радость . . . но та радость, то счастіе были предтечами грозной бури.

Гетманъ Трясило, вѣроятно, былъ казненъ.

Мѣсто его заступилъ Иванъ Павлюкъ. Онъ сразился съ Поляками близъ Слуцка, разбитъ, взятъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Варшаву и преданъ казни.

Такой-же участи подверглись и нѣкоторые другіе предводители Козацкіе, кои рѣшались возставать противъ Поляковъ.

Гетманъ Семенъ Перевязка предался на сторону Польши, содѣйствовалъ Уніатамъ водворяться въ городахъ Украинскихъ, ввелъ повсюду войска Польскія. Козаки взбунтовались, заключили Перевязку въ тюрьму; но Перевязко нашелъ случай уйдти въ Польшу. . . .

XI.

1632 года Апрѣля 30 Сигизмундъ III умеръ.

Почти въ то-же самое время въ Переяславлѣ возгорѣлся бунтъ. Чернь, будучи не въ силахъ долѣе терпѣть жестокостей отъ Уніатовъ и Жидовъ, вооружилась, ночью 20 Марта подняла тревогу, и зажгла косцёлъ Уніатскій. Главные Уніатскіе духовные сановники были удушены; Жиды захвачены и умерщ-

влены; гарнизонъ весь погибъ. Съ того времени Переяславль названъ мятежнымъ городомъ. За Переяславскимъ бунтомъ слѣдовали нѣкоторые другіе; но они ни мало не помогли Украинцамъ противъ Поляковъ.

Ужасно было въ ту годину состояніе Украинцевъ. Права ихъ были нарушены; вѣра попрана; Церкви и монастыри издавна сооруженные, иные запустѣли, иные запечатаны, иные обращены въ гостинные и питейные дворы, иные разграблены и превращены въ развалины. Священниковъ мучили пытками, и казнили. Простолюдиновъ грабили, сажали въ тюрьмы и морили голодомъ. Дѣти умирали безъ крещенія и очищенія отъ грѣховъ; взрослые жили безбрачно; не зная ни исповѣди, ни причащенія Св. Таинъ. Мертвые погребались безъ обрядовъ. Привиллегіи, коими дарилъ Украинцевъ Сигизмундъ III, оставались безъ исполненія (18).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

XII.

Наслѣдникъ и сынъ Сигизмунда III, Владиславъ IV, былъ великъ желаніемъ прославиться и искусствомъ давать обѣты.

На Сеймѣ во время его избранія на престолъ Польскій, Грекороссіяне подали прошеніе о пресѣченіи гоненій. Не разъ подобныя просьбы были подаваемы Сигизмунду III, но всѣ онѣ оставались безъ всякаго вниманія, и дѣла о Неунитахъ были отлагаемы на будущее время. Можно было-бы предполагать, что и съ сей просьбой поступлено будетъ также; однако не такъ случилось: просьба, къ крайнему изумленію Украинцевъ,

была услышана. Тотчасъ нарядили депутацію, въ которой председательствовалъ самъ Владиславъ; разсмотрѣли дѣла Неунитовъ, и постановили статьи примиренія ихъ съ Уніатами. Грекороссіянамъ возвращены были нѣкоторыя права, позволено исповѣдовать вѣру свою открыто, исполнять всѣ обряды; Уніатамъ позволено имѣть своего отдѣльнаго Митрополита и Епископовъ. Владиславъ своеручно подписалъ сіи статьи; потомъ при избраніи его Королемъ Польскимъ, обѣщалъ исполнять ихъ во всей силѣ, и наконецъ во время коронаціи подтвердилъ свой обѣтъ присягою. Но гоненія стихли на мигъ, и снова разразились надъ главами Украинцевъ. Чернь и Козаки возобновили мятежи и бунты. Явились войска для усмиренія мятежниковъ. Произошло нѣсколько битвъ, — Козаки почти вездѣ разбиты; народныя ополченія, набранныя нѣкоторыми изъ старшинъ войска Запорожскаго были

разсѣяны. Настала година прежнихъ бѣдствій.

XIII.

Неудачи заставили Козаковъ бѣжать въ Запорожье, оставивъ въ Украинѣ свои семейства и богатства, и начать перезывать изъ оной всѣхъ, могущихъ носить оружіе. Приглашеніе было, конечно, услышано; толпы ополченныхъ безпрерывно уходили въ степи; — Украина пустѣла. Желая остановить сіи побѣги, Поляки построили на Днѣпрѣ выше пороговъ крѣпость Койдакъ, или Липѣвскую засѣку; однако напрасно: Козаки, подъ начальствомъ Гетмана Павла Павлюка и Кошеваго Атамана Сулимы, осадили сію крѣпость, взяли, вырѣзали весь гарнизонъ, въ ней находившійся, и самую крѣпость разрушили до основанія, въ 1635 году. Оттуда они отправились къ Чигрину, коимъ завладѣли было Поляки, и, одержавши новую побѣду надъ ними пошли къ Черкасамъ.

Поляки снова разбиты. Козаки разсѣялись по всей Западной Украинѣ, возобновивъ прежнія чвары противъ Поляковъ, Уніатовъ и Жидовъ. Войска Польскія индѣ были разбиваемы, индѣ бѣжали безъ битвы. Павлюкъ и Сулима производили свои нападенія и опустошенія, удаляясь отъ большихъ сраженій до 1636 года.

Конецпольскій послалъ противъ Козаковъ Напольнаго Гетмана Николая Потоцкаго. Павлюкъ окопался близь Корсуня подъ Кумейками, 16 Декабря произошла битва. Козаки разбиты, вытѣснены изъ окоповъ и принуждены были обратиться въ бѣгство. Новая битва произошла подъ Боровицей. Побѣда оглянулась на Козаковъ. Тогда Потоцкій предложилъ Павлюку мирныя условія, обязываясь именемъ Короля возвратить всѣ права Козакамъ и народу Украинскому. Козаки согласились на миръ и вышли изъ стана: старшины подписали условія. Но лишь только въ войскахъ Козацкихъ былъ разрушенъ

порядокъ военный, Поляки напали на нихъ; многихъ изъ нихъ перерубили и перестрѣляли; а у прочихъ ограбили имущество и военные запасы, обрѣзали усы и чуприны; Гетмана Павлюка и многихъ старшинъ взяли въ плѣнъ и отправили въ Варшаву: всѣ они были казнены (19).

XIV.

Въ 1638 году Правительство Польское рѣшилось положить конецъ смятеніямъ въ Украинѣ, и обнародовало прокламацію, по которой лишало Козаковъ всѣхъ правъ, между прочимъ и права имѣть Гетмановъ, а въ слѣдствіе оной повелѣло хватать Козаковъ, и опредѣлять въ Польскіе полки. Съ другой стороны Татары, пользуясь смятеніями Украины, часто вторгались въ нее, грабили селенія, уводили съ собою многихъ плѣнниковъ. Битвы ихъ съ Козаками и на сушѣ и на морѣ не преставали. Напрасны были всѣ старанія Козаковъ сми-

ряшь Татаръ. Хотя Козаки почти ежегодно ходили въ Крымъ, разоряли города и села, освобождали плѣнныхъ Христіанъ, уводили табуны, но Крымцы вспомоществуемые Турками продолжали набѣги. Козаки мстили Туркамъ, ходили подъ самый Константинополь; и это было напрасно. Ослабѣвшее отъ безпрерывныхъ войнъ съ Поляками Войско Запорожское перестало уже страшить невѣрныхъ, какъ страшило прежде.

Тогда явились между Козаками предводители: Стефанъ Остряница, Леонъ Гуня, Чурай, Малко, Ефремъ Скурай и другіе, кои начали мстить Полякамъ и Татарамъ сначала сами съ небольшими дружинами своими, потомъ съ помощію Донскихъ Козаковъ. Потоцкій явился, — и вытерпѣлъ нѣсколько небольшихъ пораженій. Войска Польскія, бывшія въ Приднѣпрскихъ городахъ, разбиты и разогнаны. Наконецъ произошла битва на рѣкѣ Старицѣ, битва страшная, отчаянная. Козаки, не смотря на

свою малочисленность въ сравненіи съ Поляками, одержали побѣду, принудили ихъ обратиться въ бѣгство, и гнали до мѣстечка Полоннаго, что въ Волынской Губерніи Здѣсь произошла новая битва. Потоцкій принужденъ былъ предложить Козакамъ мирныя условія; но, получивши подкрѣпленіе, напалъ на Козаковъ, разбилъ ихъ, потомъ взялъ въ плѣнъ Гетмана Остряницу, Чурая, и другихъ старшинъ Козацкихъ Всѣ они по обычаю были казнены въ Варшавѣ (20 — 21).

XV.

Новое ополченіе Козацкое, имѣвшее вождемъ Гетмана Карпа Полтора-Кожуха, не имѣло никакого успѣха. Поляки, подъ предводительствомъ Іереміи Вишневѣцкаго, гнали его до рѣки Мерлы, и, здѣсь поразивши, заставили бѣжать къ Дону. Гетманъ Полтора-Кожухъ и послѣ дѣлалъ набѣги на Польшу, но безъ всякаго успѣха. Полтора Ко-

жухъ умеръ въ Каменномъ Запонѣ, — и гробомъ ему была пустая горѣлочная бочка (22 — 25).

XVI.

Съ тѣхъ поръ Козаки пали. Поляки завладѣли Украиной, и дали полную волю Уніатамъ и Жидамъ. Православіе угнѣталось съ каждымъ годомъ болѣе: Церкви отданы Жидамъ на аренду, а священники въ работу; должно было платить большія деньги за позволеніе служить Литургію; а кто хотѣлъ погребать, крестить или вѣнчаться, тотъ долженъ былъ приготовиться къ рѣшительной нищетѣ. Всѣ казни и козни, выдуманные Іезуитами и Инквизиторами были приводимы въ дѣйство. Старанія благочестиваго Митрополита Кіевскаго Петра Могилы воспрепятствовать гоненіямъ оставались тщетны.

Одна только часть Козаковъ, оставшаяся въ Запорожьѣ, сохранила свою не-

зависимость. Съ Атаманомъ Сагалтовичемъ Запорожцы нападали на Азовъ въ 1636 году на прибрежные города Анатолійскіе въ 1638 и пр. (24). Они обогащались добычей, жили въ привольѣ, въ довольствѣ.

Дабы побѣги изъ Украины въ Запорожье не возобновились, Конецпольскій повелѣлъ вновь выстроить и укрѣпить крѣпость Койдакъ, снабдилъ ее гарнизономъ, расположилъ сильные гарнизоны по городамъ Украинскимъ, самовольно казнилъ всѣхъ священниковъ, стѣснилъ сколько было возможно сѣмейства Козацкія, и оставилъ несчастную Украину стенать подъ игомъ губителей Православія, доколѣ не возмужаетъ Богданъ Хмельницкій, котораго Провидѣніе благословило мечемъ для освобожденія отчизны изъ подъ ига Польши.

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

ЗАМѢЧАНІЯ.

1.

Первые мятежи Козаковъ противъ Польши

произошли, кажется, по случаю убіенія Ивана Подковы во Львовѣ; впрочемъ Лѣтописцы говорятъ о нихъ довольно темно и кратко.

Далѣе: — Гетманъ Шахъ упрашивалъ товарищей освободить землю Подольскую и другіе отъ ига Ляховъ, и на что Козаки согласны были, — многія селенія пожгли. А Король за сіе много имъ бѣдствій причинилъ, и даже въ вѣру свою обратить хотѣлъ. — С. Г. З. § 8. Энгель упоминаетъ объ Іоаннѣ Оришевскомъ, коему Баторій повелѣлъ усми-

рить Низов. Козаков. (G. U. 26.) Въ П. П. У. Ск. IV. упоминается о мятежахъ 1580 года въ слѣд: выраженіяхъ: — Пришла Королю дума, же его умертвить хотящтъ, и мечь противъ его подъять, озлобился сильно, и приказалъ всѣхъ Козаковъ перебить, кои на службѣ были. Прочіи по Украинѣ розселились и миромъ въ сѣмьяхъ хуторами жили. Съ того времени Козаки Короля возненавидѣли, и помышлять объ отлученіи себѣ отъ Польши стали Егда сарана въ року 1580 въ лѣто набѣжала, и живы изъѣла, и егда Жиды вино дорогою цѣною въ продажу давали промысла своего ради, тогда Козаки озлобивтись въ Черкасахъ и въ Кіевѣ и въ Переяславлѣ всѣхъ Жидовъ до единого побили, вино забрали, и мятежъ учинили. Король просьбою просилъ Козаковъ въ тихомирье стать, обаче Шляхетство Польское и Старосты городовые Козаковъ неволей брать зачали, и въ ямы сажали: кто живъ остался. Егда-бъ Ко-

миссары отъ Короля со знаменіемъ не пріишли, великому мятежу быть-бъ было; да Комисары многое обѣщавали — —

Въ Л. Р. Ш. упоминается о мятежѣ Волынскомъ подъ симъ же годомъ.

Въ З. Ш. (Свѣденія о Козакахъ за Батopія Короля) — описывается въ 3 — 4-хъ строкахъ мятежъ Кіевскій подъ 1583.

Вотъ и все, — если несчитать мятежами неважныхъ мѣстныхъ бунтовъ.

2.

Свѣденія о правахъ, данныхъ Грекороссіянамъ Королями Польскими.

Казимиръ Великій, овладѣвъ Львовомъ, Перемышлемъ, Галичемъ и другими городами, уравнилъ тамошнихъ Грекороссіянъ съ Католиками во всѣхъ

правахъ и преимуществахъ (Стриковскій XII. 5. Длугошъ подъ 1340. Кромеръ. XII. Герберштъ. X. 3). Сію привилегію подтвердилъ Ягелло въ 1386 году, и дѣти его, Короли Польскіе Владиславъ II въ 1434 и Казимиръ IV (Кромеръ XXI. Стриковскій VI. 1. Герберштъ XV. 2). Александръ Князь Литовскій въ 1499 далъ Духовенству Грекороссійскому привиллегію подтверждающую всѣ старинныя права церкви Православной, а братъ его Король Польскій Сигизмундъ I подтвердилъ сію привилегію въ 1511. На Сеймахъ 1563 и 1568 Сигизмундъ II Августъ съ согласіемъ всѣхъ чиновъ Рѣчи Посполитой далъ Украинцамъ двѣ привиллегіи, коими, уравнивая ихъ во всемъ съ Поляками позволилъ имъ достигать достоинства Сенаторскаго и другихъ важныхъ сановъ, и на Люблинскомъ Сеймѣ 1569 года, присоединяя къ Польшѣ на вѣчныя времена Полѣсье и Украину, далъ имъ, и въ особенности провинціямъ Кіевской,

Волынской и Полѣсью еще новую привиллегію о томъ-же. — Всѣ сіи привиллегіи подтвердилъ присягою Генрихъ Валуа въ 1573, Стефанъ Баторій въ 1576 и Сигизмундъ III въ 1587. Кромѣ сего Стефанъ Баторій двумя привиллегіями позволилъ Греко-россіянамъ безпрепятственно отправлять праздники по старому календарю, свободно созидать церкви и Гимназіи и пользоваться всѣми прежними правами по силѣ старыхъ привиллегій; а всѣмъ свѣтскимъ чиновникамъ указомъ запретилъ вступаться въ дѣла и суды Духовные церкви Грекороссійской. На Коронаціонномъ Сеймѣ 1588 состоялась Конституція, по которой запрещено отнимать имѣнія церковныя отъ Епископій и монастырей Грекороссійскихъ и Косцёловъ Католическихъ. Въ Литовскомъ Статутѣ, на сочиненіе котораго дана Княжеству Литовскому привиллегія на семъ же Сеймѣ, права Грекороссіянъ уравнены съ правами Католиковъ, какъ то: Духовен-

ственно Грекорос: и Катол: одинаковымъ порядкомъ должно раздѣлываться со свѣтскими въ дѣлахъ судебныхъ (Ст. III. 32); положено одинаковое наказаніе за насиліе церквей Грекор: школъ и священническихъ домовъ равно и косцёловъ Римскихъ и поповскихъ домовъ (II 3); назначена одинаковая пѣня за убійство и безчестіе духовныхъ обѣихъ церквей, женъ и дѣтей ихъ (II. 27). Въ 1589 Сигизмундъ III на Варшавскомъ Сеймѣ далъ привилегію Грекор: духовенству сохранять всѣ ихъ чины, власть, честь и достоинство въ совершенной силѣ на равнѣ съ духовенствомъ Римскимъ (И. У. 60 — 65).

3.

Подвиги Косинскаго.

Конисскій въ И. Р. подъ 1596 годомъ пишетъ, что Косинскій природный

Шляхтичъ Польскій Генеральный Асаулъ Войска Запорожскаго избранъ Гетманомъ въ 1595 году на мѣсто Гетмана Демьяна Скалозуба, уморенаго голодомъ въ Констаншинополѣ; что онъ, будучи призванъ на соборъ Брестскій, арестованъ, преданъ суду, осужденъ, замурованъ въ каменный столбъ, и умеръ въ немъ отъ голоду. . . !

Другой Лѣтописецъ (3 Ш. о древностяхъ Мал. и Укр.) говоритъ, что Косинскій не былъ Гетманъ, а мятежникъ Польскій, собравшій шайку въ Украинѣ, и опустошавшій Подоль, Волынь и Полѣсье, и въ 1593 году схваченъ сыщиками Польскими и преданъ казни.

По сказанію М. Г. 3. П. Косинскій преданъ мученической казни въ Варшавѣ, а Лобода собралъ войско, пошелъ къ Варшавѣ, но былъ разбитъ подъ Брестомъ, и умеръ отъ скорби (!). По С. Г. 3. § 11. Косинскій убитъ подъ Пяткой, — и тѣло его на позоръ аки пре-

спутника выставили, а четырехъ старшинъ Запорожскихъ живыми въ землю закопано. —

Бартошъ Каменскій описываетъ подвиги Косинскаго, слѣдуя, большею частію, Гейденштейну. Онъ повѣствуетъ, что Косинскій прежде всего впоргнулся въ области Князя Острожскаго, потомъ долго простоялъ подъ Тарнополемъ, и наконецъ палъ на сраженіи подъ Пяткою, въ 1593. И. М. Р. I. 161—162.

Лубенскій, котораго сказанію придерживается Нѣмцовичъ (D. Z. I. X II. 259 — 261.), пишетъ, что Косинскій впоргнулся во владѣнія Князя Острожскаго съ 5000 воиновъ, и началъ опустошать въ нихъ все огнемъ и мечемъ; Князь набралъ изъ своихъ подвластныхъ и приверженцевъ войско, и съ помощію 600 копѣйщиковъ приведенныхъ сыномъ его изъ Польши противустаяъ Косинскому, который между тѣмъ осадилъ Пятку. Произошло сраженіе: Козаки разбиты; 3000 пало въ битвѣ; Косинскій,

убѣжавъ изъ Пяшки, выпросилъ у Князя прощеніе, и вновь произвелъ мятежъ; наконецъ, вошедши въ Черкасы, гдѣ Спаростою былъ Вишневѣцкій, и, напившись пьянъ на пиру у приверженцевъ сего Князя, былъ ими убитъ. Лубенскій прибавляетъ, что это случилось въ Мартѣ 1593 года. O. L. 2—3. Въ своей Лѣтописи я держался сказаній Рогалевскаго и Л. К.

4.

Мятежи въ Кіевѣ, Переяславлѣ и Лубнахъ. 1594.

Мятежъ Кіевскій, бывшій по свидѣтельству Л. Р. IV. въ Мартѣ 1594 года, былъ возбужденъ Леонтіемъ Пелчицкимъ, Епископомъ Пинскимъ. Около 800 Жидовъ погибли отъ рукъ мятеж-

ной черни въ волнахъ Днѣпра, а многіе Уніаты перерѣзаны въ монастырѣ Католическомъ: изъ нихъ Іосифъ Брамъ растерзанъ. З. Ш. — Мятежъ Переяславскій былъ еще важнѣе. Предводителями мятежниковъ были: знаменитый Иванъ Лобода и Григорій Трубчевскій. Мятежъ Лубенскій былъ вовсе не значителенъ. Поляки успѣли перехватить всѣхъ бунтовщиковъ, и казнили. З. Ш. Л. Р. IV.

****

5.

Дума о битвѣ Чигринской въ переводѣ.

— Въ славной нашей Украинѣ бывали когда-то дни бѣдствій, годины злощастныя; бывали и моровыя повѣтрія и мятежи войсковые. И нѣкому было спасать Украинцевъ, нѣкому было за нихъ

молиться Богу; но Господь Богъ не забывалъ Украинцевъ: Онъ хотѣлъ, чтобы они великими страданіями искупили свое грядущее благоденствіе. Онъ одинъ вѣдалъ свои думы, свои помыслы, насылая бѣдствія на землю Украинскую. И вотъ — прошло время бѣдствій; и нѣтъ уже никого, кто могъ-бы сразить насъ. Богъ одинъ вѣдалъ свои думы, свои помыслы. . . .

Не день, не два грабили Украину Поляки, не зная отдыха, держа на готовѣ коней своихъ, и днемъ и ночью....

Они шли къ Гетману Наливайку. А Гетманъ Наливайко, что думаетъ онъ, о чемъ задумывается? Что придумалъ онъ для благоденствія своихъ товарищей Козаковъ? Одинъ Богъ то вѣдаетъ, и награждаетъ его своей помощью.

Изъ за горы выходитъ гроза, гремитъ громомъ, идучи къ городу Чигрину, и блеститъ молніей надъ землей Украинской. То Поляки переходили чрезъ

при рѣки, а перешедши чрезъ третью спали станомъ, пустили на пастьбу своихъ коней, и отдыхали при *водинѣ*.

Что-же думаетъ Гетманъ Наливайко? О чемъ задумывается? Что придумалъ онъ на погибель Поляковъ? Одинъ Богъ о томъ вѣдаетъ, и награждаетъ его своей помощью.

То не гроза гремитъ по небу громомъ, провожая святыхъ къ Господу Богу, — то Поляки бьютъ въ бубны, собираютъ войско свое въ громаду слушать рѣчи Гетмана Жолкѣвскаго. Сошлись они, выстроились; и, выстроившись, смолкли и начали слушать рѣчи Гетмана. И отслушавши сѣдлали коней своихъ, и переходили чрезъ *Бѣлую* рѣку: мостили мосты, клали плотины, вбивали колы, крыли ихъ дранью и хворостомъ, и совершали великій переходъ чрезъ Бѣлую рѣку. А перешедши строили шанцы и палисады, устанавливали пушки, и предъ пушками вкопали въ землю три креста. На первомъ крестѣ

Сомнно висишъ, висишъ и громко кра-чишъ. На другомъ кресшѣ Богунъ ви-сишъ, висишъ и саблей брячишъ. Тре-шій кресшъ — пустой стоишъ: онъ ждетъ къ себѣ другихъ Козаковъ и огля-дываешъ ихъ. Кшо первый подойдешъ, шого ядро убьешъ; кшо вшорой подбѣ-жишъ, шого пуля шронешъ; кшо шре-шій подскочишъ — шошъ кресшишься будешъ и молишься сшанешъ,—его доб-рое — осиковый кресшъ. Козаки глядѣли, разглядывали, и шумѣли, и посшавили предъ глаза Поляковъ шрое знаменъ, и на знаменахъ писали шакія рѣчи:

— Миръ всѣмъ вѣрнымъ Православ-нымъ Христіянамъ, а врагамъ Полякамъ веселье въ аду. Кресшъ сразишъ шого, кшо водрузилъ его. —

И пошли Поляки чешырьмя полями, чешырьмя полями а пяшымъ Подольемъ. Козаки по всюду, на всѣхъ сшычкахъ побѣждали Поляковъ. Поляки просили мира,—и получили отказъ. Не шаковы Козаки — не имъ забышь напасшь. Не

шаковы и Поляки,—не имъ забыть мщенье. . . . .

Было горе и нашимъ, какъ вѣщала *кукушка*. Что вѣщала она, шому такъ и быть. . . . Когда черши начнушъ мирить правыхъ съ неправыми, уносишь души въ адъ, и въ кучи валишь. . . . . Богъ поможешъ намъ ошъ бѣды: Онъ одинъ вѣдаешъ свои думы, свои помыслы, даруя помощь Павлу Наливайку. Не намъ о шомъ размышлять. Нашъ долгъ молишься Богу, кресшишься Спасишелю.

Іисусъ Хрисшосъ Сыне Божій, помилуй насъ! Даждь міръ всему Хрисшіансшву, и всѣмъ намъ здравіе шѣла и спасеніе души. Аминь. —

— Дума о Бишвѣ Чигринской, помѣщенная въ Кн. I. Зап. Сшар. есшь ошрывокъ изъ Думы о подвигахъ Наливайка и Лободы. Списокъ сей Думы сущесшвуешъ у одного собирашеля Малороссійскихъ пѣсенъ и когда нибудь будешъ напечашанъ. Въ ошрывкѣ напечашанномъ

въ Зап. Стар. на страницѣ 89 вмѣсто *ооски* должно читать *осики*; на стр. 90 вмѣсто: *буде й нашимъ лихо — було й нашимъ лихо*. Окончаніе на стр. 91 должно читать такъ: — Миромъ миръ міру Христьянському и намъ усѣмъ тѣла здравіе и душа спасеніе, Аминь. (Сообщено).

Съ нетерпѣніемъ буду ждать выхода въ свѣтъ полной думы; а покамѣстъ перевожу отрывки, какіе только могъ я достать, означая мѣста пропусковъ точками.

Бѣлою рѣкою Запорожцы называли рѣку Тясминъ; Черною — рѣку Бугъ; Красною или Червоною — рѣку Рось.

Что значитъ слово *година*, употребленное въ сей думѣ? Значенія оняго, признаюсь, не понимаю. Максимовичъ перевелъ словомъ: *часъ*.

Кукушку почитаютъ Украинцы за птицу священную, за предвозвѣстительницу будущаго; этому вѣрятъ и Русскіе (Абевега Рус. суев. 228); и Сербы, и Словаки. Сербы расказываютъ, что кукушка была прежде женщиной. Потерявъ брата, она до тѣхъ поръ плакала и горевала по умершемъ, пока сама не превратилась въ птицу. Нѣкоторые прибавляютъ, что плачь ея и рыданія нестерпимо надоѣли покойнику, и онъ проклялъ ее, отъ чего и превратилась она въ кукушку. Другіе утверждаютъ, что и Богъ прогнѣвался на плачущую. Въ Сербіи всякая женщина потерявшая брата, если услышитъ голосъ кукушки, начинаетъ плакать (Вуко Стефановичь). Есть что-то подобное въ преданіяхъ Молдавскихъ, если вѣритъ А. де Хиждеу, т. е. его статьѣ: Румунскія народ. пѣсни (Телеск. 1833. No 8. стр. 502—503). Сравни Молву. 1833. No 100.

На Украинѣ есть пословица: — Ноч.

вая кукушка денную перекуе. — Что это за *аллегорія?*

Расказывая въ Лѣтописи о битвѣ Чигринской, я придерживался болѣе всего сказаній Думы, выше сего переведенной.

6.

Пѣснь о сожженіи Могилева съ переводѣ.

Мнѣ говорятъ, что сія пѣснь, помѣщенная подлинникомъ въ Кн. I. Зап. Стар. 36 — 38., сочинена гораздо позднѣе, можетъ быть, въ концѣ XVIII вѣка, и что имя Наливайка попалось въ нее случайно. Очень хорошо, но гдѣ же доказательства? Пока не буду имѣть объ нихъ свѣденій, не могу и отстать отъ прежняго мнѣнія своего, которое

примомъ утверждается хоть на небольшихъ доказательствахъ. Я не смѣю слѣдовать пословицѣ, которая для многихъ сдѣлалась правиломъ: — хочъ бы гîрше, абы инше.

— Дымомъ облекся городъ Могилевъ, когда то Войско Запорожское грянуло изъ пушекъ.

Опустѣлъ городъ Могилевъ, когда Козаки густо повѣяли изъ ружей.

Въ городѣ Могилевѣ остались только орлы да змѣи. Они пожираютъ Ляшскіе трупы; они радуются Ляшскимъ трупамъ.

Въ городѣ Могилевѣ остались только пни да колоды. Вѣрно, бѣда постигла племя Ляшское!

Не столько бѣда сколько безславье: оно блуждаетъ уже по бѣлому свѣту отъ двора ко двору.

Не такъ велико безславье какъ велика радость Козаковъ: злая судьбина

чтитъ Запорожцевъ, и даетъ знать себя племени *Ляшскому*.

Злая судьбина дала себя знать Полякамъ съ ранняго утра чрезъ нашего славнаго Пана Гетмана Наливайка.

Злая судьба *чтитъ Запорожцевъ* — въ подлинникѣ: *Кравчину шануючи*. Кравчина — Кошъ въ мирное время т. е. Войско Запорожское. Я думалъ, что это слово произошло отъ слова *Украина*, и мнѣніе сіе изложилъ въ Утрен. Звѣздѣ Ч. II Х. 1833. Максимовичъ замѣтилъ мнѣ, что, можетъ быть, это слово произошло отъ слова *кравецъ*. Кажется, что съ этимъ нельзя не согласиться; ибо слово кравецъ употребляется иногда Лѣтописцами, въ значеніи слова воинъ. — И кравци собрашася на Раду, положиша набѣгъ сопротиву Агарянъ Буджакъ — (З. Ш. О войнахъ съ Татарами выписки изъ Лѣтописей). И

Наливайко былъ также кравцемъ, какъ говоритъ Максимовичъ. Если произведеніе слова Кравчина отъ слова кравецъ и не имѣетъ достаточныхъ доказательствъ, то покрайней мѣрѣ не столь натянуто, какъ мое прежнее.

7.

Пѣснь объ убіеніи Наливайка въ переводѣ.

Конисскій, не упоминая о битвѣ на Солонищѣ, говоритъ, что на рѣкѣ Случи по повеленію Короля послѣдовало примиреніе между Поляками и Козаками; что въ 1597 году, когда Козаки отправляли въ Варшаву депутатовъ, съ ними поѣхалъ и Наливайко; что всѣ они пріѣхавши въ Варшаву были взяты и посажены въ тюрму, и чрезъ два дни сожжены въ мѣдномъ быкѣ.

Янчинскій, въ жизни Жолкѣвскаго, говоритъ, что Наливайко былъ неоднократно разбитъ Поляками, и взятъ въ плѣнъ; что въ Варшавѣ содержали его по Козацки: не давали заснуть и будили обухомъ сѣкиры, и потомъ посадили на раскаленнаго коня въ раскеленномъ вѣнцѣ. (G. U. 105). Сравни Нѣмцевича D. Z. X. III. R. V. Нѣмцевичъ, думаю, не выдумываетъ, но такъ умѣетъ скрывать правду, что и она кажется ложью.

— Славны стали Запорожцы, когда начали воевать противъ Польши, и изъ мести передали *оборотнямъ Католикамъ* свою злую судьбу.

Та злая судьба, та злая судьба въ башнѣ тюремной насмѣхалась надъ Наливайкомъ будто надъ бѣдной вдовой.

Вдовинъ сынъ, вдовинъ сынъ! У тебя есть еще братья, и тѣ братья твои Козаки богаты удалью.

Всѣ Козаки сходились на Раду, и на Радѣ рѣшили выступить въ походъ противъ Поляковъ.

Расходились Козаки, распустя Раду, и выкапывали изъ подъ камней свои богатые клады.

Они продавали свои клады, и покупали ружья, и накупивши ружей, выступали въ походъ.

Предъ ними Голый летаетъ яснымъ соколомъ, богатырски гарцюетъ онъ на ворономъ конѣ.

Раннимъ утромъ Козаки приближились къ Случи, и начали жужжать изъ пушекъ, призывая Католиковъ.

И Поляки услышали, и загремѣли въ отвѣтъ. Да будетъ-же имъ тяжко, тяжко, что они гремѣли.

Что они гремѣли, то предвѣщали они Козакамъ бѣдствія. И Козаки Гайдамаки думали и гадали.

Они думали и гадали; они думали и гадали; и тяжко, тяжко горевали о своемъ Гетманѣ.

А въ Варшавѣ на Радѣ судили судьи,
и осудили Наливайка сжечь въ мѣдномъ быкѣ.

Поляки осудили Наливайка на сожженіе;

Козаки присудили отомстить Полякамъ.

Оборотни — Вовкулаки. Это люди, превращенные въ волковъ. Повѣрье о нихъ распространилось между всѣми племенами Славянскими. Русскіе называютъ ихъ *оборотнями* или *упырями* (Абевега Рос. Суев. 263); Морлаки *Вакодлаками*, и вмѣстѣ съ Трансилванцами вѣрятъ, что сіи чудища любятъ высасывать кровь у дѣтей. Когда умираетъ у нихъ тотъ человѣкъ, коего они почитали оборотнемъ, то ему подрѣзываютъ жилы подъ колѣнами и искалываютъ все тѣло для того, что-бы онъ не могъ возвратиться къ живымъ. Часто Морлакъ умирающій, чувствуя

въ себѣ жажду къ крови дѣтской, приказываютъ съ собою поступать по смерти какъ съ оборотнемъ (Fortia, Voyage en Dalm. L. II.). Такое точно повѣрье находится и между Поляками (Войцицкій, o Wilkodłakach. Dz. Warszaw. 1828. N 33. 176 — 180 Pamiętnik Warsz. 1820. XVI). Дуньчевскій въ своемъ Календарѣ на 1759 годъ говоритъ: Lubo czarownicy nie moga istoty odmieniac w wola, w konia albo insze bydle lub zwierze, moga iednak powierzchownie odmieniac w jaka chca bestyia i przydac iej akcya takiego zwierzecia. Tacy bywali na Zmudzi, Polesiu i w inszych Prow. Pol. Wilkolacy (Kalend. pol. i rus na r. 1759). Богемцы и Словаки имѣютъ также подобное преданіе, и сообщили его Венграмъ, у коихъ есть нѣсколько пѣсенъ, повѣствующихъ о жизни оборотней. Сербы также вѣрятъ существованію волколаковъ. — Почитаю не безполезнымъ замѣтить, что подобное повѣрье существовало и у Скандинавовъ, чему

доказательствомъ можетъ служить разсказъ о Біорно Ринговичѣ, Царѣ Упландскомъ, превратившемся въ медвѣдя,— разсказъ помѣщенный въ Сагѣ о Рольфѣ-Кракѣ. — Геродотъ пишетъ о Неврахъ, что они, зная науку чарованій, въ извѣстные дни года, могли измѣняться въ волковъ, и снова обращаться въ людей. Карамзинъ изъясняетъ это очень легко: „то есть зимою покрывались волчьими кожами.“

Вдовинъ сынъ. Изъ сказаній Янчинскаго и нашихъ Лѣтописцевъ, хотя они довольно подробно говорятъ о Наливайкѣ, не видно что-бы онъ былъ сыномъ вдовы. Можетъ быть Бандуристъ подъ именемъ вдовы матери Наливайка разумѣетъ Украину?

Почти всѣ Лѣтописцы единогласно говорятъ, что Гетманы Запорожскіе, попадавшіеся въ руки Ляховъ, были сожигаемы въ *мѣдномъ быкѣ*, или на

мѣдномъ волѣ. До шѣхъ поръ пока я не зналъ пѣсни объ убіеніи Наливайка, я всегда вѣрилъ вмѣстѣ съ Нѣмцевичемъ, что подобныя казни изобрѣтены какимъ нибудь инокомъ для своей лѣтописи, и мало по малу разошлись по другимъ лѣтописямъ; но свидѣтельство пѣсни, преданій народныхъ, и Поляка Іончинскаго (о раскаленной лошади) въ жизнеописаніи Жолкѣвскаго, заставляютъ меня перемѣнить мнѣніе; и я не внесъ сей казни въ свою лѣтопись только потому, что Лѣтописи смѣняютъ ее иногда какою нибудь другою, и часто противурѣчатъ другъ другу. Стоитъ прочесть одну Исторію Руссовъ, что бы увидѣть сколь хитры были Поляки на выдумку казней или въ самомъ дѣлѣ или въ фантазіи Лѣтописца.

Въ Лѣтописи моей, повѣствуя о подвигахъ Наливайка, я придерживался преимущественно сказаній Вуйковича (Вы-

писки изъ его Synops. De bel. Cos), который умѣлъ очень искусно свести различныя показанія Лѣтописей Укр. Ему же слѣдовалъ, хотя не всегда, и Нѣмцевичъ. D. Z. X. III. R. IV i V.

8.

Пѣснь о подвигахъ Лободы въ переводѣ.

— Зазвонили колокола въ городѣ Батуринѣ: что Козаки Гайдомаки разсуждали на Радѣ. Они разсуждали на Радѣ, какъ противустать Польшѣ, и рѣшили соединиться съ Украинцами.

И выступили Гайдомаки въ походъ. Хоть ихъ всѣхъ на все только 1200, за то богаты они отвагой.

Предъ ними ѣдетъ Панъ Сулима Кошевой Атаманъ. Чего же бояться, что онъ чернобровый? Панъ Сулима, Панъ Сулима собираетъ Козаковъ, и всѣмъ

Гайдомакамъ такъ говоритъ: — Товарищи Гайдомаки, — исполните волю мою. Намъ должно отомстить за бѣдствія Украины. Хотя насъ, Паны Гайдомаки, всѣхъ на все только 1200, но много отваги у насъ. Много отваги у насъ, когда вздумаемъ сразиться съ Поляками по доброй волѣ. — Тогда обозвался Чура Лободы; кланяется Козакамъ и говоритъ такія рѣчи. — Паны Гайдомаки будьте добры, отмстите Ляхамъ за моего Пана Ивана. О мой Панъ Иванъ! гдѣ добылъ ты столько храбрости, что первый рѣшился противостать Ляхамъ, — и противосталъ ни о чемъ не думая! О мой Панъ Иванъ, другъ Наливайка, ты сразилъ Поляковъ, сразилъ, — и думать забылъ. О, мой Панъ Иванъ, куда дѣвался ты, когда понадобился Полякамъ въ темницѣ каменной? Вспомните, Паны Гайдомаки, моего Пана Ивана, и за моего Пана Ивана, и за моего Пана Ивана отмстите Полякамъ. Если вы хотите соединиться съ Украинцами, то вамъ долж-

ко моего Пана Ивана вспоминать добрымъ дѣломъ. Когда Поляки хотѣли покорить Украину власти своей, то наши Козаки выступали въ походъ съ Паномъ Иваномъ; когда Поляки покоряли Украину власти своей, то наши Козаки съ Паномъ Иваномъ разбивали Поляковъ. Сразили они Поляковъ, когда встрѣтились съ ними на Бугѣ, и два раза принудили Гетмана Потоцкаго спасаться бѣгствомъ. Сразили они Поляковъ, когда встрѣтились съ ними на Прутѣ: то было, что они порядкомъ опустошили Цоцору. Было добро, было счастье, — настала и бѣда. Раннимъ утромъ въ день воскресный казнили Пана Ивана..

Бандуристъ, говоря о побѣдахъ Лободы надъ Поляками у Буга разумѣетъ, конечно, битвы Пятковскую и Ладыжинскую; но кто такой Потоцкій, котораго по словамъ Бандуриста, Лобода обратилъ два раза въ бѣгство? Ни одинъ

изъ Потоцкихъ не былъ въ то время Гетманомъ. Можетъ быть, здѣсь должно разумѣть Яна Потоцкаго, Старосту Каменѣцкаго. D. Z. I. Kr. III i V.

Лобода былъ, кажется, первый герой Запорожскій осмѣлившійся противостать Полякамъ. И въ возстаніи Козаковъ съ Косинскимъ, и въ ополченіяхъ Острожскихъ Князей, и самъ лично, и съ Наливайкомъ, — вездѣ и всегда, сколько было возможно, — онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Невольно подосадуешь на невѣжество Лѣтописцевъ нашихъ: въ памяти народной все касательно сего далекаго времени покрыто непроницаемымъ туманомъ, а на письмѣ одни намеки. . . . Можетъ быть, Лобода былъ человѣкъ великій, человѣкъ, которому Украина обязана первою мыслію объ отторженіи отъ власти Польской. Можетъ быть, онъ въ Исторіи Украины былъ тоже въ отношеніи къ Хмель-

дицкому, что Іоаннъ III въ отношеніи къ Петру.... Въ повѣствованіи о Лободѣ я придерживался сказаній Вуйковича.

О Сулимѣ см. выше стр. 53 — 60.

9.

Тетеренко.

Двѣ пѣсни о немъ съ переводъ.

Өедоръ Тетеренко былъ Асаулъ Каневскаго куреня, и защищалъ Каневскія Козачьи поселенія, когда предъ Чигринскимъ сраженіемъ напалъ на нихъ Коронный Гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій (см. выше стр. 32) Въ семъ дѣлѣ помогалъ ему, вѣроятно, отецъ его, Тетеря Кошевой Атаманъ (П. П. У. Л. Р. и пр.). Отецъ съ сыномъ, какъ говоритъ пѣснь (см. Зап. Стар. I. 1. стр. 42 — 46), взяты въ плѣнъ, отвезены въ

Варшаву и посажены въ тюрьму; однакó имѣли случай уйдти и разбить Поляковъ у города Бендеръ, и Татаръ у Аккермана. Неизвѣстно, какой случай заставилъ Тетеренка перейдти на сторону Поляковъ, принять Унію, сдѣлаться отступникомъ отъ вѣры предковъ. Можетъ быть, онъ былъ одинъ изъ первыхъ отступниковъ между Козаками. Прочтемъ пѣсню въ которой говорится о сихъ обстоятельствахъ.

— По горѣ вѣетъ вѣтеръ, воетъ и завываетъ; а въ долинѣ храброе войско выступаетъ въ походъ. Оно выступаетъ въ походъ противу невѣрныхъ. Оно снаряжаетъ коней и проситъ своего Атамана: — Панъ Атаманъ, храбрый Тетеря! Води-же насъ противу невѣрныхъ. — Страшусь пораженія. — Что намъ до пораженія, лишь бы намъ сразиться. Не вѣчно-же намъ оставаться здѣсь подъ Каневымъ. — По горѣ вѣ-

етъ вѣтеръ. Въ долинѣ жнутъ жнецы; а по дорогѣ Сериляжской везутъ Тетерю. Его везутъ, а онъ хоть бы что. Или онъ боленъ, или онъ пьянъ, старый Тетеря? Его везутъ, а онъ хоть бы что. Съ Тетерею везутъ его молодаго сына. — Старый отецъ мой, что-то будетъ съ нами? — Не что — — Поляки везутъ насъ въ Варшаву. А въ Варшавѣ на Радѣ разсуждаютъ судьи. Насъ привезутъ въ Варшаву, и запрутъ въ темницу. Запрутъ въ темницу, и не дадутъ намъ хлѣба, не дадутъ и воды; не дадутъ и вина. Намъ дадутъ только сырую землю. Ѣжь, хоть давись. Но гляди, не гляди: не увидѣть тебѣ свѣту Божьяго. — По горѣ вѣетъ вѣтеръ, а по полю раздается звонъ цѣпей: Тетерю съ сыномъ везутъ въ Варшаву. А на рѣчкѣ на Вислѣ судятъ, разсуждаютъ судьи: казнить-ли Тетерю или заключить его въ темницу. Заключили Тетерю съ сыномъ въ темницу, и при-

судили продать его невѣрнымъ. Погорѣ вѣетъ вѣтеръ, а надъ Бендерами дымъ. Тамъ Тетеря съ сыномъ чудесно поражаетъ Поляковъ. По горѣ вѣетъ вѣтеръ; вѣетъ онъ къ Акерману. Тамъ Тетеря съ сыномъ поражаетъ уже и невѣрныхъ. По горѣ вѣетъ вѣтеръ, а по полю раздается гулъ пиршества: то Тетеря съ сыномъ угощаетъ Поляковъ. Угощаетъ, прощается, но не можетъ угостить. Тетеря уже одинъ безъ сына, ходитъ и крушится. Онъ крушится, горюетъ, и не перестанетъ горевать: — Прощай, сынъ мой, сердце мое, мое милое сердце! — Рыболовъ по берегу вьется словно ласточка. Ноетъ, жестоко ноетъ о сынѣ сердце отцовское. Плачь, плачь, Тетеря, о миломъ сынѣ своемъ. — Уже не воротишся ты, мой сынъ, изъ Польши, изъ Варшавы. О, лишь бы только Богъ сподобилъ тебя не умерѣть въ Польшѣ. Тамъ никто не взгруститнетъ по тебѣ. Развѣ только воронъ, одинъ воронъ прилетитъ къ

шебѣ, и сядетъ, насядетъ на шрупъ швой, и сшанетъ клевать его. И поклевавши перестанетъ. Тогда прилетитъ кукушка, и начнетъ плакать надъ шрупомъ швоимъ. И только воронъ да кукушка будутъ знать, гдѣ ты лежалъ; и только одна кукушка будетъ горевать о шебѣ. Жаль мнѣ шебя сынъ мой, мой милый воинъ, что промѣнялъ ты свою вѣру на вѣру чужую. —

Долго-ли Тетеренко жилъ между Поляками и Уніатами, — объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣденій ни въ Лѣтописяхъ ни въ преданіяхъ народныхъ; не извѣстенъ даже ни одинъ изъ его подвиговъ. Можно впрочемъ догадываться, что Тетеренко за прежнія дѣла свои заслужилъ уваженіе между Козаками; а, сдѣлавшись отступникомъ, вредилъ Украинѣ и Войску какъ человѣкъ сильный. Наконецъ Гайдомака Случай поймалъ его, — и лишилъ жизни: о семъ обстоятельствѣ

говоритъ пѣсня (Зап. Стар. No I. стр. 49 — 53). Вотъ Русскій переводъ сей пѣсни:

— Слава стала, слава стала Рада Чигринская: она утѣшила всю Украину. Слава стала, слава стала Чигринская битва: на ней пали Католики изъ Подолья и Полѣсья. Слава стала, слава стала Чигринская гроза: молодцы Запорожцы опоили всѣхъ Католиковъ. Не столько они опоили Католиковъ, сколько принесли себѣ радости; не столько себѣ радости сколько Полякамъ, даровавши имъ миръ. Одно только горе: Тетеренко подружился съ Ляхами, и, забывъ стыдъ, началъ разорять вѣру Православную. — Раздался ропотъ; начались споры: что Козаки сходились на вольную Раду. И положили на Радѣ искать Тетеренка, и захвативши его въ плѣнъ отрубить ему голову. Тогда обозвался храбрый Случай, и такъ го-

ворилъ: — я его поймаю; я отрублю ему голову. Но прошу у васъ, Гайдомакъ, одной милости: — подарите мнѣ, Случаю, душу нечестивца. — И пошелъ Случай бродить, искать Тетеренка. И вотъ, онъ приближался уже на конѣ своемъ къ городу Варшавѣ. И когда сталъ онъ приближаться на конѣ своемъ къ городу Варшавѣ, Тетеренко съ Поляками сталъ выѣзжать изъ лѣса. — Здравствуй, здравствуй, Тетеренко! Какъ живется твоей милости? . . . Гайдомаки приказали тебя поймать. — Тогда Поляки напали на Случая; а Случай началъ Гайдомакъ бить и рубить. И когда всѣхъ побилъ, всѣхъ порубилъ, тогда связалъ Тетеренка, привязалъ къ коню, и полетѣлъ на немъ во всю прыть. Случай, Случай несется, а Тетеренко бьется, и проситъ онъ, и молитъ Случая; но Случай отвѣчаетъ ему: — Бѣда минетъ. — И минула бѣда, когда минули они степи, и быстро принеслись къ Великой Сѣчи.

10.

Повѣсть Кониссказо о слѣдствіяхъ смерти Наливайка.

— По истребленіи варварскимъ образомъ Гетмана Наливайка вышелъ отъ Сейма и вельможъ, имъ управлявшихъ, такой-же варварскій приговоръ на весь народъ Русскій, въ которомъ объявленъ онъ вѣроломнымъ и бунтливымъ, и осужденъ на рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ его было отлученіе депутатовъ Русскихъ отъ сейма національнаго и всего рыцарства отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отборъ Старостствъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ и самихъ ихъ уничиженіе. Рыцарство Русское названо холопами; а народъ, отвергавшій Унію, схизматика-

ми. . . Города заняты гарнизонами и чинами Польскими, а селенія войсками; имъ-же всѣмъ дана была полная воля; и они грабили, насиловали женщинъ, а дѣтей мучили, убивали; обращали храмы Православные на Унію. Духовенство Уніатское ѣздило въ колесняхъ, запряженныхъ 12 — 15 человѣкъ изъ Православныхъ; отдавало церкви Грекороссійскія на аренду. . . Войско Козацкое примѣтно уменьшилось. . . .

11.

Повѣсть Конисскаго о слѣдствіяхъ Брестскаго Собора.

— Соборъ Брестскій возбудилъ въ народѣ всеобщее смятеніе. Для удержанія онаго въ мирѣ войска Польскія вошли въ Малороссію подъ начальствомъ Короннаго Гетмана, и помогали Уніа-

шамъ увеличивать число своихъ приверженцевъ. Уніаты дабы лучше дѣйствовать на народъ издали посланіе къ Православнымъ и небольшія воззванія, кои прибивали у церквей, убѣждая Малороссіянъ слушаться властей, кои дѣйствуютъ по волѣ Божіей на пользу ихъ тѣлесную и душевную, и грозя ослушникамъ проклятіемъ и отлученіемъ отъ церкви. Кромѣ того сіи *ходатаи объ исправленіи вѣры* (выраженіе др. Лѣтописи) перемѣняли антиминсы и требники, и выдумывали обряды для чествованія и прославленія Папы. Воины Поляки, бывъ разставлены при всѣхъ знатнѣйшихъ церквахъ особенно въ важныхъ городахъ и мѣстечкахъ съ обнаженными саблями, принуждали народъ клѣнчиться въ церкви и бить себя въ грудь по-Римски, а при чтеніи Символа Вѣры прибавлять извѣстное рѣченіе о св. Духѣ, при чемъ возносимы были сабли на главы народа съ угрозами рубить неповинующихся. —

Помянутое Посланіе Уніатовъ помѣщено въ И. Р. цѣликомъ, и цѣликомъ также внесено въ И. М. Р. 171 — 173. *Нѣкоторые* думаютъ, что оно не подлинное, а создано смѣлою фантазіей въ послѣдующее время, что будто-бы даже есть и подлинное, — гдѣ-то, въ какой-то иностранной книгѣ. — Какъ-бы ни было И. Р. любопытна какъ Собраніе подобныхъ документовъ.

12.

Пѣснь о Сагайдачномъ въ переводѣ.

Бантышъ-Каменскій полагаетъ, что Сагайдачный началъ гетманствовать въ 1606 году, — и, кажется, ошибочно. Гораздо правильнѣе, или хоть правдоподобнѣе сказаніе Конисскаго, который говоритъ что онъ избранъ Гетманомъ въ 1598 году. Гетманы: Головченко и Го-

лубъ, о коихъ говорятъ Островскій и Стебельскій, были, вѣроятно, вольно-избранные частью Козаковъ, преданныхъ Польшѣ, подобные Коспікѣ и Бородавкѣ. Бантышъ-Каменскій пишетъ (Срав. G. U. 112 — 120), что Сагайдачный, былъ низкій происхожденіемъ, но великій духомъ, ума чрезвычайнаго, храбрый, бодрый, проворный, малорѣчивый, врагъ роскоши, нрава жестокаго, неистоваго, проливавшій кровь за малѣйшее преступленіе, неумѣренный въ чувственныхъ наслажденіяхъ, И. М. Р. I. 162). Нѣмцевичъ пишетъ о немъ не такъ (D. Z. III. 522—333). И. У. называетъ его первѣйшимъ защитникомъ благочестія (стр. 74). Отрывокъ изъ пѣсни о подвигахъ Сагайдачнаго (Зап. Стар. № 58 — 60) можетъ отчасти показать мнѣніе объ немъ Козаковъ и отношеніе, въ какомъ находился онъ къ нимъ. Вотъ переводъ этого отрывка.

— По горѣ жнецы жнутъ, а подъ горою, подъ зеленой горою, Козаки идутъ.

Впереди идетъ Дорошенко, и стройно ведетъ свое войско, свое Запорожское войско. А въ среднѣ идетъ Панъ Хорунжій: силенъ и крѣпокъ его конь, его конь вороной. За нимъ идетъ Сагайдачный: онъ промѣнялъ жену свою на табакъ и трубку. — Воротись Сагайдачный! Возьми свою жену, брось трубку свою! — Недосугъ мнѣ возиться съ женой, а трубка табаку пригодится въ пути Козаку. Гей, кто тамъ въ лѣсу, озовись! Не горюй! Мы выкрешемъ огня. Мы закуримъ трубки! —

Дорошенко, о которомъ упоминается въ сей пѣснѣ, есть Михаилъ Дорошенко, бывшій въ 1625 году Атаманомъ Кошевымъ. Въ то время къ которому относится пѣсня, онъ былъ вѣроятно еще Бунчужнымъ, который, по обычаю Козацкому, съ бунчукомъ Гетманскимъ всегда шелъ предъ войскомъ, сопровождаемый главной дружиной Козаковъ ре-

естровыхъ. Припомнимъ отрывокъ изъ пѣсни, помѣщенный на 115 стр. Запор. Стар. No I; — Въ первомъ таборѣ были всѣ реестровые; во второмъ таборѣ всѣ Хорунжіи; а въ третьемъ таборѣ всѣ Куренные (вѣроятно, охочекомонные).

Максимовичъ иначе думаетъ о сей пѣснѣ, утверждая, что она относится не къ Гетману Сагайдачному, а какому-то забубенному спутнику Дорошенка. (Телескопъ. 1834. No 6. 92. и Мал. Пѣсн. Москва. 1827. 214). Можетъ быть и правда; но доказательства? И почему же о спутникѣ Дорошенка народъ, сколько мнѣ извѣстно, не знаетъ ничего; какъ между тѣмъ Гетманъ Сагайдачный, упоминается и въ сказкахъ, хотя жилъ и прежде Дорошенка? Помня Дорошенка, народъ, конечно, помнилъ бы и его спутника, если сложилъ о немъ пѣсню.

Котляревскій говоритъ, что прозваніе Сагайдачный происходитъ отъ слова Сагайдакъ = тулъ, влагалище стрѣлъ. Иные думаютъ, что прозваніе Сагайдачнаго Конашевичъ получилъ отъ того, что имѣлъ земли по шляху Сагайдачному, или Сагайдаку, т. е. дорогѣ проложенной между солончаками. О шляхѣ Сагайдакѣ есть пѣсня чумацкая. Вотъ отрывокъ изъ нея, мнѣ извѣстный:
— Ой ïхавъ та чумакъ изъ волами,
Тá по сûль, та по сûль изъ волами.
Та ïхавъ чумакъ, та ïхавъ чумакъ тûмъ
довгимъ шляхомъ,
Тûмъ довгимъ шляхомъ, шляхомъ Сагайдакомъ.
Ой и зустрûлись ёму Горбунёвци́:
— Де були, де блукали, панотци́?
— Ой блукали, чумаче, тûмъ довгимъ
шляхомъ,
Тûмъ довгимъ шляхомъ, шляхомъ Сагайдакомъ;
Та й блукали не одни, зъ Гетьманськимъ
ратомъ

Що надъ сагою, що надъ байракомъ;
Та й привернули до Панського рога,
А у Панському розѣ, при битій дорозѣ,
Пана Гордія слухали до ночи. . .

— Другая пѣсня доставлена мнѣ И. В. Росковшенковымъ, которому обязанъ искренней признательностью за богатый вкладъ въ мою Украинскую скрыню. — Еще одна чумацкая пѣсня о Сагайдакѣ, доставленная мнѣ И. Лисавицкимъ, начинается такъ:

— Браще, браще чумаче, а де заночуемо?
— Ой заночуемо бѣля Рябій могилы. —
Шляхомъ Сагайдакомъ чумака водили,
Та й у могили похоронили.
Поховали его, покинули его,
Тая-жь Рябая могила зъ вѣтромъ говорила:
Та про Козака Сагайдака гомонила. . .

— Близь мыса Кичкаса на лѣвой стоpонѣ Днѣпра у самаго берега есть лѣсъ или роща называемая Сагайдакомъ! — Не подалеку отъ рѣки Самари въ Изюм-

скомъ уѣздѣ Хар. Губ. есть могила называемая также Сагайдакомъ и мѣловая гора съ пещерою того-же имени.

13.

Походы Козаковъ противъ Татаръ и Турокъ.

Время Сагайдачнаго есть время военной славы Запорожцевъ. Не проходило года, что-бы они не отправлялись или въ Крымъ или въ Анатолію. Современникъ сихъ событій Лубенскій говоритъ: — hoc genus hominum parvis cymbis quarum singulae non plures quadraginta milites capiunt, per ostia Borysthenis egressum, Asiae minoris Thraciaeque littora pervagatos esse ac excursione factâ urbes et oppida expilasse, ipsi Regiae urbi Constantinopolitani non semel terrorem incussisse, quod et hiscè annis aliquoties factum fuisse scimus; — и еще: — saepe terrâ sed frequentius mari

rem gerere, furtivis excursionibus, potissimum iis in quorum confiniis versantur Christiani nominis hostibus graves molestosque esse. . .

Подробно о сихъ походахъ и набѣгахъ говоритъ Бопланъ.

—Козаки—говоритъ онъ—почти ежегодно на ладьяхъ своихъ разгуливаютъ по Черному морю для нанесенія ударовъ Туркамъ; неоднократно грабили они владѣнія Крымскаго Хана, опустошали Натолію, разоряли Трепизонтъ, доплывали до Босфора и даже въ трехъ миляхъ отъ Константинополя предавали все огню и мечу. Число Козаковъ, предпринимающихъ такіе набѣги, не превышаетъ — 10,000 воиновъ. Задумавъ погулять на морѣ Козаки испрашиваютъ дозволеніе не у Короля, но у Гетмана. —

=Иногда не у Гетмана, а у Атамана; иногда выступали въ походъ и сами по своей прихоти, какъ то очень часто, дѣлывали Гайдомаки. =

— Потомъ составляютъ Раду, и выбираютъ на время походнаго Атамана.—

= Очень часто Козаки ходили въ походъ подъ начальствомъ самихъ Гетмановъ или Кошевыхъ Атамановъ. =

— Послѣ сего они хорошо вооруженные отправляются въ числѣ 5 или 6000 въ Войсковую Скарбницу со снарядами и запасами, необходимыми для похода и для постройки ладій; и, построивши оныя, обыкновенно послѣ Иванова дня отправляются въ походъ, возвращаясь не позже первыхъ чиселъ Августа мѣсяца.

= Морскіе походы Низовыхъ Козаковъ—говоритъ Шафонскій,—начинались съ ранней весны и оканчивались поздней осенью во время новой прибыли воды на Днѣпрѣ. =

— Ладьи Козацкія спускаются по Днѣпру, и плывутъ такъ тѣсно, что едва не задѣваютъ другъ друга веслами.—

= Не правда. Обыкновенная форма расположенія ладій у Козаковъ была—

гусемъ весши, — или журавлемъ шагши: гусемъ или гуськомъ ш. е. одна за другою рядомъ; журавлемъ ш. е. угломъ, шакъ что главная ладья сосшавляла средину и передъ, и была обыкновенно снабжена пушками. ═

— Ашаманскій флагъ развѣваешся впереди. Турки обыкновенно заранѣе узнаюшъ о предпріяшіи Козаковъ, и чшобы удержашь ихъ, расшавляюшъ галеры свои на усшьѣ Днѣпровскомъ. —

═ Откуда могушъ Турки узнашь о предпріяшіяхъ Козацкихъ? Лубенскій именно говоряшъ, что Козаки ходили на невѣрныхъ furtivis excursionibus (Cens. Jul. Bel. 225). — Турки не одними галерами, нарочно для сего посылаемыми — по словамъ Боплана — удерживали Козаковъ ошъ выхода въ Черное море, но имѣли на усшьѣ Днѣпра нѣсколько крѣпосшей, снабженныхъ пушками, о чемъ упоминаюшъ многіе Лѣшописцы. ═

— Хишрые Козаки для выхода въ море избираюшъ ночь самую шемную,

предъ новолуніемъ, а до того времени скрываются въ 3 или 4 миляхъ отъ устья Днѣпра, въ комышахъ, куда галеры Турецкія, помня прежнюю неудачу, не смѣютъ показаться: онѣ стерегутъ Козаковъ только на устьѣ, и всегда безъ успѣха. Впрочемъ проѣздъ Козаковъ чрезъ Лиманъ не можетъ совершенно укрыться отъ стражи; вѣсть о выходѣ ихъ въ море быстро распространяется по морскому берегу до самаго Константинополя. Султанъ разсылаетъ гонцевъ по берегамъ Натоліи, Булгаріи и Румеліи для предостереженія жителей. Но все это ни къ чему не служитъ. Козаки, пользуясь и временемъ и обстоятельствами, чрезъ 36 или 40 часовъ по выходѣ изъ Днѣпра причаливаютъ къ берегамъ Натоліи, и, оставивъ для караула на каждой ладьѣ по два товарища и по два мальчика, вооруженные пищалями дѣлаютъ высадку, нападаютъ врасплохъ, приступомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опусто-

шаюшъ [Напполію, не рѣдко на цѣлую милю отъ морскаго берега; потомъ немедленно возвращаются къ судамъ, нагружаютъ ихъ добычею, и плывутъ далѣе на новые поиски.]

== Очень хорошо; но что же такое былъ Султанъ? Онъ галерами удерживалъ Козаковъ отъ выхода въ море, а не посылалъ галеръ къ Козацкимъ судамъ, когда онѣ оставались подъ надзоромъ и охраненіемъ тощаго караула; онъ увѣдомлялъ своихъ подданныхъ о нападеніяхъ Козаковъ, слѣдственно зналъ и родъ сихъ нападеній, и слѣдствія оныхъ, слѣдственно жалѣлъ своихъ подданныхъ, а не думалъ объ отраженіи Козаковъ войсками, и предоставлялъ имъ свободу грабить города. . . Онъ, Султанъ, страшный Польшѣ и Германіи! — Что нибудь да не такъ! ==

— Если есть надежда на успѣхъ, то вновь дѣлаютъ высадку; если нѣтъ, возвращаются съ добычею на родину. Если попадутся имъ на встрѣчу на морѣ Ту-

рецкія галеры или купеческіе корабли, они бросаются на нихъ въ абордажъ. Замѣчаютъ-же они корабль непріятельскій или галеру прежде, нежели Турки замѣтятъ ихъ ладьи, возвышающіяся надъ морскою поверхностью не болѣе 2½ футовъ. Увидѣвъ вдали корабль, Козаки немедленно складываютъ мачты, замѣчаютъ направленіе вѣтра, и становятся такимъ образомъ, что-бы къ вечеру солнце было у нихъ за спиной. За часъ до захожденія солнца они плывутъ на всѣхъ веслахъ къ кораблю и останавливаются на милю отъ него, что-бы не упустить непріятеля изъ виду. На конецъ въ полночь по данному знаку устремляются на врага: половина удальцевъ, готовыхъ къ бою, съ нетерпѣніемъ ждетъ абордажа; и, сцѣпившись съ Турецкимъ судномъ, въ одинъ мигъ всходитъ на оное. Турки уступаютъ; а Козаки, забравъ деньги, негромоздкіе товары, которымъ не вредитъ подмочка, пушки и все то, что можетъ быть для нихъ

полезно, пускаютъ корабль на дно со всѣмъ его экипажемъ. —

= Иногда и сожигали: подобныхъ случаевъ Лѣтописцы расказываютъ много. =

— Козаки тогда только претерпѣваютъ пораженіе, когда сойдутся съ Турецкими галерами среди бѣлаго дня; тогда пушечные выстрѣлы губятъ ихъ ладьи въ морской боздиѣ, и Козаки ищутъ спасенія въ бѣгствѣ. Если же рѣшаются на битву, то, привязавши весла по мѣстамъ, одни изъ нихъ, не трогаясь съ лавокъ, стрѣляютъ безпрерывно изъ самопаловъ, а другіе заряжаютъ ихъ и подаютъ товарищамъ; и такимъ образомъ мѣткіе выстрѣлы ихъ не допускаютъ Турокъ до ручной схватки. —

= Но развѣ Козаки боялись ручной схватки съ Турками? Кажется, для нихъ были страшнѣе ихъ пушки. Козаки были лихіе борцы, и мѣтко стрѣляли изъ пищалей, и ловко рубились на сабляхъ. =

— Впрочемъ урокъ состороны Козаковъ бываетъ всегда великъ: рѣдко уцѣлѣетъ изъ ихъ дружины и половина. —

== Сказаніе чрезвычайно важное. Если такъ великъ былъ ихъ урокъ всегда, т. е. по нѣскольку разъ ежегодно, то чѣмъ пополнялась убыль дружины? Вся Украина со всѣмъ народонаселеніемъ своимъ могла-бы скоро превратиться въ пустыню; если-же Украина не только не пустѣла, но заселялась все болѣе, то, вѣроятно, были побѣги изъ странъ чуждыхъ въ Кошъ Запорожскій, и побѣги огромными толпами. Но было-ли это? Вліяніе чужеземцевъ иновѣрцевъ на нравы и обычаи Козаковъ было-бы въ такомъ случаѣ такъ сильно, что въ продолженіе трехъ вѣковъ Козаки совершенно потеряли-бы свою народность; и между тѣмъ Козаки XVIII вѣка не разнились почти ничѣмъ отъ своихъ предковъ вѣка XVI. Даже самый языкъ — не говоря уже о вѣрѣ — измѣнился очень мало. — Стало быть: ==

— Наконецъ настаетъ время возвращенія на родину. Турки между тѣмъ усиливаютъ стражу на устьѣ Днѣпровскомъ; но Козаки смѣются надъ этимъ даже и тогда когда битвы съ непріятелемъ уменьшили число ихъ, или волны морскія поглотили нѣкоторые изъ утлыхъ ихъ ладій. Они причаливаютъ въ заливѣ въ 3 или 4 миляхъ отъ Очакова на востокъ. Отъ сего залива къ Днѣпру идетъ низкая лощина длиною около 3 миль, которую море иногда заливаетъ на ½ мили, покрывая ее водою не болѣе какъ на ½ фута (луга). Чрезъ сію лощину Козаки перетаскиваютъ свои суда: надъ каждымъ челномъ трудится 200 — 300 человѣкъ (! ?), и чрезъ 2 — 3 дня весь флотъ, обремененный добычею, является на Днѣпрѣ. Такимъ образомъ Козаки избѣгаютъ сраженія съ Турецкими галерами, стоящими на устьѣ Днѣпровскомъ близъ Очакова, возвращаются въ Войсковую Скарбницу, и дѣлятъ тамъ добычу.—Есть и другая до-

рога для возвращенія въ Запорожье — чрезъ проливъ, раздѣляющій Таманъ отъ Керчи, по Донскому Лиману и рѣкѣ Міусу. Проплывши по сей рѣкѣ вверхъ противу теченія покуда можно, Козаки переходятъ волокомъ на Товча-воду, и плывутъ по ней въ рѣку Самарь, и потомъ Самарью, вливающеюся въ Днѣпръ, выше Кайдака; впрочемъ Козаки рѣдко избираютъ путь сей по отдаленности его отъ Запорожья. Иногда они избираютъ его и для проѣзда въ Черное море на устьѣ Днѣпровскомъ. —

= Сухимъ путемъ Козаки ходили по такъ называемому старому Крымскому шляху, Серпяжскому шляху, Сагайдаку, шляху Верниводу и пр. Старый Крымскій шляхъ или Моравская дорога по различнымъ мѣстамъ имѣла различныя названія; часть его отъ рѣки Самари къ Осокоровкѣ называлась Серпяжскимъ шляхомъ; другая часть проходившая въ Молдавію называлась Сагайдакомъ; доро-

га по берегу Днѣпра около пороговъ называлась шляхомъ Верниводомъ: это-же имя носилъ и водный путь по Днѣпру отъ Монастырика (острова) до Кичкаса. Сими дорогами они доходили до Крымскихъ и Буджацкихъ Татаръ. Въ Турцію они проходили иногда чрезъ Буджацкія земли, иногда и чрезъ горы Кавказскія если вѣрить Конисскому. — Въ подобныхъ походахъ они всегда располагались таборами. — (*Извлеченіе изъ Укр. Восп.*)

14.

Пѣснь о Савѣ Чаломъ въ переводѣ.

Сава Чалый — одинъ изъ любимцевъ памяти народной: бандуристы поютъ о немъ много пѣсенъ — очень любопытныхъ; въ нихъ описана вся жизнь его довольно подробно. Важнѣйшая изъ сихъ пѣсенъ есть та которая помѣщена въ

№ I. Зап. Стар. 60 — 83. Въ другой, изъ коей у меня находится только отрывокъ, упоминается, что Чалый бился съ Сагайдачнымъ и какимъ-то Юрой. Надѣюсь получить сію пѣсню въ полномъ спискѣ, и тогда напечатаю въ Дополненіяхъ къ I части Запор. Стар.

По всѣмъ вѣроятностямъ судя, Сава Чалый былъ предводителемъ нѣкоторой части Козаковъ, передавшихся на сторону Польши, и имѣвшихъ своихъ собственныхъ Гетмановъ, каковы были: Головченко, Голубь, Кушка и Бородавка. О сихъ послѣднихъ говоритъ Конисскій, и, судя по сравненію его сказаній съ другими лѣтописцами, довольно вѣрно. Вотъ его слова: — Поляки въ опровержение Гетманства Сагайдачнаго, а больше что бы сѣять вражду и междоусобіе въ войскахъ Малороссійскихъ, выбрали съ приверженными къ нимъ полками Гетманомъ изъ Сотниковъ Демьяна Кушку, а онъ вздумалъ прославиться военными подвигами, и заслужить общее

шѣмъ уважение отправился съ войсками въ Бессарабію для освобожденія плѣнныхъ Христіанъ, тамошними Татарами на границахъ Подоліи забранныхъ, но приближась къ городу Акерману былъ атакованъ Турками и Татарами и взятъ въ плѣнъ и истребленъ. На мѣсто Кушки Поляки выбрали Гетманомъ Старшину Козацкаго Бородавку; но Сагайдачный поймавъ его разъѣзжающаго по Малороссіи для возмущеній, предалъ его суду, который осудивъ его яко самозванца и возмутителя народнаго на смерть, велѣлъ растрѣлять предъ войскомъ; такъ и сдѣлали. — Вѣроятно сему Бородавкѣ наслѣдовалъ Сава Чалый, ибо въ С. З. XII. сказано, что въ тое время возсталъ еще нѣкій Сава Голованъ съ войскомъ Малороссійскимъ и Польскимъ супротивъ Сагайдачнаго. Чалый могъ называться по какому нибудь случаю и Голованомъ. Притомъ легко можетъ быть, что Сава Чалый есть тоже самое лице, которое Стебельскій

называетъ Головченкомъ. Между тѣмъ вотъ что говоритъ пѣснь о Савѣ Чаломъ:

Жилъ былъ въ Сѣчи старикъ Козакъ и назывался Чалымъ. Онъ воспиталъ сына Саву на славу Козакамъ. Но Панъ Сава не захотѣлъ служить Козакамъ, а пошелъ къ Полякамъ межъ ними добывать себѣ славы. Пошелъ онъ служить въ службѣ Польской и разорять вмѣстѣ съ ними церковь Православную. И былъ себѣ Сава и ѣлъ только сало да паляницы (булки); и не любилъ онъ юныхъ дѣвицъ, любилъ однихъ молодицъ; не любилъ онъ и Пановъ Козаковъ, любилъ однихъ Католиковъ. Саву погубилъ, Сава продалъ на всегда свою вѣру. — Тогда сбирались Запорожцы, сходились на Раду, разсуждали о походахъ. Они всѣ пришли, всѣ пришли; одного только нѣтъ. — За чѣмъ-же не пришелъ ты на Раду отецъ Чалый? —

Зачѣмъ-же идти мнѣ, Паны Козаки, на Раду; если вы хотите погубить на вѣки моего сына Саву! Хоть онъ и присталъ къ Католикамъ, — но для чего ты возгордился предъ нами? — Возгордился-ли Сава или нѣтъ — говорятъ Козаки; но слава его стала недобрая, горькая слава: Панъ Сава не только разоряетъ церковь Православную, онъ сдружился съ чертями и сталъ колдуномъ. — Тогда обозвался Голый, и говоритъ: — я хорошо знаю Пана Саву; я захвачу его. — И разошлись Козаки съ Рады, и сѣдлали коней, и выступали въ походъ. А между тѣмъ Сава пьетъ на пиру у Поляковъ въ городѣ Немировѣ, и не думаетъ и не знаетъ о горькой бѣдѣ своей. И пьетъ Сава, и веселится, и корчитъ себя Полякомъ; а къ нему къ Савѣ пріѣзжаетъ гонецъ. — За чѣмъ ты, Ѳома?... Все ли благополучно у насъ? — Протоптали, Панъ, дорожку, ко двору твоему; но все хорошо, все благополучно: только Гайдамаки часто выглядываютъ изъ-за го-

ры. — Вотъ бѣда! Выглядываютъ! Не мнѣ ихъ бояться! Развѣ нѣтъ у меня войска. Я не опоздаю. Подведи-же мнѣ, молодецъ Ѳома, своего воронаго коня; а самъ осѣдлай, самъ приготовь для себя гнѣдаго старика. — И поѣхалъ Сава изъ Немирова на вороном коне; а пріѣхавши, началъ думать о судьбѣ своей. — Доля ты моя, доля — говоритъ Сава — щербатая доля! — И спрашиваетъ онъ слугу своего: — Все ли благополучно у насъ? — Все хорошо, все хорошо, Панъ Сава; еще лучше съ тобою, когда увидимъ тебя на ворономъ конѣ. Все хорошо, все хорошо, Панъ Сава; только часто Козаки выглядываютъ изъ за горы. — И сѣлъ Сава въ концѣ стола, и пишетъ письма; а его молодая жена качаетъ дитя. Сава пишетъ письма; Сава думаетъ думу, — и вотъ онъ Сава, Панъ Сава замышляетъ дѣло. — Сходи ты, молодецъ, въ подвалъ, и принеси вина: выпьемъ чару за здравье жены. Сходи ты, молодецъ, въ подвалъ, и принеси пива:

выпьемъ чару за здравье сына. Сходи ты, молодецъ, въ подвалъ, и принеси меду... Мнѣ у грустно и тошно,.. головы не сдержу. — Сидитъ Сава въ концѣ стола, и читаетъ письма, а молодая жена его думаетъ и задумывается. Сидитъ Сава въ концѣ стола и зоветъ къ себѣ молодца; а молодая жена его плачетъ и рыдаетъ. Не успѣлъ молодецъ снять ключей со стѣны; Игнатъ Голый сталъ съ дружиной вороты ломать. Панъ Сава выглянулъ въ окно, а Гайдомаки бродятъ уже по сѣнямъ. — Здравствуй, здравствуй Панъ Сава! Какъ поживаешь; издалека къ тебѣ гости пришли, чѣмъ-то угостишь ты ихъ: медомъ-ли пивомъ-ли или виномъ. И прощайся ты съ сыномъ, съ женой! — Чѣмъ же угостить мнѣ васъ?.. Даровалъ мнѣ Господь Богъ сына, — окрестите его. — Не за тѣмъ мы пришли къ тебѣ чтобы крестить у тебя; мы пришли разсчитаться съ тобой. Веди-же насъ, Панъ Сава, въ новый амбаръ; и отдай намъ,

Панъ Сава Козацкую сбрую; отдай намъ сукна и шелковыя ткани, которыя ты нажилъ, вражій сынъ, по милости Козаковъ. Не за тѣмъ мы пришли къ тебѣ чтобъ крестить у тебя; мы пришли снять голову съ тебя. Если ты хотѣлъ выбирать себѣ кумовьевъ изъ Запорожцевъ, то не долженъ былъ-бы разорять церквей. — И кинулся Панъ Сава къ ясной сбруѣ своей; но Гайдомаки подняли его вверхъ на трехъ копьяхъ. И Сава вертится, увертывается, и прощается съ женою своей. — Позвольте мнѣ, Гайдомаки, съ женою проститься, позвольте мнѣ съ силой собраться. И не успѣлъ Панъ Сава вспрыгнуть на коня, его заковали въ оковы и стали класть на телегу. — Паны Запорожцы, ужели вамъ слава, что у васъ лежитъ Сава залитый въ оковы? Если-бъ вы освободили меня изъ оковъ, то пріобрѣли бы себѣ болѣе славы. Вы пріобрѣли-бы себѣ болѣе славы, если-бъ по волѣ приняли меня въ дружину свою. И Сава вертит-

ся, увертывается, и прощается съ женою своей; и кланяется Панамъ Козакамъ на всѣ четыре стороны. И дали Савѣ свободу, и выступили въ походъ,— и благодарили богатыря Саву. Не успѣлъ Панъ Сава встряхнуть коня своего, и началъ Поляковъ, и началъ Поляковъ класть какъ снопы. Не успѣлъ Панъ Сава сѣсть на коня, — было Поляковъ сорокъ тысячь — осталося двѣсти. И какъ глянетъ Панъ Сава на правую руку: — Выноси-жъ меня, конь мой, изъ подъ Польскихъ труповъ. — И какъ глянетъ Панъ Сава на правое плечо: — Передъ нимъ и за нимъ текутъ рѣки крови. —

****

15.

Сказанія о смерти Сагайдачнаго.

Большая часть лѣтописцевъ говорятъ, что Сагайдачный раненъ въ битв.

въ Хотинской, и умеръ отъ раны. Одинъ только Рогалевскій заставляетъ его умерѣть на поляхъ Хотинскихъ. Нѣкоторые, въ числѣ коихъ и Конисскій, не говорятъ и о ранахъ. Конисскій прибавляетъ, что Сагайдачный при концѣ жизни своей, поручилъ дѣла военныя Наказному Гетману своему Петру Жицкому, — и, поживши въ полной славѣ великаго и важнаго Гетмана Малороссійскаго болѣе 23 лѣтъ, скончался въ 1622 году. . . Иные утверждаютъ, что онъ предъ смертію постригся въ иноки.

О сѣдой бородѣ Сагайдачнаго есть преданіе народное; но оно здѣсь не къ дѣлу.

16.

Сказанія о Кунцевичѣ.

Іосафатъ Кунцевичъ, Архіепископъ Полоцкій, herbu Roza (К. Р. 1. 92.) при-

крывалъ свой свирѣпый нравъ видимымъ смиреніемъ и святостью, носилъ грубую власяницу а во время литургіи иглистый желѣзный поясъ, и каждый день бичевался (G. U. 123.). Онъ родился во Владимірѣ и былъ сынъ сапожника, а потомъ добылъ себѣ званіе Шляхтича; какъ сказано въ рѣчи Лаврентія Древинскаго Депутата и Чашника земли Волынской, на Сеймѣ 1620 года, въ присутствіи Сигизмунда III (И. У. 72.). Характеръ и поступки Кунцевича превосходно представлены въ письмѣ къ нему Канцлера Литовскаго Льва Сапѣги. Переводъ сего письма см. въ Рос. Магаз. III. 474 и пр. а сокращенно въ И. У. 75 и слѣд. — Архіепископъ Мелетій Смотрицкій, одинъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ Православія, будучи избранъ Патріархомъ Өеофаномъ на Епархію Полоцкую, пріѣхалъ въ Витебскъ, и, сжалясь надъ жителями его, коихъ утѣснялъ Іосафатъ, подалъ имъ совѣтъ умертвить его. Совѣтъ приняли, и Іоса-

ѳанъ въ 1623 году былъ умерщвленъ; а Уніаты, почитая его за мученика, причислили къ лику Святыхъ Римской церкви, вмѣсто мощей стали показывать его восковую статую, и еще сильнѣе начали угнѣтать Православныхъ (И. У. 84. 85). Зачинщики заговора противъ Кунцевича были преданы казни.

Сравни D. Z. VIII. 312.

17.

Дума о Безродномъ въ переводѣ.

— Съ Нечаемъ погибли и многіе сподвижники его: Горленко, Стосура, Ѳома Безродный. . . . . С. 3.

Сей Безродный, коего переписчики по ошибкѣ переименовали Ѳомою, есть, конечно, Ѳедоръ Безродный, о коемъ говоритъ Дума, помѣщенная въ Зап. Стар. No I. стр. 91—94; покрайней мѣрѣ ни одного Атамана такого прозванія, кромѣ сего

Өедора или Өомы, — сколько мнѣ извѣстно, — не было у Запорожцевъ до самаго раззоренія Сѣчи.

— По надъ Сагой Днѣпровской молодой Козакъ обѣдаетъ, и недумаетъ онъ, и не гадаетъ, что на него молодáго, и на его юнаго Чуру, настигаетъ бѣда.

То не луговыя вербы зашумѣли, то налетѣли безбожные Татары Ушкалы, и саблями и выстрѣлами ранили Өедора Безроднаго, Атамана Куреннаго; не поймали только юнаго Чуры. Тогда Чура идетъ къ Козаку, промываетъ глубокія раны его; и Козакъ говоритъ ему: — Чура мой Чура, мой вѣрный слуга! Иди ты степью по надъ Днѣпромъ; и прислушайся: гуси-ль то кричатъ, иль то лебеди ячатъ, иль то Ушкалы гудятъ, иль то Козаки Днѣпромъ идутъ? Если то гуси кричатъ или лебеди ячатъ, разгони ихъ; если-жъ Ушкалы гудятъ, укрой меня; если-жъ то Козаки идутъ, скажи

имъ: пусть они причалятъ челны свои къ берегу, и навѣстятъ меня Козака Өедора Безроднаго. — Тогда Чура пошелъ бродить по берегу, и увидалъ Козаковъ, и манилъ ихъ шапкой своей, и молвилъ имъ: — Паны молодцы, будьте добры, причальте къ берегу челны свои, поспѣшите къ Куренному Атаману. — И услышали Козаки рѣчи сіи, и причалили къ берегу, и пришли къ Атаману. Тогда Козакъ хвалитъ Чуру, говоритъ такія слова:—Чура мой, Чура, вѣрный мой слуга! Будь вѣренъ чести, и будутъ тебя Козаки уважать. — Такъ говорилъ онъ, и просилъ у всѣхъ прощеніе, и отдалъ душу милосердному Богу. Тогда Козаки копали саблями могилу, шапками и приполами выбрасывали землю, хоронили Өедора Безроднаго, и стрѣляли изъ семипядевныхъ пищалей, и жалобно играли въ трубы. И твердо вѣрила душа Козацкая, что не умретъ безъ Войска Козацкаго. —

Чура — молодой слуга, какихъ имѣлъ при себѣ всякій Козакъ иногда по два и болѣе. О нѣкоторыхъ изъ Чуръ упоминается и въ Лѣтописяхъ. Пясецкій (p. 477) упоминаетъ о Цюрахъ, коихъ количество при войскѣ часто въ пять превышало разъ самое войско.

Называли *Ушкалами* Запорожцы отрасль Буджаковъ, славившихся храбростью. — Буджацкіе Ушкалы или Гушкалы. — Венгерскіе Гушкалы. —
— Не сходны-ль они съ *ушкуйниками* нашими, получившими названіе отъ легкаго судна, на коемъ плавали? И. Сп.

18.

Привиллегіи, данныя Сигизмундомъ III Грекороссіянамъ.

Въ 1589 на Сеймѣ Варшавскомъ Сигизмундъ III далъ привиллегію духовен-

ству Грекороссійскому сохранять всѣ ихъ чины въ силѣ, власти, чести и достоинствѣ на равнѣ съ духовенствомъ Католическимъ.

Въ 1687 года Конституція: — успокоевая вѣру Греческую, предостерегаемъ, что чиновъ и маетностей духовныхъ иначе раздавать не будемъ, какъ только сообразуясь учрежденію оныхъ и древнему обычаю предковъ нашихъ, отъ коихъ онѣ имъ даны т. е. людямъ Шляхотскимъ народа Русскаго и прямо вѣры Греческой, и не дѣлая имъ предосужденія въ совѣсти ихъ по законамъ, и свободнаго отправленія службы ихъ, по древнимъ ихъ обрядамъ. —

Въ 1609 году издана Конституція, грозившая судомъ и пѣней наказывать обидящихъ, и обѣщавшая основательнѣе успокоить всѣ ссоры между Уніатами и Неунитами на будущемъ вскорѣ Сеймѣ.

Въ 1618 году подтверждена свобода Богослуженія Грекороссіянамъ, а совер-

шенное успокоеніе вѣры Греческой оставлено опять до слѣдующаго Сейма.

На Сеймѣ 1620 подтверждена Конституція 1607 года относительно Духовенства Грекороссійскаго.

Въ 1623 году выдана Конституція въ удостовѣреніе спокойствія Уніатовъ и Неунитовъ; а рѣшеніе дѣла относительно Уніатовъ и Неунитовъ снова отложено до будущаго Сейма.

Въ 1627 году вышла Конституція съ подобнымъ обѣтомъ.

Также сдѣлано и на Сеймѣ 1631 года (И. У. 65—88).

19.

Сказаніе Боплана о Койдакѣ.

— На Койдакѣ въ Іюлѣ 1635 года — говоритъ Бопланъ—былъ заложенъ мною замокъ; но послѣ моего отъѣзда въ Ав-

густѣ мѣсяцѣ нѣкто Сулима (Soliman), предводитель мятежныхъ Козаковъ, возвращаясь съ моря и видя, что замокъ преграждаетъ ему путь, напалъ на оный врасплохъ, и изрубилъ 200-тный гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ Полковника Маріона, родомъ Француза. —

= Въ С. Г. З. сказано, будто Койдакомъ въ то время начальствовалъ какой-то Тминскій. =

— Взявъ и разграбивъ сію крѣпость, Сулима возвратился въ Запорожье; но Козаки не долго владѣли тогда Койдакомъ: по распоряженію великаго Конецпольскаго, они были осаждены вѣрными Козаками и взяты въ плѣнъ. Сулима со всѣми единомышленниками пойманъ былъ уже въ послѣдствіи и четвертованъ въ Варшавѣ. —

= Конискій говоритъ, что всѣмъ старшинамъ отрублены головы, и отосланы въ города Малороссійскіе. =

— Впрочемъ Поляки оставили безъ вниманія Койдацкую крѣпость, и тѣмъ развязали руки дерзкимъ Козакамъ, кои взбунтовались въ 1637 году. 16 Декабря около полудня, мы встрѣтили 18,000 войско ихъ, стоявшее въ таборѣ при Кумейкахъ. Хотя отрядъ нашъ имѣлъ не болѣе 4000, однако-жъ мы не замедлили напасть на Козаковъ и разбили ихъ. Сраженіе продолжалось до полуночи: около 6000 Козаковъ легло на мѣстѣ, а прочіе, оставивъ намъ 5 пушекъ и поле битвы, спаслись подъ защитою мрачной ночи. Мы потеряли 100 ч. убитыхъ и 1000 раненныхъ, въ числѣ убитыхъ находились: Подполковникъ Морвиль, его Прапорщикъ, Капитанъ Юсковскій, Поручикъ Лакротадъ и многіе другіе иностранцы. Война продолжалась до Октября слѣдующаго года. По заключеніи мира, великій и великодушный Конецпольскій съ 4000 воиновъ отправился на Койдакъ, и оставался тамъ до того времени, пока крѣпость не была приве-

дена въ оборонительное положеніе, т. е. около мѣсяца.

❖❖❖

20.

Повѣсть Конисскаго объ убіеніи Остряницы и его товарищей.

— Поляки свѣдавши чрезъ шпіоновъ своихъ Жидовъ о поѣздкѣ Гетмана Остряницы съ штатомъ своимъ безъ нарочитой стражи въ Каневъ, тутъ въ монастырѣ его окружили многолюдною толпою войскъ своихъ, пришедшихъ по ночамъ и байраками до самаго монастыря, который стоялъ внѣ города. Гетманъ узналъ о семъ предательствѣ, когда городъ и монастырь войскомъ Польскимъ были уже окружены, и потому сдался имъ безъ сопротивленія, и они перевязавъ весь штатъ Гетманскій и его самаго, а всего 37 человѣкъ положили ихъ на простыя телѣги, а монастырь

и церкви тамошнія разграбивъ до послѣда, зажгли ихъ со всѣхъ сторонъ и сами съ узниками скоропостижно убрались, и пришли въ Польшу скрытными дорогами, боясь погони и нападенія отъ городовъ. Приближаясь къ Варшавѣ построили узниковъ своихъ въ два ряда пѣшихъ связанныхъ по два и каждому изъ нихъ накинули веревку на шею съ петлею, за которую ведены были они конницею по городу съ тріумфомъ и барабаннымъ боемъ, проповѣдуя, что сіи схизматики пойманы на сраженіи надъ ними одержанномъ; а потомъ окованы и заперты въ подземныя тюрьмы. Жены многихъ захваченныхъ въ неволю чиновниковъ забравши съ собою малолѣтныхъ дѣтей своихъ, отправились въ Варшаву, надѣясь умилостивить и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательнымъ предстательствомъ дѣтей за ихъ отцевъ. Но они симъ пищу кровожадныхъ тирановъ умножили, и отнюдь ничего не помогли. — Чиновники сіи по

нѣсколькихъ дняхъ своего заточенія повлечены на казнь. Зрѣлище сіе открывала процессія Римская со множествомъ Ксендзовъ ихъ, кои уговаривали Малороссіянъ, чтобы они приняли законъ ихъ; но сіи ничего не отвѣчая, молились по своей вѣрѣ. Гетманъ Остряница, Обозный Сурмило и Полковники: Недригайло, Боюкъ (Павлюкъ) и Рыдычъ были колесованы. Полковники: Гойдаровскій, Сутримъ, Запалій, и Полковые Обозные: Кизимъ и Сучевскій пробиты железными насквозь и подняты живые на сваи. Асаулы Полковые: Постылычъ, Гарунъ, Сутыга, Подобай, Харкевичъ, Чуданъ и Чурай, — и Сотники: Чуприна, Околовичъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворожбанъ прибиты гвоздями стоячіе къ доскамъ облитымъ смолою и сожжены медленнымъ огнемъ. Хоружіе: Могилинскій, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлій, и Загнибида растерзаны железными когтями похожими на медвѣжью лапу. Старшины: Мешелай и Ту-

гай четвертованы. Жены и дѣти страдальцевъ вопили. Женамъ обрѣзавши груди перерубили ихъ до одной, а сосцами ихъ били мужей ихъ, бывшихъ еще живыми, по лицамъ ихъ; оставшихся по матеряхъ дѣтей пережгли всѣхъ въ виду отцевъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ кои подкладываемы были уголья и раздуваемы шапками. Главные члены человѣческіе, отрубленные у чиновниковъ развезены по всей Малороссіи и развѣшены на сваяхъ. Разъѣзжавшія при томъ Польскія войска дѣлали все что хотѣли, безчинства, насилія, грабежи и тиранства, нѣсколько разъ повторяли Варшавскій пиръ. Наконецъ ограбивъ всѣ церкви отдавали на аренду Жидамъ, а утварь церковную распродали, и пропили Жидамъ, кои подѣлали себѣ изъ серебра Св. утварей посуду и убранства, а ризы и стихари перешили на платье своимъ женамъ и дочерямъ. —

— ! ? ! ? —

Подобныя описанія занимаютъ большую часть сказаній И. Р. столь любезной многимъ изъ нашихъ Критиковъ. И какъ не вѣрить имъ? . . . Онѣ такъ занимательны! —

21.

Надгробная пѣснь Чураю въ переводѣ.

Асаулъ Чурай по словамъ Конисскаго прибитъ гвоздями къ доскѣ облитой смолою, и сожженъ медленнымъ огнемъ, или, что всего справедливѣе, казненъ. Подлинную пѣснь на смерть Чурая см. Зап. Стар. No I. 74 — 76. Вотъ переводъ оной.

— Орелъ, сизый орелъ, молодой Чурай! Тебя умертвили Поляки въ своей

земле. Тебя умертвили Поляки съ твоимъ Гетманомъ, съ твоимъ Гетманомъ Паномъ Стефаномъ (Остраницей). Орелъ, сизый орелъ! У тебе есть еще братья орлы! И старые и молодые, — ты знаешь ихъ — и старые и молодые все они въ тебя, и все поклялись отомстить за тебя! И старые и молодые, все удалые; ихъ вороные кони быстры, проворны; они быстры, проворны, и летаютъ какъ орлы, и какъ тучи нападаютъ на города Польскіе. Ихъ булатныя копья съ долгими наконечниками, и все остры какъ иглы, и во всехъ долги клюги. У нихъ и сабли булатныя о двухъ лезвеяхъ; и те сабли вечно осыпаютъ Ляховъ злою судьбиной.

Клюги. Я не понимаю значенія этаго слова и оставляю безъ перевода.

22.

Дума о Полтора-Кожухѣ въ переходѣ.

— Козаки вышли на четыре поля, на четыре поля а на пятое на Подолье. Однимъ полемъ пошелъ Самко Мушкетъ, а за Паномъ Хоружимъ мало-мало не шри тысячи, все храбрые Козаки Запорожцы. Они гарцюютъ на коняхъ, блестятъ саблями, бьютъ въ бубны, молятся и крестятся Богу. Не гарцюетъ на конѣ своемъ одинъ Самко Мушкетъ; онъ придерживаетъ коня своего, — и думаетъ и гадаетъ; и что-бы сто чертей разбили бѣдой его думу, его гаданье! Самко Мушкетъ думаетъ, и говоритъ такія рѣчи: — Что будетъ, когда Поляки какъ въ аду сожгутъ наше Козачество, и сварятъ себѣ на похмѣлье яствы изъ нашихъ Козацкихъ молодецкихъ костей! Что будетъ, когда наши

молодецкія Козацкія головы лягутъ на полѣ степномъ, и обагрятся кровью родной, и покроются щепами сабель своихъ. Какъ порохъ изъ дула пропадетъ тогда слава Козацкая; а не наша-ль слава, по всему свѣту дыбомъ стала, по всему свѣту степью лягла, по всему свѣту луговымъ шумомъ зашумѣла, и Туркамъ и Татарамъ дала себя знать и добромъ и зломъ, а врагамъ Ляхамъ отдалась на копье.

Летя постепи, заграетъ воронъ; скача по степи заплачетъ кукушка; закаркаетъ сизый кречетъ; головою поникнетъ быстрый орелъ; — всѣ о братьяхъ своихъ, о буйныхъ товарищахъ своихъ Козакахъ.

Или замела ихъ мятель; или потонули они въ Пеклѣ, что невидно хохловъ ни въ степяхъ, ни въ лугахъ, ни въ Татарскихъ земляхъ, ни въ Турецкихъ горахъ, ни на Черныхъ моряхъ, ни на Ляшскихъ поляхъ. Загруетъ воронъ, загруетъ, зашумитъ, — и полетитъ въ чу-

жую землю. И чтожъ? Лежатъ кости, торчатъ сабли: хрустятъ кости, звенятъ щепы сабельныя; а черно-сѣрая сорока кричитъ и прыгаетъ. Головы Козацкія, — то будто сапожникъ Семенъ кожу потерялъ (*); а ихъ хохлы — словно чертъ изъ нихъ жгуты наплелъ: такъ запеклася кровь на нихъ. — Вотъ какой славы они добыли себѣ! —

Пошли Козаки на четыре пути, на четыре пути а пятымъ Подольемъ. Однимъ полемъ пошелъ Самко Мушкетъ, а другимъ полемъ пошелъ Стефанъ Кукуруза: онъ поникнулъ своей буйной головой словно голубка. За нимъ идутъ не много не три тысячи храбрыхъ товарищей Запорожцевъ. Они гарцюютъ на коняхъ, блестятъ саблями, играютъ въ бубны, и молятся и крестятся Господу Богу, и такъ молвятъ Стефану Кукурузѣ:

— Живъ-ли, здоровъ-ли, Панъ Стефанъ? Или ты умеръ, что твоя голова къ долу поникла, словно дубомъ приши-

бло ее? Не въ память дума твоя. Придетъ-же время, что и по васъ будутъ творить панафиды: за нами будутъ старыя бабы въ полѣ свистѣть; а за тобою станутъ слезы лить юные дѣвицы. Но то все едино, что хлѣбъ, что мякина. Вотъ какъ пристанешь къ пятому яру, то загудитъ, зашумитъ хоть и середь лѣта не-дай-Богъ-буря. Бѣда будетъ и намъ, какъ вѣщала кукушка, скача по степи, летя лугомъ. Что ковала она, то говорила правду. И налетятъ быстрые орлы, и станутъ тосковать; и налетятъ вороны, станутъ ждать себѣ добычи. И какъ налетятъ кукушки — то насъ не забудутъ. Иное Жидъ, иное чертъ, иное Запорожскій Козакъ. — И пошли Козаки четырьмя путями, четырьмя путями, а пятымъ Подольемъ. Однимъ полемъ пошелъ Самко Мушкетъ, а другимъ полемъ пошелъ Стефанъ Кукуруза, а третьимъ полемъ пошелъ Карпъ Полтора-Кожухъ. Онъ гарцюетъ на конѣ своемъ, онъ пѣсню поетъ. И за нимъ

идутъ не много не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы, и гарцуютъ на коняхъ, и блестятъ саблями и бьютъ въ бубны, и молятся Богу. Гетманъ Карпъ Полтора-Кожухъ гарцуетъ на конѣ и пѣсню поетъ:

— Проклятая тоска; она изсушила меня; она съ ногъ свалила меня, молодаго Козака; но я не поддамся тоскѣ: пойду къ шинкаркѣ, и напьюсь вина. Кто хочетъ пить вина? Пойдемъ къ Жидовкѣ; а у Жидовки черные брови и юбка цвѣтная, и сама молода; и ужъ какъ хороша, какъ мила! Шинкарочка, налей-же мнѣ меду и вина, авось будетъ легче головѣ моей. — Если ты женатъ воротися домой! Если-жъ не женатъ, переночуй со мной. — Охъ, есть у меня и жена и двое дѣтей, да что-же, — не льнутъ ко мнѣ, сердце мое!

О подвигахъ Гетмана Карпа Полтора-Кожуха Лѣтописцы говорятъ очень

кратко, не упоминая ни слова о его сподвижникахъ. Вотъ почему я долженъ оставить эту думу безъ дальнихъ объясненій, сколько ни замѣчательна она по обрисовкѣ характеровъ оригинальной и необыкновенно выразительной: это — одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ памятниковъ Старины Запорожской.

23.

Сказанія Конисскаго о Гетманѣ Гулакѣ.

— На мѣсто Гетмана Полтора-Кожуха въ 1642 году выбранъ Козаками въ Гетманы Обозный Полковой Максимъ Гулакъ, но и сей одинакую съ Полтора-Кожухомъ имѣли участь, и покушенія его на умноженіе войскъ и освобожденіе Малороссіи отъ ига были тщетны, и когда вышелъ было онъ съ войскомъ къ

рѣку Тясминъ для поиска надъ Поляками, что множествомъ подъ командою Чигиринскаго Старосты Чернецкаго былъ разбитъ и разсѣянъ, и обозъ съ запасомъ и артиллерію потерялъ, и такъ пребывая онъ въ тѣхъ-же пограничныхъ мѣстахъ гдѣ и Полтора-Кожухъ державлся, имѣлъ при себѣ реестроваго войска только 7000 и съ тѣмъ ходилъ къ сосѣдинимъ народамъ на толаку т. е. помогалъ между ими слабѣйшимъ, и когда Крымцы его вызывали, то воевалъ онъ на ихъ коштѣ на Черкасовъ, на Волжанскихъ Хановъ и на Калмыковъ, и много тѣмъ одолжалъ Крымцевъ ко взаимности; а когда званъ отъ царей Московскихъ, то воевалъ онъ съ ними на Заволжцевъ и Донцовъ; и наконецъ запрошенъ былъ онъ Султаномъ Турецкимъ противъ Персовъ, тогда съ Турками войну имѣвшихъ; и ходилъ на коштѣ Турецкомъ съ войскомъ своимъ за Кубань въ Анатолію, гдѣ соединясь съ Пашею Турецкимъ Джераромъ проходилъ

съ нимъ до Эривана, побѣждалъ всегда удачно встрѣчавшіеся съ нимъ Персидскіе корпуса. А при Эривани полученъ Султанскій фирманъ съ объявленіемъ мира, и Гулакъ возвратился счастливо, и одаренъ Султаномъ весьма, и дано ему Клейноды: бунчукъ и перначъ, осыпанные каменьями и жемчугомъ. А чрезъ 5 лѣтъ Гетманъ скончался, въ мирѣ и и достоинствѣ. —

Энгель и нѣкоторые Лѣтописцы почитаютъ преемникомъ Полтора-Кужуха — Булюка или Павлюка (G. U. 133).

24.

Дума о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова въ переводѣ.

См. Зап. Стар. No I. 94 — 102. Начала сей думы я достать не могъ; но слышалъ, и увѣренъ, что она относит-

ся ко времени Савастьяновича. Доказательства на это будутъ помѣщены въ одной изъ книжекъ Дополненій къ Зап. Стард. вмѣстѣ съ началомъ думы, которое надѣюсь получить въ скоромъ времени.

— Тогда не голубые туманы поднимались, то уходили изъ города Азова изъ тяжкой неволи три брата родные. Старшіе два уходили на коняхъ, а меньшій пѣшкомъ; и гонится онъ за конными братьями своими, колетъ Козацкія ноги свои о сырые коренья, о бѣлые камни, и заливаетъ слѣды свои кровью, и догоняетъ старшихъ братьевъ, и хватаетъ за стремена, обливаетъ ихъ дробными слезами, и молвитъ такія слова:

— Старшіе родимые братья мои! хоть не много подождите меня, попасите своихъ Козацкихъ коней, и примите меня къ себѣ на коня, и хоть не много подвезите къ городу Христіанскому, что-бы я зналъ, какъ идти мнѣ въ го-

рода Христіанскіе къ отцу, къ матери. Прошу васъ, или примите меня къ себѣ на коня, или отрубите мнѣ голову, похороните мое тѣло Козацкое въ чистомъ полѣ, лишь не отдайте меня на потраву хищной птицѣ и звѣрю. — И услышалъ это старшій братъ, и такъ отвѣчалъ младшему брату:

— Братъ нашъ младшій, родной. Не поднимется рука наша, не осмѣлится сердце, не тронется сабля противъ тебя. Лучше мы будемъ идти терновниками и байраками, искать тебѣ пристанища, оставлять тебѣ признаки по пути.

И бѣжали братья не день, не два не три, не четыре, и оставили меньшаго брата на Азовской степи; и когда начали выѣзжать изъ терновниковъ и байраковъ, стали бросать знаменье по пути своему. Тогда средній братъ говоритъ старшему брату такія рѣчи:

— Старшій, родимый братъ! Прошу я тебя — здѣсь и трава свѣжа, и вода

чиста, и очеретъ пригоденъ. Отдохнемъ; попасемъ своихъ коней, хоть не много подождемъ нашего пѣшаго брата, примемъ его къ себѣ на коня, подвеземъ хоть не много къ городамъ Христіанскимъ, что-бы зналъ онъ, нашъ младшій родной братъ, куда путь его къ отцу, къ матери. —

Старшій братъ отвѣчалъ среднему такими словами:

— Родимый братъ мой средній! Если будемъ поджидать своего пѣшаго брата, то за нами Азовская погонь пойдетъ, и достигнетъ насъ, и на три куска разрубитъ; или отведетъ насъ еще въ худшую неволю, а младшаго брата минуетъ во время его отдыха въ терновинникахъ или байракахъ; не поможемъ мы брату, не избавимся и отъ рабства Турецкаго. —

Тогда средній братъ придумалъ доброе дѣло. На немъ одинъ кафтанъ, онъ не жалѣетъ и его, отрываетъ отъ него желтые и черные снурки, и броса-

опять ихъ на пути въ знамење младшему брату своему. И бѣжалъ младшій братъ не день, не два, не три, но четыре, — и выбѣгалъ изъ терновниковъ и байраковъ, и находилъ желтые и черные шнурки изъ кафтана. Онъ беретъ ихъ въ руки, и обливаетъ слезами, и говоритъ: —

— Не даромъ снурки моихъ братьевъ валяются по дорогѣ. Вѣрно, ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ. Вѣрно, за ними гналась погонь изъ города Азова, и постигла ихъ, моихъ конныхъ братцевъ, и рубила на три куска; или еще въ худшую неволю живыхъ отводила а меня младшаго брата миновала въ терновникахъ и байракахъ. О, еслибъ мнѣ Богъ помогъ найти ихъ трупы въ степи, — я бы погребъ ихъ; я не отдалъ-бы ихъ на потраву звѣрямъ и птицамъ. Пора уже мнѣ перестать гнаться за конными братьями; пора мнѣ дать отдыхъ моимъ Козацкимъ ногамъ.

И жажда, и голодъ, и вѣтеръ на него нападаетъ, подсѣкаетъ ноги бѣд-

кому Козаку. И началъ тогда младшій братъ склонять свою голову. Тогда стали налетать сизокрылые орлы, и садиться на черныя кудри его, и выклевывать его свѣтлые очи. И Козакъ говорилъ орламъ сизокрылымъ такія слова:

— Сизокрылые орлы, не милые, не любые гости мои! Подождите хоть не много, пока будетъ душа разлучаться съ тѣломъ. Тогда налетайте на трупъ, и выклевывайте очи мои. —

Слетались тогда и мелкія птички, и принялись отрывать тѣло отъ желтыхъ костей. Слетались и кукушки, и садились въ головахъ у бѣднаго Козака, и ковали — горевали будто родныя сестры. Сбѣгались и сѣрые волки, и разносили желтые кости по оврагамъ и терновникамъ, и жалобно выли, завывали. То они всѣ отправляли похороны Козаку молодцу.

Межъ тѣмъ старшіе братья приближали къ городамъ Христіанскимъ, —

и налегала на нихъ тяжелая грусть.
И средній братъ говорилъ старшему:

— Братецъ мой старшій родимый! Не даромъ тяжелая грусть налегаетъ на сердца наши: вѣрно, уже нѣтъ на свѣтѣ нашего младшаго брата. И когда мы дойдемъ до отца и матери, и когда они будутъ насъ распрашивать, что мы станемъ имъ отвѣчать, родимый братъ?
Старшій братъ отвѣчалъ ему:

— Мы скажемъ, что мы не у одного Господина были въ неволѣ, и бѣжали изъ неволи ночною порой, когда онъ спалъ, и недобудившись его оставили въ неволѣ.

Средній братъ выслушалъ и сказалъ:

— Если мы не скажемъ правды отцу и матери, то насъ покараетъ молитва отцовская и материнская.

И заѣхали старшіе братья въ лѣса Самарскіе, и отдыхали на берегу Самаря, и пустили коней своихъ пастися. Тогда наѣхали невѣрные, и схватили двухъ братьевъ, заковали въ оковы, во-

лочили ихъ по степи; и потомъ четвертовали трупы ихъ, и бросили въ чистомъ полѣ, а головы вѣшали на сабли, и ругались надъ ними.

И вотъ — хоть и легли головы трехъ братьевъ; но ихъ слава не умретъ межъ Царей, и межъ вельможъ, и всѣхъ православныхъ Христіянъ.

Дай, Господи, міру Царскому, міру Христіанскому, всѣмъ здравіе на многія лѣта! Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНІЕ

Первой Части

Запорожской Старины.

Кн: I.

Кн: II.